

ISSN 1994–0874

**Учет
и статистика**

№ 1 [45] 2017

**Accounting
and Statistics**

№ 1 [45] 2017

**Ростов-на-Дону
2017**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учет и статистика

№ 1 [45], 2017

Научно-практический журнал.
Издается с 2003 года.
Периодичность – 4 номера в год.
№ 1 (45), 2017

Журнал «Учет и статистика» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследования. Свидетельство ПИ № ФС 77–26807.

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41965.

Адрес редакции:
344002, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 69, к. 414.
Тел.: (863) 261–38–93.
E-mail: sarzhenov@gmail.com

© Ростовский государственный
экономический университет
(РИНХ), 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой «Анализ хозяйственной
деятельности и прогнозирование»
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Усенко Л. Н.

Заместитель главного редактора
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой «Бухгалтерский учет»
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Лыбынцев Н. Т.

Ответственный секретарь
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Математическая
статистика, эконометрика и актуарные
расчеты» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Арженовский С. В.

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (на диске или по электронной почте sarzhenov@gmail.com). Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.uchet.rsue.ru>.

Мнение редакции и членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикации.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Богатая И. Н. – д. э. н., профессор кафедры «Аудит» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Евстафьева Е. М. – д. э. н., доцент, профессор кафедры «Бухгалтерский учет» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Каспина Р. Г. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Управленческий учет и контроллинг» Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета.

Кизилев А. Н. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Аудит» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Кутер М. И. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Бухгалтерский учет, аудит и автоматизированная обработка данных» ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Макаренко Е. Н. – д. э. н., доцент, профессор кафедры «Бухгалтерский учет» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», декан УЭФ ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Маслова Н. П. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Социально-экономическая и региональная статистика» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Мельник М. В. – д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры «Анализ хозяйственной деятельности» ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ».

Ниворожкина Л. И. – д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Математическая статистика, эконометрика и актуарные расчеты» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Полякова И. А. – д. э. н., доцент, профессор кафедры «Социально-экономическая и региональная статистика» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Попова Л. В. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Бухгалтерский учет и налогообложение» ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс» (г. Орел).

Ткач В. И. – д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Бухгалтерский учет и аудит» ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет».

Чернышева Ю. Г. – д. э. н., доцент, профессор кафедры «Анализ хозяйственной деятельности и прогнозирование» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Балина Л. В. – Министр образования Ростовской области.

Ендовицкий Д. А. – д. э. н., профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

Елисеева И. И. – член-корреспондент Российской Академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор, директор Санкт-Петербургского социологического института РАН.

Даниэль Пьер-Лоти Пиауд – профессор, Университет Пьера и Мари Кюри, г. Париж, Франция.

Панков Д. А. – зав. кафедрой «Бухгалтерский учет, анализ и аудит в отраслях народного хозяйства» Белорусского государственного экономического университета.

Петрик Е. А. – зав. кафедрой «Аудит» Киевского национального экономического университета им. В. Гетьмана.

Сысоев Н. И. – к. э. н., доцент, первый зам. управляющего директора по экономике и финансам ОАО «Роствертол».

Татоглу Экрем – профессор кафедры международного бизнеса и торговли, факультета экономики и административных наук Bahcesehir Университета (Стамбул, Турция).

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION

Accounting and Statistics

№ 1 [45] 2017

Scientific and practical journal
Published since 2003.
Periodicity 4 issues a year.
№ 1 (45), 2017

Journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main basic thesis results of doctorate and candidate researches should be published.

Journal is registered in federal service for supervision of legislation in mass communication and protection of cultural heritage. Certificate ПИ № ФС 77–26171.

Index 41965
listing «Press of Russia»

International Standard Serial Number:
ISSN 1994–0874

Publishing address of journal:

344002, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya St., 69, room 414.
Tel. (863) 261–38–93.
E-mail: sarzhenov@gmail.com

© Rostov State
University of Economics
(RINH), 2017

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Ph. D. in Economics, Professor,
Honored Worker of Science of Russian
Federation, Head of Business Analysis and
Forecasting Chair, Rostov State University
of Economics (RINH)
Usenko L. N.

Deputy Editor-in-Chief

Ph. D. in Economics, Professor, Head
of Accounting Chair, Rostov State University
of Economics (RINH)
Labyntsev N. T.

Executive Secretary

Ph. D. in Economics, Professor
of Mathematical Statistics, Econometrics
and Actuarial Calculations Chair,
Rostov State University of Economics
(RINH)
Arzhenovskiy S. V.

Manuscripts are submitted to editor in electronic form (on disk or by e-mail sarzhenov@gmail.com). Editorial provides expert assessment (peer review, scientific and stylistic editing) of all materials published in journal.

Uniform requirements for manuscripts submitted to journals are provided on site of journal: <http://www.uchet.rsue.ru>.

Views expressed in Journal are those of authors, and do not necessarily coincide with those of Editor or Editorial Board.

Authors are responsible for the accuracy of content of publications.

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Bogataya I. N. – Ph. D. in Economics, Professor of Audit Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Evstafieva E. M. – Ph. D. in Economics, Associate professor of Accounting Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Kaspina R. G. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of «Management, accounting and controlling» of Institute of Management, Economics and Finance of Kazan Federal University.

Kizilov A. N. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of Audit Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Kuter M. I. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of Accounting, Audit and Automated Data Processing Chair, Kuban State University.

Makarenko E. N. – Ph. D. in Economics, Associate Professor, Professor of Accounting Chair, Rostov State University of Economics (RINH), Dean of Accounting Department of Rostov State University of Economics (RINH).

Maslova N. P. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of Social, Economic and Regional Statistics Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Melnik M. V. – Ph. D. in Economics, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Professor of Economic Activities Analysis Chair, Financial University under Government of Russian Federation.

Nivorozhkina L. I. – Ph. D. in Economics, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Head of Mathematical Statistics, Econometrics and Actuarial Calculations Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Polyakova I. A. – Ph. D. in Economics, Associate Professor, Professor of Social, Economic and Regional Statistics Chair, Rostov State University of Economics (RINH).

Popova L. V. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of Accounting and Taxation Chair, State University – Education-Science-Production Complex, Orel.

Tkach V. I. – Ph. D. in Economics, Professor, Head of Accounting and Auditing Chair, Rostov State University of Civil Engineering.

Chernysheva Y. G. – Ph. D. in Economics, Associate Professor, Professor of Analysis of Economic Activities and Forecasting, Rostov State University of Economics (RINH).

EDITORIAL COUNCIL

Balina L. V. – Minister of Education of Rostov Region.

Endovitskiy D. A. – Ph. D. in Economics, Professor, Rector of Voronezh State University.

Eliseeva I. I. – Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Ph. D. in Economics, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Director of St. Petersburg Sociological Institute, Russian Academy of Sciences.

Daniel Pierre-Loti Piaud – Professor of University of Pierre and Marie Curie, Paris, France.

Pankov D. A. – Head of Accounting, Analysis and Audit of National Economy Sectors Chair, Belarus State University of Economics.

Petrik E. A. – Head of Audit Chair, Kiev National University of Economics named by V. Getman.

Sysoev N. I. – Ph. D. in Economics, Associate Professor, first Deputy managing Director for Economics and Finance of Rostvertol JSC.

Tatoglu Ekrem – Professor of International Business and Trade Chair, Faculty of Economics and Administrative Science, Bahcesehir University, Turkey.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА	10
МАКАРЕНКО Т. В. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УНИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА АКТИВОВ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО МЕНЕДЖМЕНТА	10
ИВАНОВ А. В. О ФОРМАХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	19
РАЗДЕЛ II. АУДИТ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ	25
БАХТЕЕВ А. В., АРЖЕНОВСКИЙ С. В. ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛОГИКО-ВЕРОЯТНОСТНОГО ПОДХОДА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ РИСКОВ В АУДИТЕ	25
РАЗДЕЛ III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	34
АЗНАБАЕВА Г. Р. РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ ИТ-СЕКТОРА	34
РАЗДЕЛ IV. СТАТИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ, АНАЛИЗ	39
НИВОРОЖКИНА Л. И. ОТКЛИК РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ: АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ АДАПТАЦИИ	39
ПОЛЯКОВА И. А. СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВАЖНЕЙШИХ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: АНАЛИЗ И ОЦЕНИВАНИЕ	49
ЧЕРНЯКОВ М. К., ЧЕРНЯКОВА М. М. ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	58

РУССКИХ Т. Н., ТИНЯКОВА В. И., СТРОЕВ С. П. МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА: МЕТОДИКА И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	66
МИХАЙЛОВА Е. Б. ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ И МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	75
РАЗДЕЛ V. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ	82
МИТРОФАНОВА И. А., БЕГАЧЕВА Ю. И. НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	82
АРЖЕНОВСКИЙ С. В., РУДЯГА А. А. ДЕФИНИЦИЯ РИСКА В ЭКОНОМИКЕ: ОБЗОР ПОДХОДОВ	88
АЛПАТОВА Е. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	93
МЕЛИКОВ Ю. И., КОНОВАЛОВ А. А. ПУТИ УСИЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	99
РУКИНА С. Н., САМОДУРОВА В. Н. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ	109
ОВЕЯН Е. С. ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА	120
НАШИ АВТОРЫ	125

CONTENT

SECTION I. STATUS AND DEVELOPMENT TRENDS OF ACCOUNTING	10
MAKARENKO T. V. MAIN APPROACHES TO UNIFICATION OF BUSINESS ENTITY'S ASSETS ACCOUNTING TOOLS IN INTERNAL MANAGEMENT SYSTEM	10
IVANOV A.V. ABOUT FORMS OF ACCOUNTING IN MODERN CONDITIONS	19
SECTION II. THEORY AND PRACTICE OF AUDIT	25
BAKHTEEV A. V., ARZHENOVSKIY S. V. JUSTIFICATION OF APPLICATION OF LOGIC-PROBABILISTIC APPROACH AS AN AUDIT RISK ASSESSMENT TOOL	25
SECTION III. ISSUES AND WAYS OF DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMICAL ANALYSIS	34
AZNABAEVA G. R. DEVELOPMENT OF METHODS OF ANALYSIS OF FINANCIAL RESOURCES OF ENTERPRISE OF IT-SECTOR	34
SECTION IV. STATISTICS IN THE MODERN WORLD: METHODOLOGY, TOOLS, ANALYSIS	39
NIVOROZHKINA L. I. RESPONSE OF RUSSIAN HOUSEHOLDS TO MACROECONOMIC SHOCKS: ANALYSIS OF ADAPTATION MECHANISMS	39
POLYAKOVA I. A. STRUCTURAL AND DYNAMIC DIFFERENCES IN THE MOST IMPORTANT AREAS OF REGION: ANALYSIS AND EVALUATION	49
CHERNYAKOV M. K., CHERNYAKOVA M. M. ECONOMIC AND STATISTICAL ANALYSIS OF LABOR MARKET OF NOVOSIBIRSK REGION	58

RUSSKIKH T. N., TINYAKOVA V. I., STROEV S. P.	
MONITORING EFFICIENCY OF REGIONAL MEDICAL ORGANIZATIONS: METHODOLOGY AND EMPIRICAL RESULTS	66
MIKHAYLOVA E. B.	
PROBLEM OF FORECASTING MODELS AND METHODS CLASSIFICATION	75
SECTION V. ECONOMIC DEVELOPMENT	82
MITROFANOVA I. A., BEGACHEVA Ju. I.	
TAX STIMULATION OF INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITY OF BUSINESS ENTITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS	82
ARZHENOVSKIY S. V., RUDYAGA A. A.	
ECONOMY RISK DEFINITION: APPROACHES REVIEW	88
ALPATOVA E. A.	
PROFESSIONAL COMPETENCE OF BUILDING BUSINESS PROCESSES IN FIELD OF PUBLIC ADMINISTRATION	93
MELIKOV Yu. I., KONOVALOV A. A.	
WAYS TO STRENGTHEN THE INTERACTION BETWEEN BANKING SYSTEMS OF RUSSIAN FEDERATION AND AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX	99
RUKINA S. N., SAMODUROVA V. N.	
METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUDGET EXPENDITURES AIMED AT IMPLEMENTING STATE PROGRAMS	109
OVEYAN E. S.	
ECONOMICAL AND STATISTICAL ASSESSMENT OF BANKING SYSTEM OF REGION	120
OUR AUTHORS	125

УДК 657.1

*Макаренко Т. В.***ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УНИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ
БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА АКТИВОВ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО МЕНЕДЖМЕНТА****Аннотация**

Обоснована необходимость расширения информационного ресурса российских положений по бухгалтерскому учету в отношении активов организации в поле управленческого учета. Выделены основания, способствующие расширению аналитичности учета операций по перемещению активов организации во взаимосвязи с признаком ответственности за совершение хозяйственных операций. Предложено расширить ресурс положений по бухгалтерскому учету в отношении таких активов организации, как основные средства, нематериальные активы, материально-производственные запасы и финансовые вложения. Предложения направлены на интенсивный путь развития информативности теории бухгалтерского учета, дающие возможность в системном режиме отразить основной фактор управления активами, а именно: «результативность + ответственность».

Ключевые слова

Управленческий учет, активы, основные средства, нематериальные активы, материальные запасы, финансовые вложения, управление, многовекторность учета.

JEL: M10, M41*Makarenko T. V.***MAIN APPROACHES TO UNIFICATION OF BUSINESS ENTITY'S ASSETS
ACCOUNTING TOOLS IN INTERNAL MANAGEMENT SYSTEM****Annotation**

Article justifies the necessity of Russian Accounting Principles amplification in relation to the company's assets in the field of management accounting. Author highlights the ground for expansion the analytical aspects of assets transportation transactions in connection with responsibility for these actions. In relation to above said the author suggests the Russian GAAP resource's amplification in the sphere of fixed assets, intangible assets, inventory and financial investments. Purpose of suggestions is to enhance the informative aspects of accountancy in order to reflect the main factor of assets management, namely «effectiveness + responsibility» connection, in system mode.

Keywords

Management accounting, assets, fixed assets, intangible assets, inventory, financial investments, management, accounting multi-directionality.

Действующая система накопления и обработки учетной информации в отношении активов организации сосредоточена на классификации активов по их виду и размещению при закреплении за балансовыми счетами, оценке активов при постановке на учет и списании их стоимости в процессе использования. При таком подходе практически не уделено внимания приемам выявления причин и следствий возможного негативного влияния операций с активами на финансовые результаты организации. Прикладные приемы современной системы менеджмента уже долгие годы ориентируют на поиск более прозрачного механизма раскрытия влияния операций хозяйственной деятельности (или группы операций) на прибыль коммерческой фирмы. Однако указанное влияние станет информативным для целей управления лишь при условии взаимосвязи факта совершения операций с ответственностью за их совершение, закрепленной за тем или иным менеджером. В противном случае информация об уровне прибыли до совершения операций с активами и после ее совершения не способствует оценке ошибочно принятых решений. Цель такого аспекта учетной деятельности в системе менеджмента заключается, во-первых, в поиске резервов оптимизации прямых и косвенных расходов организации, во-вторых, в оценке профессиональной пригодности топ-менеджеров в их деятельности, что в совокупности не может не повлиять на эффективность производства в целом. Указанная цель сопоставима с целью *маржинализма* в системе менеджмента. Учетно-аналитическое обеспечение маржинализма как направление в экономической науке, признающее существование принципа предельной полезности явления [1–7], ориентировано на переход к управленческому ориентированию современного учета, что, в том числе, способствовало выделению подсистемы

управленческого учета как индивидуальной учетной технологии. В целом классический бухгалтерский учет, основанный на теории балансоведения, приемы которого реализуются в условиях конкурентной борьбы, не может пренебрегать такой категорией, как предельная полезность учетной информации. Именно полезность учетной информации в силу стандартизации приемов и способов ведения учета сведена сегодня в системе внутреннего менеджмента к минимуму. Классика формирования бухгалтерских проводок, ориентированная на отражение нового состояния активов одновременно по виду и размещению по отношению к балансу, а также по источникам образования, исключает иную изменчивость активов для целей управления ими.

Иначе можно утверждать, что природа двойственности в теории учета обеспечивает балансировку активов и пассивов в формате бухгалтерского баланса. Такая специфика учета представлена в учетной теории А. Е. Ковалева как семантическая модель бухгалтерского учета, при которой «корреспонденции больше напоминают событие, описанное с нарушением правила единства основания деления: «был синий, стал громкий», чем описанное с соблюдением единства основания «был легкий, стал тяжелый» [8, с. 122]. Подтверждая двойственную природу корреспонденции счетов, он указывает, что «признак должен точно идентифицироваться также как то, что цвет отличается от веса или запаха. Этот признак должен присутствовать в обеих частях двойной записи. В корреспонденции счетов бухгалтерского учета явно прослеживается двойственная природа события. Но при этом признак основания деления не идентифицирован. «По нашему мнению, бухгалтерский учет ... приводит к тому, что он остается вещью в себе и не интегрируется в информационную теорию, хотя и является инфор-

мационной системой» [8, с. 123–124]. Тот же автор обобщил более ранние попытки расширить информативность бухгалтерского учета с помощью принципов математической модели, сделанные американским ученым Е. Ф. Коддом и его последователями: «Эверест и Вебер в 1977 г. делали попытки применения понятий реляционной модели баз данных Кодда к бухгалтерскому учету. Эверест и Вебер подчеркнули, что в теории учета основное внимание уделяется схемам классификации счетов, правильным схемам отражения событий через корреспонденцию счетов, в то время как теорию управления базами данных больше волнуют сами объекты, подлежащие классификации» [8, с. 123]. В результате можно утверждать, что классицизм современного учета не адаптирован к процессам развития внутренней экономики, в результате чего «структура бухгалтерского учета становится сдерживающим и экономически неоправданным для бизнеса фактором. Возникли серьезные сущностные и терминологические проблемы, связанные с новыми качественными характеристиками понятий: активы, пассивы, капитал, резервы, доходы, расходы (новые свойства, тенденции, закономерности)» [9, с. 48]. В рамках этого становятся актуальными иные признаки расширения учетной информации, при которых корреспонденция счетов отражает не только формальную логику события, но и: а) зависимость операций от функциональной ответственности менеджеров; б) влияние операций на финансовый результат организации в целом.

Выявленные проблемы в информативности учета для целей внутреннего менеджмента требуют системного подхода в отношении методики учета активов организации, которые могут быть решены двумя путями: экстенсивным или интенсивным. **Экстенсивный путь** расширения возможностей учета основан на увеличении количества раз-

личного рода расшифровок, связанных с совокупностями операций с активами, например, расшифровки приобретения активов в разрезе лиц, ответственных за инициативу приобретения, в разрезе бизнес-процессов, потребляющих активы и пр. **Интенсивный путь** расширения учета в отношении активов основан на системном отражении в учете необходимых для управления факторов, которые не содержатся в действующих положениях по бухгалтерскому учету. Задача дополнительных учетных приемов обеспечит усиление ответственности менеджеров, поскольку эта ответственность уже в момент ввода операции станет наглядной в системном учете. Автор статьи является сторонником интенсивной формы развития учета, поскольку именно системный учет по зонам ответственности представлен нами как часть интенсивного пути развития методики учета, основанной на многовекторности менеджмента в целом.

Таким образом, основой системного многовекторного учета во внутреннем менеджменте становится учет и контроль активов по зонам ответственности, позволяющих раскрыть влияние операций (или группы операций) на прибыль коммерческой организации. На фоне, когда «центры принятия решений и ресурсы не разделены» [10, с. 82], взаимосвязь двух факторов учета «результативность + ответственность» формирует новые системные акценты и приоритеты в стандартизации методики учета во внутреннем менеджменте. При этом объектами интенсивных приемов развития учета выступают такие объекты, как основные средства, нематериальные активы, материально-производственные запасы и финансовые вложения.

Введение акцента в учете «результативность + ответственность» позволяет расширить возможности управления активами: по горизонтали – это учет активов в разрезе мест эксплуатации (или расходования) активов, по вертикали –

это привязка действия с активом к центру ответственности за это действие. В момент совершения операции с активами центр ответственности вводится как обязательный аналитический признак учета к любому активу. Центр ответственности (ЦО) характеризуется как топ-менеджер, отвечающий за результативность того или иного бизнес-процесса, т. е. «бизнес-процесс является основным объектом управления, и поэтому появляется так называемый владелец бизнес-процесса – должностное

лицо, управляющее ходом выполнения бизнес-процесса, имеющее в распоряжении все необходимые для этого ресурсы и полностью отвечающее за эффективность бизнес-процесса» [11, с. 39]. По сути ЦО превращается в объект трансформации ресурса бухгалтерского учета в ресурс управленческого учета для дальнейшего управления бизнес-процессами. Совместимость факторов «результативность + ответственность» для целей учета активов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Взаимосвязь методики финансового и управленческого учета

При этом процесс интеграции управленческого учета активов в систему управления на основе фактора «результативность + ответственность» заключается в привлечении следующих методических приемов.

Ключевая задача мониторинга оборотных и внеоборотных активов организации диктует необходимость учета и контроля того срока, в течение которого активы эксплуатируются и не эксплуатируются. Такая ситуация возникает между моментом приобретения активов и моментом их использования в производстве. Например, в бухгалтерском учете время простоя внеоборотных активов (основных средств и нематериальных активов) характеризуется той долей амортизации, которая списывается на сч. 91 «Прочие расходы», как того требуют нормы учета ПБУ 10/99 «Расходы организации». Указанные расходы не являются расходами обычных видов деятельности и, соответственно, не включаются в себестоимость объекта производства. В этом случае методика бухгалтерского учета скрывает ответственность топ-менеджеров за потери от простоя оборотных и внеоборотных активов, которые приводят к уменьшению прибыли предприятия, и в системном учете данная ситуация не контролируется. Только лишь после передачи активов в эксплуатацию они включаются в состав себестоимости продукции (работ, услуг). Это немаловажно в условиях привлечения кредитных средств для приобретения активов и существенно расходов на оплату процентов за пользование кредитными источниками.

Используя многовекторность учета, целесообразно учитывать активы в разрезе тех центров ответственности, которые в дальнейшем будут использовать эти активы по назначению, что позволит раскрыть фактор «результативность + ответственность» в системе

менеджмента и оценить временной аспект использования активов. Например, после принятия к учету таких активов, но временно не используемых по назначению, проценты в учете списываются на сч. 91 «Прочие расходы», тем самым скрывая ответственность за потери на оплату процентов по кредитам. Амортизация, которая за время простоя активов также учитывается за пределами себестоимости и относится в дебет счета 91 «Прочие расходы», еще более скрывает ответственность за уменьшение прибыли предприятия. На этом фоне учет временной амортизации за период простоя в разрезе центров ответственности позволит выявить топ-менеджеров, допустивших уменьшение прибыли.

Дополнением в контроле эффективности использования внеоборотных активов может стать прием списания суммы несамортизируемой их части не только на увеличение убытков, но и на «держателя» внеоборотных активов, т. е. конкретный центр ответственности. Это позволит раскрыть участие бизнес-процесса в структуре убытков организации. Расширение методики учета активов с целью обеспечения фактора «результативность + ответственность» представлено в таблице 1. В целом учет активов в системе внутреннего менеджмента по зонам ответственности не предполагает изменение условий признания в учете внеоборотных и оборотных активов, группировки и оценки активов, приемов формирования их первоначальной стоимости. Объектом учета выступают лишь события, влияющие на эффективность использования внеоборотных и оборотных активов, стоимость которых сформирована по правилам бухгалтерского учета. Так, в таблице 2 приведен условный пример учета основных средств, а именно – технологического оборудования, с привлечением приемов управленческого учета.

**Таблица 1 – Расширение приемов бухгалтерского учета активов
в системе управления**

Событие бух. учета	Методический прием бух. учета	Событие управленческого учета	Методический прием управленческого учета	Цель приема управленческого учета
Учет основных средств и нематериальных активов				
Приобретение ОС и НА	Учет ОС и НА по месту нахождения	Контроль целесообразности приобретения ОС и НА	Учет ОС и НА по центрам ответственности ¹	Оценка уровня капитализации активов в разрезе бизнес-процессов
Начисление амортизации	Учет амортизации по группам ОС и НА	Контроль своевременности приобретения	Учет временной амортизации до момента эксплуатации по ЦО	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов
Списание основного средства	Расчет и списание несамортизированной части ОС и НА на сч. 91	Контроль эффективности использования	Учет несамортизированной части ОС и НА по центрам ответственности	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов
Учет материально-производственных запасов				
Формирование остатка МПЗ на балансе организации	Методика расчета остатка МПЗ по месту хранения	Контроль целесообразности приобретения	Распределение в учете остатка МПЗ по центрам ответственности	Оценка своевременности приобретения МПЗ для конкретных бизнес-процессов
Расходование МПЗ	Учет МПЗ по элементам затрат и балансовым счетам	Контроль эффективности использования МПЗ	Учет расходования МПЗ по центрам ответственности и местам формирования затрат	Оценка эффективности использования МПЗ на местах потребления
Учет финансовых вложений				
Приобретение финансовых вложений	Учет финансовых вложений на балансовых счетах	Контроль целесообразности приобретения финансовых вложений	Учет финансовых вложений в разрезе ЦО	Оценка уровня капитализации активов от приобретения финансовых вложений в разрезе бизнес-процессов
Начисление доходов по финансовым вложениям	Учет доходов по группам финансовых вложений и балансовым счетам	Контроль доходности бизнес-процесса	Учет доходов от финансовых вложений в разрезе ЦО	Оценка доходности капитальных вложений в разрезе бизнес-процессов
Списание финансовых вложений	Учет финансового результата при списании финансовых вложений	Контроль эффективности использования финансовых вложений	Учет финансового результата от финансовых вложений в разрезе ЦО	Оценка результативности от списания финансовых вложений в разрезе бизнес-процессов

¹ Центры ответственности как составляющие бизнес-процессов.

Таблица 2 – Условный пример учета операции с основными средствами в бухгалтерском и управленческом учете

Учетное событие	Бухгалтерский учет		Управленческий учет		
	Счет учета актива	Аналитический признак	Аналитический признак 1	Аналитический признак 2	Аналитический признак 3
Принятие актива к учету в январе 2016 г. (по форме № ОС-1)	Дт сч. 01 «Основные средства»	Группа основных средств	Бизнес-процесс: производство	Центр ответственности: зам. директора по производству	Место нахождения актива: цех № 5
Расчет амортизации (февраль-август 2016 г.)	Дт сч. 91 «Прочие расходы»	Элемент затрат: амортизация	Бизнес-процесс: управление кадрами и обучением персонала	Центр ответственности: начальник отдела кадров	Место начисления экономических потерь
Расчет амортизации (с сентября 2016 г.)	Дт сч. 25 «Общепроизводственные расходы»	Статья затрат: амортизация	Бизнес-процесс: производство	Центр ответственности за: зам. директора по производству	Место начисления оправданных расходов: цех № 5
Инструменты учета					
Учетная политика	Рабочий план счетов	Справочник основных средств	Справочник бизнес-процессов	Справочник центров ответственности	Справочник мест возникновения затрат

Целесообразность покупки оборудования (январь 2016 г.) была обоснована главным инженером организации. Однако момент начала эксплуатации оборудования приходится на сентябрь 2016 г. по причине задержки начальником отдела кадров организации работ по обучению инженерного персонала правилам пользования электронным оборудованием (заключение договора, формирование графика обучения и пр.). В нашем примере учет обеспечивает знание о влиянии событий с технологическим оборудованием на величину прибыли (фактор результативности) в рамках конкретного бизнес-процесса (фактор ответственности).

По аналогии формируется многовекторная методика учета нематериальных активов. Возможность интеграции бухгалтерского учета нематериальных активов в систему управления на основе фактора «результативность + ответ-

ственность» также обеспечит контроль трансформации активов после принятия их на баланс предприятия.

В силу материалоемкости многих современных производств особо значимыми среди ученых-практиков в вопросах контроля эффективности использования активов [12–16] значатся материально-производственные запасы (МПЗ). Однако контроль сегодня не полностью обеспечен приемами системного учета значимой для менеджмента информации. Необходимо отметить, что зачастую логистов отличает стремление к «затариванию» склада материалами вне зависимости от их графика потребления в производстве. Это приводит к несвоевременным расходам на приобретение МПЗ, потерям на обслуживание складских помещений и дополнительным затратам на оплату процентов при кредитовании поставок МПЗ. Избежать подобных потерь поможет прием кон-

троля, заключающийся во введении дополнительного учетного признака в момент получения материальных запасов: среднее предельное время хранения МПЗ на складе, которое можно определить на основании графиков производства и необходимости подачи сырья к началу конкретной технологической операции (7 дней, 14 дней, 30 дней или иное). В результате, в момент постановки на учет материальные запасы учитываются не только по бизнес-процессам («ожидающим» получение материалов), но и в разрезе предельного времени хранения на складе. Учет материальных запасов по времени нахождения на складе и по центрам ответственности способствует контролю затрат на сверхнормативные остатки МПЗ на складах предприятия. Актуальность этого очевидна для организаций с материалоемкими технологиями производства.

В отличие от ранее указанных активов финансовые вложения отличаются возможностью приносить доход в зависимости от времени их нахождения в других организациях. Если в бухгалтерском учете начисление доходов сопровождается их привязкой к группе финансовых вложений (акции, вклады в уставные капиталы других организаций, выданные займы и пр.) и статье балансового счета 91 «Прочие доходы», то в управленческом учете возникает потребность распределения видов вложений в разрезе центров ответственности (см. табл. 1). В связи с этим учетные приемы, предусмотренные в ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений», также могут быть дополнены аналитическими признаками, раскрывающими ответственность и результативность за операции с финансовыми вложениями и той отдачей, которая была обоснована соответствующими менеджерами компании.

Таким образом, предложенный в статье подход к организации многовекторного учета активов в предпринимательской деятельности основан на том,

что он позволяет осуществлять системный учет в более сложном управленческо-аналитическом аспекте. Используя взаимосвязь факторов учета «результативность + ответственность» увеличивается количество аналитических признаков для ведения учета, однако эта сложность компенсируется более информативным результатом учета. Такие возможности ведения учета активов в системе менеджмента позволяют управлять аналитическим, а не совокупным финансовым результатом организации.

Библиографический список

1. *Алле, М.* Современная экономическая паука и факты // THESIS. – 1994. – Т. II. – Вып. 4.
2. *Блауг, М.* Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело Лтд, 1994.
3. *Жид, Ш., Руст, Ш.* История экономических учений. – М.: Экономика, 1995.
4. *Мизес, Л. фон.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS. – 1994. – Т. II. – Вып. 4.
5. *Роббинс, Л.* Предмет экономической пауки // THESIS. – 1993. – Т. I. – Вып. 1.
6. *Самуэльсон, П.* Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. – 1993. – Т. I. – Вып. 1.
7. *Фридмен, М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. – 1994. – Т. II. – Вып. 4.
8. *Ковалев, А. Е.* Семантическая модель бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет. – 2015. – № 8. – С. 122–125.
9. *Палий, В. Ф.* Актуальные вопросы теории бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет. – 2005. – № 3. – С. 45–49.
10. *Межов, И. С.* Кто станет локомотивом инноваций – государство или корпорация? // ЭКО. – 2011. – № 1. – С. 72–82.

11. Харитонов, Г. Г. Процессный подход в управленческом учете и бюджетировании // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 3. – С. 39–42.

12. Аксененко, А. Ф. Методика учета и анализа себестоимости продукции / под ред. А. Д. Шеремета. – М. : Финансы и статистика, 1987.

13. Альхамов, О. Ф. Управленческий учет как инструмент управления торговым предприятием // Международный бухгалтерский учет. – 2007. – № 9.

14. Белобжецкий, И. А. Анализ хозяйственной деятельности : учебник / под ред. В. А. Белобородовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Финансы и статистика, 1985.

15. Липчиу, Н. В., Юрченко, А. А. Эффективность использования оборотного капитала в организациях и направления ее повышения // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 3. – С. 28–33.

16. Мирзоева, А. Н., Шогина, М. Х. Оценка экономической эффективности комплексного использования сырья // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 33. – С. 51–60.

Bibliographic list

1. *Alle, M.* Modern economic science and facts // THESIS. – 1994. – V. II. – Issue 4.

2. *Blaug, M.* Economic thought in retrospect. – M. : Delo Ltd, 1994.

3. *Zhid, S. H., Rist, S. H.* History of economic doctrines. – M. : Ecomony, 1995.

4. *Mizes, L. von.* On some popular misconceptions regarding the subject and method of economic science // THESIS. – 1994. – Vol. II. – Issue 4.

5. *Robbins, L.* Subject of economic science // THESIS. – 1993. – Vol. 1. – Issue 1.

6. *Samuelson, P.* Maximization principle in economic analysis // THESIS. – 1993. – Vol. I. – Issue. 1.

7. *Friedman, M.* Methodology of positive economic science // THESIS. – 1994. – Vol. I. – Issue. 4.

8. *Kovaliov, A. E.* Semantic model of accounting. Accounting. – 2015. – № 8. – P. 122–125.

9. *Paliy, V. F.* Relevant issues of accountancy // Accounting. – 2005. – № 3. – P. 45–49.

10. *Mezhov, I. S.* What is going to be the innovations' driving force – government or corporations? // ECO. – 2011. – № 1. – P. 72–82.

11. *Kharitonova, G. G.* Process approach in management accounting and budgeting // Economic analysis: theory and practice. – 2012. – № 3. – P. 39–42.

12. *Aksenenko, A. Ph.* Methodology of production cost accounting and analysis / ed. by A. D. Sheremet. – M. : Finance and Statistics, 1987.

13. *Almakhov, O. F.* Management accounting as a tool of commercial entity management // International Accounting. – 2007. – № 9.

14. *Belobzhezky, I. A.* Business activity analysis. Textbook / ed. by V. A. Beloborodova. – 2nd ed., updated and revised. – M. : Finance and Statistics, 1985.

15. *Lipchiu, N. V., Yurchenko, A. A.* Effectiveness of working capital usage in companies and ways of its increase // Economic analysis: theory and practice. – 2012. – № 3. – P. 28–33.

16. *Mirzoeva, A. N.* Assessment of raw materials' integral usage effectiveness // Economic analysis: theory and practice. – 2013. – № 33 (336). – P. 51–60.

О ФОРМАХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**Аннотация**

В статье представлены результаты исследования терминологии и существующих классификаций форм бухгалтерского учета. Автор анализирует достоинства и недостатки различных способов группировок и анализирует их исторические предпосылки. Систематизируя современные условия ведения учетной деятельности, автор делает вывод о том, что формы бухгалтерского учета в настоящее время индивидуальны для каждого предприятия и не вписываются в классические методы классификации.

Ключевые слова

Терминология бухгалтерского учета, документация, обработка учетной информации, регистры учета, формы бухгалтерского учета.

JEL: M41*Ivanov A. V.***ABOUT FORMS OF ACCOUNTING IN MODERN CONDITIONS****Annotation**

Article presents the results of a study of terminology and classification of existing accounting forms. The author analyzes the advantages and disadvantages of different kinds of groupmates and analyzes their historical background. Systematizing the modern conditions of accounting activities, the author concludes that the form of accounting is currently specific to each company and do not fit the classic classification methods.

Keywords

Accounting terminology, documentation, processing of accounting information, accounting registers, accounting forms.

Теоретические вопросы организации бухгалтерского учета – в особенности в той их части, которая используется в целях образовательного процесса в бакалавриате, магистратуре и специалитете – играют важную роль в его дальнейшем практическом развитии. Следует отметить, что в реальной финансово-хозяйственной деятельности такие аспекты бухгалтерского учета, как документирование, оформление бухгалтерских регистров, технология обработки информации и установление форм бухгалтерского учета на предприятии пре-

терпели в последние годы серьезные изменения. При этом теоретическое осмысление происходящих трансформаций получает достаточно слабое отражение не только в учебной литературе, но и в сфере научных публикаций.

Перед началом деятельности вновь созданного предприятия лицо, ответственное за ведение бухгалтерского учета, должно сформировать и утвердить у руководства организации учетную политику. Согласно ПБУ 1/08, учетная политика подразумевает закрепление способов группировки и

оценки фактов хозяйственной деятельности, погашения стоимости активов, организации документооборота, инвентаризации, применения счетов бухгалтерского учета, организации регистров бухгалтерского учета, обработки информации [1]. При этом большинство авторов учебных и методических пособий говорят о том, что таким образом в учетной политике закрепляется организационная форма бухгалтерского учета на предприятии. Под формой бухгалтерского учета, как правило, понимают определенную систему взаимосвязи регистров учета и технологии обработки информации. Так, И. В. Захаров и О. Н. Калачева считают формой бухгалтерского учета «схему построения и взаимосвязи бухгалтерских регистров, способы регистрации и группировки учетных данных, а также внесения учетных записей в бухгалтерские регистры» [2]. Похожее определение мы видим у А. Л. Полковского: «определенное сочетание хронологического и систематического учета, связи между учетными регистрами, способ и техника учетных записей – все это определяет форму бухгалтерского учета» [3]. Некоторые авторы связывают форму бухгалтерского учета только с системой регистров: «совокупность учетных регистров, имеющих особенности строения и взаимосвязей, порядка и способов записей в них, носит название формы бухгалтерского учета» [4].

Наиболее подробным исследованием является анализ понятия «формы бухгалтерского учета» Р. А. Алборовым. Его подход к определению данного понятия отличается диалектичностью, критичностью и системностью. Он справедливо отмечает, что «формы бухгалтерского учета не могут оставаться неизменными в процессе развития производительных сил и производственных отношений, а также развития системы и структуры управления производством» [6, с. 231]. Изучив множество подходов к толкова-

нию понятия «форма бухгалтерского учета» (в особенности в условиях компьютерной обработки данных), Р. А. Алборов дает следующее собственное определение: «форма бухгалтерского учета – это способ организации, выражения (отражения) накопления и хранения информации о фактах хозяйственной жизни для управления, определяемый совокупностью взаимосвязанных структурных элементов (регистров, счетов), процедурами и правилами обработки первичных данных, их регистрации и преобразования в бухгалтерскую отчетность» [6, с. 234]. Это определение является весьма комплексным, хотя и имеющим некоторые лингвистические несоответствия и излишнюю перегруженность терминами.

Как правило, большинство современных авторов классифицируют формы бухгалтерского учета на следующие:

- мемориально-ордерная;
- журнально-ордерная;
- автоматизированная.

Иногда выделяются и дополнительные разновидности форм бухгалтерского учета:

- журнал-главная;
- таблично-перфокарточная;
- упрощенная.

Хотелось бы сказать, что подобное «традиционное» деление форм бухгалтерского учета является достаточно спорным, прежде всего с классификационной точки зрения. Если мы выделяем формы бухгалтерского учета как сочетание бухгалтерских регистров, то принципиально разными были бы только две группы:

- 1) мемориально-ордерная;
- 2) журнально-ордерная.

Разновидности «журнал-главная» и «упрощенная», как мы полагаем, следует отнести к классификационной группе «журнал-ордерная», поскольку они представляют ее наиболее лаконичные разновидности.

Понятие «автоматизированная» форма бухгалтерского учета не имеет в своей основе принципиально нового набора учетных регистров. Базой дифференциации в данном случае выступает способ регистрации и обработки бухгалтерской информации. Таким образом, если принять в качестве классификационного признака метод ввода и обработки учетных данных, то следовало бы выделить в отдельной классификации две формы:

- автоматизированная;
- ручная.

Мы намеренно не включаем в эту классификацию «таблично-перфокарточную» форму, поскольку считаем ее исчезнувшим промежуточным этапом между «ручной» и «автоматизированной». Перфокарты, невзирая на то, что со времени их использования минуло всего несколько десятилетий, полностью ушли в историю. Тем не менее у нас отсутствуют сомнения, что в России в наше время можно найти предприятия, которые ведут бухгалтерский учет «вручную». Не случайно даже закон № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа», серьезно изменивший учет оборота наличных с 2017 г., вынужден делать исключения для организаций осуществляющих расчеты «в отдаленных или труднодоступных местностях». Такие территории есть в каждом регионе. Следовательно, могут быть в стране и предприятия, где по-прежнему заполняют вручную как первичные документы, так и бухгалтерские регистры (последний раз нам довелось эмпирически наблюдать подобное не более чем 5 лет назад). Однако практический опыт говорит нам, что число подобных организаций настолько мало, что выделять их в отдельную классификационную категорию можно только в случае, если речь идет о классификации

для целей преподавания истории бухгалтерского учета. Так называемая «автоматизированная» форма в настоящее время безоговорочно доминирует над «ручной». Как справедливо замечают исследователи [2]: «в современных условиях глобальной автоматизации, в том числе и учетного процесса, автоматизированной, т. е. компьютеризированной, может быть любая из указанных форм бухгалтерского учета»

Следует отметить, что деление организации бухгалтерского учета на формы имеет давние корни. Мемориально-ордерная система в нашей стране закрепилась еще после Октябрьской революции, став основной формой счетоводства. В 60-е годы прошлого века инструкциями Министерства Финансов СССР была введена журнально-ордерная форма как более прогрессивная. Именно из журнально-ордерной системы и произошла та форма, которую до сих пор большинство исследователей называют «автоматизированной». Сохранив все достоинства применения журналов-ордеров и ведомостей, она вполне допускает также возможность использования, к примеру, мемориальных ордеров и их разновидностей (что до сих пор актуально, например, для кредитных организаций, в силу специфики их деятельности). При этом закрепление в современной бухгалтерской литературе (и в особенности – в образовательной) традиционного деления форм бухгалтерского учета кажется нам малооправданным и отстающим от реальной бухгалтерской практики.

Современные условия ведения учетной деятельности делают очевидным все более ускоряющийся процесс перехода к электронному документообороту и использованию современных средств коммуникации. Это оказывает главенствующее влияние как на организацию учета, так и на предоставление информации пользователям (не будем забывать, что бухгалтерский учет –

лишь поставщик систематизированной информации для целей принятия управленческих решений). Данные бухгалтерского учета важны для различных групп пользователей, которые обычно делят на внешних и внутренних. На практике среди внутренних пользователей наиболее значимыми являются собственники предприятия, а среди внешних – государственные и муниципальные контролирующие органы (ФНС, антимонопольная служба, органы статистики), а также кредиторы и инвесторы. Обмен информацией как с внешними, так и внутренними пользователями все глубже и глубже оказывается вовлеченным в онлайн-коммуникации, использование средств электронной связи и характеризуется моментальным обменом данными [6]. Этому способствует высокая степень прозрачности информации, проходящей путем электронного документооборота, ее подтвержденная юридическая значимость и возможность быстрого реагирования сторонами на действия друг друга. При этом практически невозможно удовлетворить интересы всех пользователей, используя определенные методологией жесткие рамки оформления бухгалтерских регистров и отчетной документации. Причиной этого также является отчасти и нормотворческая деятельность государственных органов, фактически ежемесячно вводящих изменения в обязательные формы отчетности, каналы движения средств и протоколы электронного обмена. Кроме того, на учетную деятельность большого количества предприятий накладывает свой отпечаток необходимость вести учет и публиковать отчетность согласно нормам МСФО, в результате чего периодически приходится производить трансформации как первичных, так и отчетных данных. Следует помнить, что кроме финансовой бухгалтерский учет предоставляет пользователям также и управленческую отчетность, требования к ко-

торой могут регулярно изменяться руководством предприятия и собственниками. Следовательно, система, обрабатывающая бухгалтерскую информацию, группирующая и анализирующая данные первичной документации, в настоящее время должна быть гибкой и легко адаптируемой к условиям внешней и внутренней среды.

Характерно, что действующее законодательство дает полную возможность для формирования таких систем. В федеральном законе «О бухгалтерском учете», в действующей редакции «Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (вот уже около двадцати лет известного как «Положение 34-н»), равно как и в ПБУ, отсутствуют нормы, жестко закрепляющие для предприятия технологию обработки учетной информации и систему регистров бухгалтерской отчетности. Федеральный закон определяет, что формы – как первичных документов, так и регистров учета – определяются руководством экономического субъекта по представлению должностного лица, на которое возложено ведение бухгалтерского учета. Таким образом, регистр бухгалтерского учета может быть любым, если он содержит обязательные реквизиты:

- наименование регистра;
- наименование экономического субъекта, составившего регистр;
- дата начала и окончания ведения регистра и (или) период, за который составлен регистр;
- хронологическая и (или) систематическая группировка объектов бухгалтерского учета;
- величина денежного измерения объектов бухгалтерского учета с указанием единицы измерения;
- наименования должностей лиц, ответственных за ведение регистра;
- подписи лиц, ответственных за ведение регистра, с указанием их фами-

лий и инициалов либо иных реквизитов, необходимых для идентификации этих лиц [7].

Исходя из системы нормативных документов, регулирующих бухгалтерский учет (федеральные стандарты, отраслевые стандарты, рекомендации в области бухгалтерского учета, стандарты экономического субъекта), вопрос выбора форм документов, также как и применения форм бухгалтерского учета в целом относится к уровню рекомендаций: «рекомендации в области бухгалтерского учета могут приниматься в отношении порядка применения федеральных и отраслевых стандартов, форм документов бухгалтерского учета, за исключением установленных федеральными и отраслевыми стандартами, организационных форм ведения бухгалтерского учета, организации бухгалтерских служб экономических субъектов, технологии ведения бухгалтерского учета, порядка организации и осуществления внутреннего контроля их деятельности и ведения бухгалтерского учета» [7]. При этом закон однозначно определяет, что рекомендации в области бухгалтерского учета применяются субъектами экономики только на добровольной основе.

Таким образом, в вопросах организации бухгалтерского учета современная ситуация предполагает следующие условия:

а) для ведения бухгалтерского учета используются в подавляющем большинстве компьютерные системы со всеми атрибутами информационных технологий (базы данных, адаптация настроек, создание всех первичных документов сразу в бухгалтерской программе);

б) количество таких систем достаточно велико (речь идет как об операционных системах компьютеров (Windows, IOS, Linux, и в ближайшем будущем, безусловно, Android), так и о специализированных бухгалтерских про-

граммах (1С, Парус, Галактика, Турбо и т. д.);

в) следование нормам МСФО обуславливает необходимость трансформации первичных и отчетных данных в регистры различных форм;

г) обеспечение информационных запросов как внешних, так и внутренних пользователей требует постоянной адаптации как регистров, так и вариантов вывода отчетной информации;

д) использование современных средств коммуникации вызывает необходимость совместимости различных программ и протоколов и возможности их быстрой адаптации;

е) учетная практика делает ненужным заполнение и предоставление в бумажном виде (или, как было принято говорить ранее, «в виде машинограмм») весьма важных в классическом толковании регистров, в том числе и Главной книги.

Учитывая все эти и многие другие условия, можно прийти к выводу, что в нынешних условиях каждое предприятие организует собственную, индивидуальную форму бухгалтерского учета. Она, очевидно, является прогрессивным развитием той формы, которую в начале 2000-х специалисты называли «автоматизированной», и переняла наиболее удобные методы группировки и обобщения информации у всех иных устаревших (полагаем, их уже можно признать таковыми) форм – и журнально-ордерной, и мемориально-ордерной. Современные практические формы бухгалтерского учета слабо поддаются классификации в силу слишком большого набора индивидуальных параметров у каждой из них. В целом, мы затрудняемся пока определить, следует ли вообще использовать понятие «формы бухгалтерского учета» к тем комплексам инструментов обработки и представления бухгалтерской информации, которые функционируют теперь на большинстве предприятий. Безусловно,

базовый набор принципов бухгалтерского учета и его терминология применяются в них на единой основе: любой бухгалтер поймет, что такое «начисление», «кассовый метод», «оборотная ведомость», «журнал-ордер», «карточка контрагента», «товарный отчет». Вопрос дефиниции форм бухгалтерского учета кажется требующим переосмысления. Нужен ли термин «форма бухгалтерского учета» для кого-то, кроме специалистов по истории учета? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, практика даст раньше, чем теория.

Библиографический список

1. Положение по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ1/2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions> (дата обращения: 28.02.2017).

2. Захаров, И. В., Калачева, О. Н. Бухгалтерский учет и анализ. – М. : Юрайт, 2015.

3. Полковский, А. Л. Теория бухгалтерского учета [Электронный ресурс]. – М. : Дашков и Ко, 2016. – Режим доступа : <http://www.iprbookshop.ru/60523>.

4. Миславская, Н. А., Поленова, С. Н. Бухгалтерский учет [Электронный ресурс]. – М. : Дашков и Ко, 2016. – Режим доступа : <http://www.iprbookshop.ru/60387>.

5. Алборов, Р. А. Теория бухгалтерского учета. – Ижевск : Ижевская ГСХА, 2016.

6. Иванов, А. В. О возможностях применения данных статистики и от-

четности при оценке эффективности региональных государственных программ экономического цикла // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 8. – Ч. 1. – С. 155–159.

7. Федеральный закон № 402-ФЗ от 06.12.2011 (ред. от 23.05.2016) «О бухгалтерском учете» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/legislation> (дата обращения: 28.02.2017).

Bibliographic list

1. Russian Accounting Standard «Accounting Policy» (PBU 01/2008): [Electronic resource]. – Mode of access : <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions>.

2. Zakharov, I. V., Kalacheva, O. N. Accounting and analysis. – M. : Yurayt, 2015.

3. Polkovskiy, A. L. Accounting Theory [Electronic resource]. – M. : Dashkov & Co, 2016. – Mode of access: <http://www.iprbookshop.ru/60523>.

4. Mislavskiy, N. A., Polenova, S. N. Accounting [Electronic resource]. – M. : Dashkov & Co, 2016. – Mode of access : <http://www.iprbookshop.ru/60387>.

5. Alborov, R. A. Accounting Theory. – Izhevsk : Izhevsk State Agricultural Academy, 2016.

6. Ivanov, A. V. Possibilities of use of statistics data and reporting to value the effectiveness of regional government programs of economic cycle // Economy and Entrepreneurship. – 2015. – № 8. – P. 1. – P. 155–159.

РАЗДЕЛ II. | АУДИТ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

УДК 657.6:330.45

Бахтеев А. В., Арженовский С. В.

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛОГИКО-ВЕРОЯТНОСТНОГО ПОДХОДА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ РИСКОВ В АУДИТЕ

Аннотация

В статье проведен обзор исследований в области совершенствования методологических и методических подходов, инструментов реализации обязательств аудитора по идентификации и оценке риска существенного искажения аудируемой финансовой отчетности, в том числе вследствие недобросовестных действий ее составителя. Сформулированы базовые эталонные критерии, которым должен удовлетворять применяемый аудитором метод оценки риска существенного искажения финансовой отчетности. В качестве метода, удовлетворяющего всем из сформулированных критериев, авторами впервые предложено адаптировать возможности логико-вероятностного моделирования к процессу оценки рисков в ходе аудита. Дана схема алгоритма логико-вероятностного метода.

Ключевые слова

Оценка риска существенного искажения, недобросовестные действия, статистические методы, логико-вероятностный подход.

JEL: C19, M42

Bakhteev A. V., Arzhenovskiy S. V.

JUSTIFICATION OF APPLICATION OF LOGIC-PROBABILISTIC APPROACH AS AN AUDIT RISK ASSESSMENT TOOL

Annotation

Article reviews the research in the field of improving the methodological and methodological approaches, tools for the implementation of the auditor's obligations to identify and assess the risk of material misstatement of the audited financial statements, including due to the fraud. The basic benchmark criteria are formulated, which the method used by the auditor to assess the risk of material misstatement of financial statements must satisfy. As a method, that satisfies all of the formulated criteria, the authors proposed for the first time to adapt the possibilities of logic-probabilistic modeling to the process of audit risk assessment. The scheme of the algorithm of the logical-probabilistic method is given.

Keywords

Risk of material misstatement assessment, fraud, statistical methods, logic-probabilistic modeling.

В условиях сохраняющихся турбулентных процессов в мировой и отечественной экономике повышается заинтересованность инвесторов в релевантной информации, достоверно отражающей результаты деятельности и имущественное положение институциональных единиц, представляющих собой объекты финансовых вложений. Одной из неотъемлемых характеристик релевантности является ее достоверность, определяемая как показатель качества информации, означающий её полноту и точность. Основным источником потребляемой инвесторами информации о состоянии и функционировании объектов инвестирования по-прежнему остается публичная финансовая (бухгалтерская) отчетность. Для объектов внешняя информация является средством, позволяющим совместить процесс снижения информационной асимметрии инвесторов с формированием у них благоприятных ожиданий по поводу перспектив инвестирования. Методы и приемы, используемые для достижения этой цели, могут быть как легитимными, т. е. находящимися в границах комплаенса, регламентирующего процесс подготовки финансовой отчетности компании, так и выходящими за ее рамки, т. е. являющимися средствами манипулирования публичной отчетной информацией. Именно эта особенность финансовой отчетности компании делает ее объектом, обладающим повышенным риском манипулирования. Фактором, усугубляющим это обстоятельство, является то, что характер риска преднамеренного искажения отчетной информации меняется по мере «изобретения» новых способов введения в заблуждение целевых пользователей, а его вероятность возрастает по мере ужесточения конкуренции, увеличения кризисности и усложнения внутри- и межкорпоративных транзакций. Инструментом, призванным дать разумные гарантии относительно достоверности

содержащейся в финансовой отчетности информации, является институт внешнего аудита. По причине существования обстоятельств, изложенных выше, внешние аудиторы испытывают постоянную потребность в совершенствовании методики и методологии идентификации и оценки риска существенного искажения финансовой отчетности вследствие недобросовестных действий ее составителя (далее РСИНД). Существующая потребность удовлетворяется как посредством совершенствования методического инструментария оценки РСИНД, осуществляемого в рамках аудиторских компаний¹, так и в рамках комплексного подхода, направленного на определение направлений совершенствования нормативной правовой среды регулирования аудиторской деятельности, когда результаты научных исследований и разработок ложатся в основу пересмотра профессиональных стандартов и норм.

Современные исследования в области идентификации и оценки РСИНД, которые имели место в течение последних двух десятилетий, можно разделить на три значимых направления:

– модели оценки рисков существенного искажения вообще и РСИНД в частности;

– совершенствование подходов к оценке РСИНД;

– методическое обеспечение процесса оценки РСИНД в ходе аудита.

Научные исследования в области моделей оценки РСИНД в ходе аудита в течение двух последних десятилетий ведутся в контексте двух основных подходов (методов): целостного² и деком-

¹ В области совершенствования внутрифирменных методик систематически работают в основном крупные аудиторские компании, преимущественно относящиеся к «большой» четверке (прим. авторов).

² Для обозначения термина, переведенного нами как «целостный метод» на языке оригинала используется словосочетание «holistic method» (прим. авторов).

позиции. При этом исторически появление целостного метода, названного впоследствии «традиционным», предшествовало возникновению декомпозиции как методологического подхода к оценке РСИНД. Сущность традиционного подхода общеизвестна и общепризнана, поскольку в течение длительного периода времени он является ключевым элементом нормативной основы регулирования процесса оценки рисков в аудите¹. Различные исследователи [1, 2, 3] в своих публикациях приводят общеизвестную формальную интерпретацию традиционного подхода к оценке рисков в следующем виде

$$AR = IR \times CR \times DR,$$

где *AR* – аудиторский риск;

IR – неотъемлемый риск;

CR – контрольный риск;

DR – риск необнаружения.

Эта же модель используется многими аудиторскими компаниями для оценки аудиторского риска в ходе оказания услуг, предполагающих выражение уверенности, что свидетельствует о том, что не только методологическая, но и практическая значимость традиционной модели не вызывает сомнения.

Декомпозиция как методологический подход к оценке риска в ходе аудита, на наш взгляд, является логическим продолжением и развитием традиционного подхода. Достоинством метода декомпозиции является то, что он позволяет конкретизировать аудиторские оценки рисков, являющихся элементами традиционной модели, применительно к процедуре выполнения конкретного задания по аудиту. Метод де-

¹ Здесь мы подразумеваем наиболее известные из ныне существующих систем нормативного правового регулирования аудита, такие как: Международные стандарты аудита (ISAs), опубликованные Международным Комитетом по стандартам аудита и услуг, связанных с выражением уверенности (IAASB), и Положения по стандартам аудита (SASs), выпущенные Комитетом по стандартам аудита (ASB) (прим. авторов).

композиции как эффективный прием идентификации и оценки рисков в аудите начал исследоваться и обсуждаться в научной литературе еще во второй половине 90-х гг. XX столетия [4]. Исследования в этой области продолжают по сей день. Так, в работах [4–7] подтверждаются выдвинутые этими исследователями гипотезы относительно того, что эффективность аудиторской оценки рисков вообще и РСИНД в частности повышается, если в совокупности с элементами традиционной модели они оценивают РСИНД, проводя его декомпозицию в разрезе элементов треугольника мошенничества (стимул (давление), осознаваемая возможность и рационализация), а также риска того, что запланированные для обнаружения существенных искажений вследствие недобросовестных действий составителя аудируемой финансовой отчетности специальные аудиторские процедуры не дадут ожидаемых результатов. Предложенная вышеупомянутыми исследователями модель оценки РСИНД имеет вид:

$$FR = RI \times RA \times RO \times RSP,$$

где *FR* – РСИНД;

RI – риск, связанный с существованием стимулов и (или) давления;

RA – риск, связанный с существованием возможностей для совершения мошенничества;

RO – риск, связанный с оправданием (рационализацией) мошенничества;

RSP – риск того, что специальные процедуры, запланированные для обнаружения мошенничества, не дали результата.

Необходимость исследований в области совершенствования подходов к оценке рисков в аудите определяется процессами, усложняющими процедуры оценки рисков и одновременно предъявляющими повышенные требования к их результативности. В частности, одной из причин, предопределяющих обоснованность и необходимость существования декомпозиции как методоло-

гической основы процесса оценки рисков в ходе выполнения аудиторского задания, является отмечаемая в проводимых исследованиях тенденция к повышению чувствительности оценок РСИНД практикующими аудиторами в случае, когда они используют декомпозицию, структурированную в соответствии с элементами треугольника мошенничества по сравнению с теми, кто оценивает риск, основываясь на традиционном методе [5]. По мнению Кнарр&Кнарр [8], сформулированному в результате проведенного ими исследования, наличие структурированной программы процедур идентификации и оценки РСИНД позволяет провести последовательную и результативную оценку этих рисков. Другим фактором, оказывающим влияние на результативность процедур оценки рисков, является уровень профессиональной компетенции выполняющего их аудитора. Вывод, сделанный вышеупомянутыми авторами, подтверждается результатами другого исследования [9]. Его автор указывает, что в случае отсутствия структурированной программы специальных процедур оценки РСИНД аудиторы в большинстве случаев имеют склонность придавать большее значение наличию возможностей совершения мошенничества, определяемых фактором «отношение руководства», упуская из вида факторы «стимул» и «оправдание». Разделение же признаков, свидетельствующих о вероятности недобросовестных действий через призму треугольника мошенничества, позволяет повысить восприятие аудитора к комплексу факторов, обуславливающих высокий РСИНД, с одновременным снижением бюджета задания за счет экономии времени и отсутствия необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов. К аналогичным результатам пришли Asare&Wright [10], исследуя эффективность процедур оценки РСИНД. Ими был проведен экспери-

мент, направленный на изучение влияния стандартного и структурированного планов процедур оценки РСИНД на адекватность сделанной оценки, по итогам которого было отмечено, что структурированный план процедур оценки РСИНД позволяет получить наиболее адекватную оценку этого риска на всех стадиях аудита.

Исследования в области применимости тех или иных методов оценки рисков к потребностям и особенностям аудиторских заданий, связанных с выражением уверенности, ведутся применительно к качественным и количественным методам. Это направление традиционно наиболее широко представлено исследованиями в области применения количественных методов оценки рисков в аудите. Одним из направлений таких исследований является адаптация к специфике аудиторских процедур оценки РСИНД регрессионных моделей. Наиболее известной и широко используемой из них является регрессионная модель дискретного выбора, известная как *M-score*, предложенная [11]. Идея создания универсальной модели, позволяющей оценить вероятность манипулирования такими ключевыми показателями, как доходы, расходы, финансовый результат получила дальнейшее развитие в работах М. Roxas, К. Jones и др. Другой не менее известной регрессионной моделью является модель недискреционных начислений (*F-score*), полученная в результате исследований, проведенных J. Jones [12]. По результатам проведенных исследований в [13] предложено использовать для оценки РСИНД модель прогноза банкротства, широко известную как *Z-score* Альтмана. В [14–15] были исследованы возможности адаптации логистической регрессии к процессу оценки РСИНД в аудите. Еще одним из объектов исследований в области методических инструментов оценки рисков являются статистические

методы. Наиболее известным из них являются результаты по адаптации закона первой цифры, известного как закон Бенфорда, выполненные М. Nigrini [16], разработавшим и предложившим методику оценки вероятности мошенничества с финансовой отчетностью, получившую известность как «цифровой анализ». Другим не менее распространенным направлением исследований, предложенного в [7], является использование аудитором байесовского анализа в ходе выполнения процедур оценки РСИНД. И, наконец, одним из исследованных в течение последних двух десятилетий инструментов количественной оценки РСИНД является нечеткая логика. Возможности ее использования в процессе оценки РСИНД описаны в работах [17, 18] и др.

Результаты упомянутых исследований, имеющих своей целью создание оптимальной методики, которая может быть использована в ходе выполнения аудиторских процедур оценки рисков вообще и РСИНД в частности, дают нам основание сформулировать набор критериев, которым должен удовлетворять искомый инструмент.

Во-первых, возможности применения инструмента оценки риска существенного искажения и РСИНД как связанной с ним величины должны обеспечивать приведение традиционной модели аудиторского риска и известных моделей оценки РСИНД к общему виду. Необходимость выполнения этого критерия обусловлена содержанием профессиональных стандартов, определяющих, что аудиторский риск представляет собой величину, зависящую от риска необнаружения и риска существенного искажения, который в свою очередь включает два компонента – неотъемлемый риск и риск средств контроля. Таким образом, на наш взгляд, исходя из содержания применимых стандартов аудита, встречающаяся в работах некоторых из упомянутых выше

авторов мультипликативная модель аудиторского риска ограничивает структуру традиционной модели. По нашему мнению, корректным будет представить ее в виде функции от двух влияющих на аудиторский риск переменных:

$$AR = f(RMM, DR),$$

где RMM – риск существенного искажения.

При этом в соответствии с глоссарием терминов ISAs риск существенного искажения может быть представлен как комбинация двух влияющих на него компонентов – неотъемлемого и контрольного рисков в виде

$$RMM = f(IR, CR).$$

Преимуществом предлагаемого представления традиционной модели аудиторского риска является расширение возможностей интерпретации взаимосвязи включаемых в модель факторов в соответствии с профессиональным суждением аудитора.

Во-вторых, искомый инструмент должен обеспечивать возможность декомпозиции итогового суждения о риске существенного искажения / аудиторском риске / РСИНД и т. п. не только в разрезе используемой для его оценки обобщающей модели (например, модели, предложенной в [5]). Уровень декомпозиции должен определяться в соответствии с принятым аудиторским подходом к оценке риска и требованиями профессиональных стандартов. Таким образом, на наш взгляд, уровень декомпозиции факторов оцениваемого риска должен обеспечивать идентификацию рисков как на уровне аудируемой отчетности в целом, так и на уровне отдельных утверждений (предпосылок подготовки отчетности) в отношении остатков по счетам, групп операций и раскрытой информации.

В-третьих, инструмент оценки связанных с аудитом рисков должен обеспечивать возможность их непрерывной циклической оценки. Необходимость соответствия описанному кри-

терию обусловлена сущностью риск-ориентированного подхода, на котором основаны общепринятые системы профессиональных стандартов аудита и других заданий, связанных с выражением уверенности. Структура подхода, базирующегося на риске, предполагает проведение идентификации и оценки компонентов риска на основе изучения внешней и внутренней ситуации, в которой функционирует объект с последующей разработкой процедур в ответ на оцененные риски. Завершением цикла является оценка остаточного риска и определение его значимости. В случае признания остаточного риска значимым, описанный цикл должен быть воспроизведен повторно. По свидетельствам Asare & Wright [10], занимавшихся изучением практических вопросов последующей оценки остаточного риска, по итогам выполнения процедур в ответ на оцененные риски аудиторы, как правило, оценивают остаточный риск на приемлемом уровне, поскольку стараются избежать повторения нового цикла, в том числе в связи с громоздкостью процедуры оценки/переоценки

риска. Таким образом, дополнительным требованием в части циклической оценки является приемлемый уровень трудозатрат, в том числе обеспечиваемый инвариантным алгоритмом оценки рисков, поддающимся автоматизации.

В-четвертых, используемый инструмент оценки риска в аудите должен обеспечивать возможность трансформации вербальных суждений аудитора в формальные. В совокупности со вторым критерием выполнение этого создает широкие возможности по применению комбинированных методов оценки риска существенного искажения и РСИНД при выполнении аудиторского задания.

На наш взгляд, наиболее оптимальным образом сформулированные критерии отбора методического инструментария оценки рисков в ходе аудита могут быть реализованы посредством применения логико-вероятностного (далее ЛВ) подхода. Основой ЛВ-подхода является событийно-логическая схема. Сущность ЛВ-подхода состоит в последовательной реализации алгоритма, состоящего из этапов, представленных на рисунке 1.

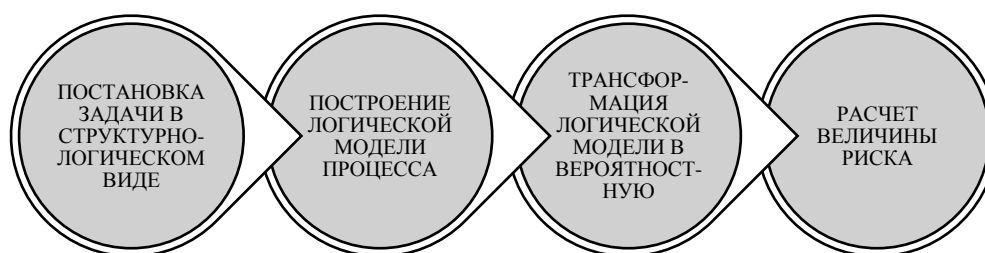

Рисунок 1 – Последовательность реализации алгоритма ЛВ-подхода

1. На этапе постановки задачи в структурно-логическом виде определяется перечень факторов риска, которые могут быть представлены в виде бинарных событий вида $\tilde{x}_i = \{x_i, \bar{x}_i\}, i = 1, \dots, h$, где \bar{x}_i – противоположное для x_i событие, h – число

таких факторов, образующих множество X . Для каждого фактора предполагается возможность задания вероятности его реализации p_i (или нереализации $q_i = 1 - p_i$). Впоследствии факторы риска должны быть агрегированы в интегральные функции реализации y для

каждого элемента риска, образующих множество Y . Содержание и логические условия функций должны быть определены. На этом же этапе дается словесное и графическое описание множеств X и Y , которые образуют $G(X, Y)$ схему функциональной целостности для рисков ситуации. Затем для схемы строятся выходные логические функции $Y_F(y_j), j = 1, \dots, n$, т. е. задаются формулы реализации основных рисков ситуаций – логические критерии функционирования.

2. На этапе построения логической модели определяется функция работоспособности $Y_F(\tilde{x}_i), i = 1, \dots, h$ для всего процесса путем преобразования логических критериев функционирования. В результате получается логическая функция, описывающая все возможные выходы F при различных комбинациях $\tilde{x}_i, i = 1, \dots, h$ исходных факторов.

3. На этапе построения вероятностной модели осуществляется преобразование функции работоспособности в вероятностную функцию вида $P_F(p_i, q_i), i = 1, \dots, h$. Полученный многочлен позволяет выполнить расчет риска при конкретных вариантах реализации бинарных событий.

4. Расчет величины риска осуществляется с использованием вероятностной функции при заданных вероятностях p_i . Количественная оценка риска рассчитывается для процесса в целом.

До настоящего времени логико-вероятностный подход широко использовался при оценке надежности функционирования технических систем. Краткая история ЛВ-подхода и обширная библиография по этому вопросу приведены в [19]. Использование ЛВ-моделей для идентификации и оценки рисков, связанных с социально-экономическими отношениями, до настоящего времени ограничивается отдельными случаями. Например, в [20] определен перечень

экономических рисков, оказывающих негативное влияние на функционирование промышленного предприятия. На этой основе автором разработана схема функциональной целостности промышленной компании, позволяющая дать комплексную оценку риска экономического риска. В [21] ЛВ-моделирование использовано для оценки и управления кредитным риском банка. На наш взгляд, применение ЛВ-подхода в качестве инструмента оценки рисков в аудите позволит повысить качество аудиторских суждений при одновременном сокращении бюджета трудозатрат.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Риск фальсификации финансовой отчетности и его оценка в процессе внешнего аудита» № 16-02-00035.

Библиографический список

1. Fortvingler, J., Szívós, L. Different Approaches to Fraud Risk Assessment and Their Implications on Audit Planning // Periodica Polytechnica Social and Management Sciences. – 2016. – Vol. 24 (2). – P. 102–112.
2. Гордеев, С. Е. Метод трансформации оценок аудиторского риска в рамках теоретико-вероятностного подхода // Учет и статистика. – 2014. – № 4. – С. 30–36.
3. Хисматуллин, Б. Р. Риск необнаружения: способы определения и влияние на объем аудиторской выборки // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2016. – № 2 – С. 29–36.
4. Zimbelman, M. F. Effects of SAS № 82 on Auditors' Attention to Fraud Risk Factors and Audit Planning Decisions // Journal of Accounting Research. – 1997. – № 35. – P. 75–97.
5. Wilks, T. J., Zimbelman, M. F. Decomposition of fraud-risk assessments and auditors' sensitivity to fraud cues // Contemporary Accounting Research. – 2004. – № 21 (3). – P. 719–745.

6. Favere-Marchesi, M. Effects of Decomposition and Categorization on Fraud-Risk Assessments // *Auditing: A Journal of Practice & Theory*. – 2013. – № 32 (4). – P. 201–219.

7. Srivastava, R. P., Mock, T. J., Turner, J. L. Bayesian Fraud Risk Formula for Financial Statement Audits // *Abacus*. – 2009. – № 45 (1). – P. 66–87.

8. Knapp, C. A., Knapp, M. C. Effects of experience and explicit fraud risk assessment in detecting fraud with analytical procedures // *Accounting, Organizations and Society*. – 2001. – № 26. – P. 25–37.

9. Shelton, S. W., Whittington, O. R., Landsittel, D. Auditing firms' fraud risk assessment practices // *Accounting Horizons*. – 2001. – № 15 (1). – P. 19–33.

10. Asare, S. K., Wright, A. M. Effectiveness of Alternative Risk Assessment and Program Planning Tools in a Fraud Setting // *Contemporary Accounting Research*. – 2004. – № 21 (2). – P. 325–352.

11. Beneish, M. Detecting GAAP Violations: Implications for Assessing Earnings Management among Firms with Extreme Financial Performance // *Journal of Accounting and Public Policy*. – 1997. – Vol. 16. – № 3. – P. 271–309.

12. Jones, J. Earnings management during import relief investigations // *Journal of Accounting Research*. – 1991. – Vol. 29. – № 2. – P. 193–228.

13. Spathis, C. T. Detecting false financial statements using published data: some evidence from Greece // *Managerial Auditing Journal*. – 2002. – Vol. 17. – № 4. – P. 179–191.

14. Bell, T. B., Carcello, J. V. Decision aid for assessing the likelihood of fraudulent financial reporting // *Auditing: Journal of Practice & Theory*. – 2000. – Vol. 19. – № 1. – P. 169–184.

15. Yusof, M. K., Khair, A. H., Simon, J. Fraudulent Financial Reporting: An Application of Fraud Models to Malaysian Public Listed Companies // *Macrotheme Review*. – 2015. – Vol. 4. – № 3. – P. 126–145.

16. Nigrini, M. *Forensic Analytics: Methods and Techniques for Forensic Accounting Investigations* // Wiley Corporate F&A, 2011.

17. Lin, J. W., Hwang, M. I., Becker, J. D. Fuzzy neural network for assessing the risk of fraudulent financial reporting // *Managerial Auditing Journal*. – 2003. – Vol. 18. – № 8. – P. 657–665.

18. Василенко, А. А. Методологические аспекты применения в аудите предпосылок бухгалтерской отчетности. – Ростов н/Д : Наука-Спектр, 2015.

19. Рябинин, И. А. Логико-вероятностный анализ и его история // *Проблемы анализа риска*. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 6–12.

20. Гавриченко, Е. В. Проблемы организации и функционирования риск-менеджмента на промышленных предприятиях // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. – 2010. – № 8. – С. 38–42.

21. Соложенцев, Е. Д., Алексеев, В. В., Карасев, В. В. Мониторинг и управление процессом кредитования банка с использованием логико-вероятностных моделей риска // *Проблемы анализа риска*. – 2013. – № 6. – С. 78–87.

Bibliographic list

1. Fortvingler, J., Szívós, L. Different Approaches to Fraud Risk Assessment and Their Implications on Audit Planning // *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences*. – 2016. – Vol. 24 (2). – P. 102–112.

2. Gordeev, S. E. Transformation method audit risk assessment in framework of theoretical-probabilistic approach // *Accounting and Statistics*. – 2014. – № 4. – P. 30–36.

3. Khismatullin, B. R. Risk of non-detection: ways of determining and influencing the volume of audit sample // *Vestnik of IPB (Bulletin of Professional Accountants)*. – 2016. – № 2. – P. 29–36.

4. *Zimbelman, M. F.* Effects of SAS № 82 on Auditors' Attention to Fraud Risk Factors and Audit Planning Decisions // *Journal of Accounting Research*. – 1997. – № 35. – P. 75–97.
5. *Wilks, T. J., Zimbelman, M. F.* Decomposition of fraud-risk assessments and auditors' sensitivity to fraud cues // *Contemporary Accounting Research*. – 2004. – № 21 (3). – P. 719–745.
6. *Favere-Marchesi, M.* Effects of Decomposition and Categorization on Fraud-Risk Assessments // *Auditing: A Journal of Practice & Theory*. – 2013. – № 32 (4). – P. 201–219.
7. *Srivastava, R. P., Mock, T. J., Turner, J. L.* Bayesian Fraud Risk Formula for Financial Statement Audits // *Abacus*. – 2009. – № 45 (1). – P. 66–87.
8. *Knapp, C. A., Knapp, M. C.* Effects of experience and explicit fraud risk assessment in detecting fraud with analytical procedures // *Accounting, Organizations and Society*. – 2001. – № 26. – P. 25–37.
9. *Shelton, S. W., Whittington, O. R., Landsittel, D.* Auditing firms' fraud risk assessment practices // *Accounting Horizons*. – 2001. – № 15 (1). – P. 19–33.
10. *Asare, S. K., Wright, A. M.* Effectiveness of Alternative Risk Assessment and Program Planning Tools in a Fraud Setting // *Contemporary Accounting Research*. – 2004. – № 21 (2). – P. 325–352.
11. *Beneish, M.* Detecting GAAP Violations: Implications for Assessing Earnings Management among Firms with Extreme Financial Performance // *Journal of Accounting and Public Policy*. – 1997. – Vol. 16. – № 3. – P. 271–309.
12. *Jones, J.* Earnings management during import relief investigations // *Journal of Accounting Research*. – 1991. – Vol. 29. – № 2. – P. 193–228.
13. *Spathis, C. T.* Detecting false financial statements using published data: some evidence from Greece // *Managerial Auditing Journal*. – 2002. – Vol. 17. – № 4. – P. 179–191.
14. *Bell, T. B., Carcello, J. V.* Decision aid for assessing the likelihood of fraudulent financial reporting // *Auditing: Journal of Practice & Theory*. – 2000. – Vol. 19. – № 1. – P. 169–184.
15. *Yusof, M. K., Khair, A. H., Simon, J.* Fraudulent Financial Reporting: An Application of Fraud Models to Malaysian Public Listed Companies // *Macrotheme Review*. – 2015. – Vol. 4. – № 3. – P. 126–145.
16. *Nigrini, M.* Forensic Analytics: Methods and Techniques for Forensic Accounting Investigations // *Wiley Corporate F&A*, 2011.
17. *Lin, J. W., Hwang, M. I., Becker, J. D.* Fuzzy neural network for assessing the risk of fraudulent financial reporting // *Managerial Auditing Journal*. – 2003. – Vol. 18. – № 8. – P. 657–665.
18. *Vasilenko, A. A.* Methodological aspects of application in audit of prerequisites of financial statements. – Rostov-on-Don : Science-Spectrum, 2015.
19. *Ryabinin, I. A.* Logical-probabilistic analysis and its history // *Problems of risk analysis*. – 2014. – Vol. 11. – № 3. – P. 6–12.
20. *Gavrichenko, E. V.* Problems of organization and functioning of risk management in industrial enterprises // *Vestnik of University (State University of Management)*. – 2010. – № 8. – P. 38–42.
21. *Solozhentsev, E. D., Alekseev, V. V., Karasev, V. V.* Monitoring and management of bank lending process using logical-probabilistic risk models // *Problems of risk analysis*. – 2013. – № 6. – P. 78–87.

УДК 336.64

Азнабаева Г. Р.

**РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНИЯ
ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ ИТ-СЕКТОРА**

Аннотация

В статье рассмотрена методика анализа управления финансовыми ресурсами предприятий ИТ-сектора в аспекте применения финансовых показателей, характеризующих эффективность деятельности таких предприятий. Выделены особенности управления финансовыми ресурсами предприятий ИТ-сектора.

Ключевые слова

Управление, финансовые коэффициенты, специфика ИТ-сектора.

JEL: G30, M00

Aznabaeva G. R.

**DEVELOPMENT OF METHODS OF ANALYSIS
OF FINANCIAL RESOURCES OF ENTERPRISE OF IT-SECTOR**

Annotation

Article describes the method of analysis of the financial management companies IT-sector in the aspect of the use of financial indicators characterizing the efficiency of such enterprises. The features of financial management enterprise IT-sector are obtained.

Keywords

Management, financial ratios, specific of IT-sector.

В настоящее время важно грамотно управлять финансово-хозяйственной деятельностью предприятий (организаций). Субъекты хозяйствования сегодня сами могут определять источники и ресурсы роста, отвечать за их эффективное использование. Важность управления финансовыми ресурсами несет в себе реализацию стратегических целей и тактических задач экономического субъекта, а также через выполнение финансовых обязательств является способом получе-

ния финансирования от внешних инвесторов. Именно поэтому вопрос формирования и использования финансовых ресурсов актуален.

Объектом исследования является ИТ-отрасль. Предмет исследования – экономические отношения, возникающие в процессе управления финансовыми ресурсами предприятия. Основу методологического подхода составил диалектический метод, который предполагает изучение экономических категорий

и процессов в их постоянном развитии и взаимосвязи.

Финансовые ресурсы предприятия выступают совокупностью капитала, имущества и других средств предприятия, которые выражены в денежной форме и находятся в распоряжении предприятия, а также используются или могут быть использованы данным предприятием в процессе финансово-хозяйственной деятельности для выполнения своих функций.

Для оценки эффективности управления финансовыми ресурсами используют обобщенный показатель – рентабельность собственного капитала [1]:

$$R_{ск} = ЧП / Активы,$$

где $R_{ск}$ – рентабельность собственного капитала;

ЧП – чистая прибыль.

Чтобы оценить эффективность основной деятельности предприятия, необходимо рассчитать показатель рентабельности продаж [2]:

$$R_{пр} = ЧП/ВР,$$

где ЧП – чистая прибыль;

ВР – выручка от продаж.

Значение данного показателя изменяется под влиянием внешних факторов (инфляция, конкуренция, законодательство и пр.) и внутренних (контроль качества, структура затрат, управленческий учет и пр.).

Для количественной оценки эффективности управления активами используется показатель оборачиваемости активов [3]:

$$OA = ВР / [(A_{нг} + A_{кг})/2],$$

где ВР – выручка от продажи;

А – активы предприятия (нг – на начало года, кг – на конец года).

Если значение данного показателя возрастает, то это является хорошей тенденцией и свидетельствует о повышении эффективности использования активов предприятия.

Чтобы охарактеризовать финансовую деятельность предприятия необходимо найти такой показатель, как фи-

нансовый леве́ридж (рычаг). Данный показатель находится отношением всего авансированного капитала предприятия к собственному капиталу [4]:

$$K_{фл} = АК / СК,$$

где АК – авансированный капитал (собственный капитал + привлеченный капитал);

СК – собственный капитал.

Другими словами, финансовый рычаг показывает соотношение между заемным и собственным капиталом. Данная структура находится в прямой зависимости: чем больше относительный объем привлеченных предприятием заемных средств, тем больше сумма уплаченных по ним процентов и тем выше уровень финансового леве́риджа.

Также для того чтобы оценить эффективность управления финансовыми ресурсами предприятия, находят коэффициенты финансовой устойчивости.

В соответствии с целью анализа обобщенная оценка уровня финансовой устойчивости предприятия может быть рассчитана с использованием формулы (1) – критерия финансовой устойчивости [0]:

$$J = K_{авт} \times K_{мнск} \times K_{сос} \times K_{фу}, \quad (1)$$

где $K_{авт}$ – коэффициент автономии;

$K_{мнск}$ – коэффициент маневренности собственного капитала;

$K_{сос}$ – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами;

$K_{фу}$ – коэффициент финансовой устойчивости.

Расчет составляющих интегрального критерия финансовой устойчивости (1) производится по следующим формулам:

$$K_{авт} = СК / КАП,$$

$$K_{мнск} = ФК / СК,$$

$$K_{сос} = СОС / ТА,$$

$$K_{фу} = СК / ПК,$$

где СК – собственный капитал компании; КАП – капитал компании – валюта баланса;

ФК – функционирующий капитал, т. е. разность между собственными оборот-

ными средствами и долгосрочной дебиторской задолженностью вместе с просроченной дебиторской задолженностью; СОС – собственные оборотные средства; ТА – текущие активы; ПК – привлеченный капитал, т. е. сумма долгосрочных и краткосрочных обязательств компании.

Чтобы оценить в целом скорость оборота оборотных активов, необходимо рассчитать коэффициент оборачиваемости (K_o). Он находится отношением выручки без учета НДС и акцизов (V) к средней сумме оборотных средств ($ОБ_{ср}$) за период [5]:

$$K_o = V / ОБ_{ср},$$

где $ОБ_{ср} = (ОБС_n + ОБС_k) / 2$, здесь $ОБС_n$, $ОБС_k$ – соответственно величина оборотных средств на начало и конец периода.

Если значение данного показателя возрастает, то это говорит о том, что эффективность использования оборотных активов в целом по предприятию повышается.

Оборачиваемость капитала – это то, с какой скоростью средства проходят стадии производства и обращения. Данный показатель характеризует оборачиваемость активов в оборотах (коэффициент оборачиваемости) [0]:

$$K_{об} = V / A,$$

где A – среднегодовая стоимость активов (всего капитала);

V – выручка за анализируемый период (год).

Коэффициент оборачиваемости свидетельствует о количестве оборотов, которые сделают средства, вложенные в имущество предприятия за отчетный период. Если значение данного коэффициента возрастает, то это говорит о повышении деловой активности предприятия.

Длительность одного оборота:

$$D_{об} = T / K_{об} \text{ (дней)},$$

где T – продолжительность (в календарных днях) анализируемого периода.

Оборачиваемость и финансовый результат взаимосвязаны: чем выше скорость обращения капитала, тем бо-

лее высокий финансовый результат (прибыль) получит предприятие.

Оценка эффективности использования финансовых ресурсов необходима для принятия управленческих решений, направленных на рост прибыльности, выявление причин убыточности, а также обеспечение стабильного финансового состояния. От того, насколько качественно проведена данная оценка, зависит эффективность принятия управленческих решений, связанных с дальнейшим использованием собственных, привлеченных и заемных финансовых ресурсов.

Рассмотрим специфику управления на предприятии ИТ, которое по своей сути является предприятием сферы услуг в области информационной техники. К задачам финансового управления в данной сфере относятся:

- определение потребностей предприятия в сфере ИТ в финансовых ресурсах с целью реализации целей его деятельности;

- выяснение альтернатив финансирования и их оценка;

- своевременное получение финансов из источников, определенных на предыдущем этапе;

- оптимизация доходов предприятия от создания информационного продукта, а также от дополнительных видов деятельности предприятия;

- эффективное применение финансовых ресурсов в процессе производства и продажи информационного продукта;

- предотвращение банкротства предприятия в сфере ИТ;

- взаимодействие предприятия с банками, страховыми компаниями, налоговыми органами;

- обеспечение быстроты реакции на изменение состояния рынка ИТ, финансового состояния предприятия, региона и отрасли в целом;

- обеспечение реализации функций финансового управления в конкретной деятельности предприятия;

– планирование дальнейшего использования финансовых ресурсов на предприятии ИТ.

В качестве финансовых рычагов на малом предприятии могут выступать прибыль, доходы от видов деятельности, амортизация, арендная плата, вклады в уставной капитал, дивиденды. Правовое обеспечение финансового механизма предприятия в сфере ИТ составляют нормативные акты федерального, регионального уровня, а также внутренние инструкции и нормативы предприятия. Важнейшую роль в информационном обеспечении финансового механизма в данном предприятии играет коммерческая и финансовая информация, представленная на таких предприятиях преимущественно в компьютерном виде. Финансовая информация при этом включает в себя:

- сведения о финансовом положении контрагентов и конкурентов;
- цены, курсы валют, проценты за кредиты.

Важную роль играет и проведение маркетинговых исследований для установления различных показателей рынка.

Финансовое прогнозирование на данных предприятиях выглядит как прогноз объемов продаж и расходов на реализацию информационного продукта, расчет потребностей в кредитовании и других источниках внешнего финансирования. При этом обычный порядок финансирования такой:

- выяснение прогноза объемов реализации;
- прогноз переменных и постоянных затрат;
- прогноз инвестиций в основные активы, которыми в подобных организациях в основном являются объекты компьютерной техники;
- выяснение потребностей во внешнем финансировании.

К основным факторам инвестиционной политики данных предприятий относятся: потребность в доходе и лик-

видности; баланс между доходностью и платежеспособностью. Нарушение баланса доходности и платежеспособности означает нерациональное использование средств, минимум прибыли либо стремление максимизировать прибыль за счет повышенного риска. Уровень возможного риска зависит от накопленных предприятием средств. Так как предприятия ИТ занимаются также и разработкой научно-технических новшеств, для них характерен и венчурный риск, то есть риск инвестирования в НИОКР, которая по каким-то причинам может далее не окупиться (например, разработка программы, которая не будет затем продана клиенту).

Капитальные затраты на предприятиях ИТ в основном касаются основных фондов, то есть закупок и ремонта компьютерной техники. Они оцениваются с использованием следующих методик: ведения счетов, которое правильно отражает характер затрат на капитальные вложения, или капитальных затрат; региональной и систематической программы замены оборудования; детального бюджета капитальных затрат; сравнения различных вариантов капитальных вложений; подсчета годовой экономии в затратах; определения фактических результатов от проведения капитальных вложений.

При оценке планов капитальных вложений на данных предприятиях учитывается экономическая эффективность проектов.

Таким образом, к основным особенностям управления финансовыми ресурсами на предприятиях ИТ-сектора относятся следующие: данные предприятия не осуществляют кредитование и инвестирование; деятельность относится к сфере услуг с быстрым оборотом вложенных средств; возможен венчурный риск при разработке новых программных средств; капитальные затраты относятся к закупкам и ремонту компьютерной техники.

Библиографический список

1. Фролова, Т. А. Экономика предприятия. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2011.
2. Демчук, О. Н., Ефремова, Т. А. Теория экономического анализа. – М. : Прима, 2014.
3. Тимирязева, Р. Т. Финансы организаций. – М. : Перспектива, 2014.
4. Абрютина, А. Т., Грачев, А. В. Экономический анализ предприятия. – М. : Просвещение, 2012.
5. Селезнева, Н. Н. Теория экономического анализа. – М. : Грин, 2010.
6. Тумаков, Е. И. Финансы. – М. : Просвещение, 2014.

Bibliographic list

1. Frolova, T. A. Enterprise economy. – Taganrog : TTI SFU, 2011.
2. Demchuk, O. N., Efremova, T. A. Theory of Economic Analysis. – M. : Prima, 2014.
3. Timiryazeva, R. T. Finance of organizations. – M. : Prospect, 2014.
4. Abryutina, A. T., Grachev, A. V. Economic analysis of company. – M. : Prosveshchenie, 2012.
5. Selezneva, N. N. Theory of Economic Analysis. – M. : Grin, 2010.
6. Tumakov, E. I. Finance. – M. : Prosveshchenie, 2014.

УДК 336.77

Ниворожкина Л. И.

**ОТКЛИК РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ
НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ:
АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ АДАПТАЦИИ**

Аннотация

В статье представлены расчеты, основанные на репрезентативной информации российского мониторинга экономического положения и здоровья, подтверждающие, что домохозяйства, испытавшие воздействие макроэкономических шоков, результатом которых стало резкое падение доходов, самостоятельно формируют механизмы адаптации к ухудшившимся условиям, позволяющие им сохранять поддерживать прежний уровень благосостояния.

Ключевые слова

Макроэкономический шок, кризис, домохозяйства, благосостояние, доходы, кредиты, сбережения.

Nivorozhkina L. I.

**RESPONSE OF RUSSIAN HOUSEHOLDS TO MACROECONOMIC SHOCKS:
ANALYSIS OF ADAPTATION MECHANISMS**

Annotation

Calculations based on representative information from Russian Monitoring of Economic Situation and Health confirm that households affected by macroeconomic shocks that result in a sharp drop in incomes independently develop mechanisms for adapting to worsened conditions that allow them to maintain their previous level of well-being, are present in article.

Keywords

Macroeconomic shock, crisis, households, welfare, income, loans, savings.

JEL: C25, D31, E21, I31

Начиная с 90-х гг. прошедшего столетия, российское население преодолело череду потрясений, выразившихся в резких, одномоментных падениях уровня и качества жизни, шоковое воздействие которых вынуждало людей выработать новые стратегии выживания,

поддержания уровня благосостояния в радикально меняющейся социально-экономической среде. В контексте макроэкономической динамики кризисных явлений в российской экономике значительный интерес представляет выявление механизмов адаптации населения к

внешним воздействиям. Важным методологическим аспектом такого исследования является присутствие критических точек, позволяющих зафиксировать реакции населения в ситуации резкого обострения кризиса. Идентификация воздействия макроэкономического шока на уровень жизни населения может быть осуществлена путем анализа динамики ряда ключевых статистических индикаторов, таких как: индекс потребительских цен, оборот розничной торговли, реальные располагаемые доходы населения, уровень безработицы, бедности и неравенства. Официальная статистика публикует указанные макроэкономические показатели по результатам календарного года, поэтому наличие шокового воздействия на уровень благосостояния населения можно зафиксировать по этим итоговым цифрам в случае, если они укажут на отрицательный прирост (падение).

Первый шок, который обрушил привычный уклад жизни советских людей, произошел в начале 1992 г., когда, начиная с 1 января, цены на большинство товаров и продуктов были отпущены, в результате индекс цен составил 2608,8 % [1], оборот розничной торговли продовольственными товарами упал на 10 % [2], а реальные располагаемые доходы населения вдвое [3]. Инфляция мгновенно обесценила все сбережения населения. Попытки повышения номинальных размеров заработной платы и социальных выплат не успевали компенсировать снижение покупательной способности населения. Начавшийся в этот период официальный учет населения, оказавшегося за чертой бедности, рассчитываемой по прожиточному минимуму, обеспечивающему лишь физиологическое выживание, выявил, что их доля составила 33,5 % [3], а значительную часть их формируют семьи трудоспособных работников с маленькими детьми.

Оказавшееся в новых условиях население начало приспосабливаться к

новым реалиям. Этот период характеризовался всплеском активности населения в сфере так называемой челночной торговли, толчком чему послужил указ Президента от 29.01.1992 «О свободе торговли», предоставивший право российским гражданам заняться предпринимательством в сфере торговли. Указ подтолкнул к занятию торгово-посреднической деятельностью сотни тысяч людей. При этом рост торгово-посреднических операций происходил на фоне падения объема промышленного производства и престижа производительного труда. Темпы падения доходов замедлились, но произошел резкий всплеск неравенства, одним из пусковых механизмов которого стала «ваучерная» приватизация (1992–1994 гг.), когда одновременно в России появилась узкая прослойка людей, получивших в единоличное распоряжение огромный пласт бывшей государственной собственности [4].

Второй доходный «шок» произошел в 1995 г., когда начался второй этап приватизации – денежный. Продажа акций предприятий осуществлялась на аукционах по определенному графику на конкурсной основе. Одновременно с приватизацией промышленности проходила малая приватизация, т. е. продажа предприятий розничной торговли, сферы услуг, общественного питания и т. д. Новые хозяева приватизированных предприятий, находившихся в кризисе, зачастую резко сокращали объемы вложений в долгосрочные программы развития производства, основные фонды предприятий (здания, оборудование, станки) продавались или сдавались в аренду коммерческим структурам. Характерной чертой этого периода стали массовые задержки заработной платы, которая не выплачивалась месяцами, в результате чего работники предприятий вынуждены были нередко продавать свои акции за бесценок. Началось вторичное перераспределение собственности в пользу крупных держателей ак-

ций, ваучерных фондов, крупных фирм, что вновь подтолкнуло процесс роста доходного неравенства. Процесс приватизации сформировал частный сектор экономики, рынок ценных бумаг, но не привел к росту производства. Происходило дальнейшее свертывание промышленности и сельского хозяйства, главными причинами которого было отсутствие инвестиций в производство, убыточность большинства предприятий и их неконкурентоспособность на мировом рынке. После «черного вторника» 11 октября 1994 г., когда валютный курс рубля упал на 27 %, была осуществлена денежная реформа с заменой денежных купюр старого номинала [4]. В результате в 1995 г. статистика вновь опубликовала данные, указавшие на резкое падение доходов населения [3].

Меры, предпринимаемые властями для стабилизации экономики, привели к тому, что к началу 1996 г. инфляция была приостановлена. Темпы спада производства снизились, но лишь за счет экспортно-ориентированных отраслей сырьевой и перерабатывающей промышленности. Замедлились темпы роста потребительских цен и безработицы, появились признаки оживления в некоторых отраслях экономики. Ключевой проблемой после обуздания инфляции оставался дефицит бюджета. Неспособность правительства покрывать свои расходы из средств от сбора налогов вынуждала его увеличивать внешние и внутренние займы. Практически вся эмиссия Министерства финансов состояла из государственных казначейских обязательств (ГКО) и облигаций федерального займа (ОФЗ). Но краткосрочные ценные бумаги требовали постоянного обновления (взамен погашенных). Одновременно с наращиванием долга правительство, продолжая бороться с инфляцией и стремясь уменьшить денежную массу, задерживало выплаты по своим обязательствам (госзаказам, заработной плате бюджетникам

и пр.). Для поддержания хотя бы на прежнем уровне финансирования социальной сферы, здравоохранения, образования, культуры приходилось увеличивать дефицит бюджета, а в результате покрытия увеличенного дефицита неизбежно увеличивался долг, и еще больше требовалось денег на выплату процентов. Искусственно поддерживаемая высокая доходность ГКО, уводила деньги из реальной экономики и способствовала дальнейшему падению инвестиционной деятельности. В результате указанные факторы, а также завышенный курс рубля, не соответствовавший низкой эффективности российской экономики привели к тому, что весной 1998 г. возобновилось падение производства. К внутренним источникам экономического неблагополучия в 1998 г. добавились и внешние: падение мировых цен на нефть и азиатский финансовый кризис, что углубило дефицит бюджета, который, как и в советское время, опирался в основном на доходы от экспорта топлива и многих видов сырья. В результате стечения множества факторов 17 августа 1998 г. Правительство РФ выступило с заявлением об одностороннем отказе от обслуживания государственных краткосрочных облигаций с прекращением торговли ими и их последующей реструктуризацией; о расширении границ валютного коридора и о введении 90-дневного моратория на обслуживание внешних долгов частными российскими юридическими лицами. Российским держателям ценных бумаг было обещано, что ГКО «реструктурируют» (не выплатят по ним деньги, когда наступит срок погашения, а обменяют их на другие бумаги по той же цене и погасят долг через пять лет) [4]. Последствия этого решения испытало на себе население страны: двукратное за первые две недели и почти четырехкратное за год падение курса рубля, рост цен на импортные (занимавшие почти 50 % рынка) и большинство рос-

сийских товаров. Как результат, реальные доходы населения в декабре оказались на 30,8 % ниже, чем в аналогичный период предыдущего года [3].

В литературе в контексте воздействия на благосостояние населения рассматривается также кризис 2008 г. [4], однако динамика показателей официальной статистики не зафиксировала падения ни одного из ключевых показателей, поэтому отнесение его воздействия к шоковым в отношении благосостояния российского населения отнести нельзя.

Новый кризис, датируемый 2014 г., одной из причин которого стали санкции, повлекшие резкий рост курсовой стоимости валют, очередной виток падения цен на углеводороды: официальная статистика вновь подтвердила отрицательный прирост всех ключевых показателей, что позволяет характеризовать этот кризисный спад как шоковое воздействие на благосостояние населения.

Показатели экономического благосостояния, публикуемые официальной статистикой, относятся к населению в целом, в то время как основной ресурсной ячейкой общества является домохозяйство. Именно в домохозяйствах происходит концентрация средств на поддержание определенного жизненного уровня, выработка и принятие решений о расходах, сбережениях и др. В зависимости от ряда факторов, таких как возраст и образование членов домохозяйства, уровень и источники доходов, место проживания и др. формируются индивидуальные траектории экономического поведения, вырабатываются стратегии отклика на внешние угрозы. Последствия шоковых изменений заставляют домохозяйства находить способы, позволяющие преодолеть снижение уровня экономического благосостояния, такие как использование собственных сбережений, продажа активов, обращение к институтам страхования, перераспределение ресурсов между до-

мохозяйствами или внутри домохозяйств посредством частных или государственных трансфертов, изменение активности на рынке труда или переход к натуральному хозяйству.

Как меняются экономические стратегии и поведение домохозяйств до и после воздействия макроэкономического шока? Ответ на этот вопрос можно получить путем анализа микроданных, получаемых непосредственно от домохозяйств. Доступными широкому кругу исследователей и наиболее надежными являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (Russian Longitudinal Monitoring Survey – RLMS-HSE), проводимого с 1992 г. по общенациональной российской выборке и предназначенного для изучения различных аспектов экономического положения и здоровья населения России¹. В ходе дальнейшего анализа рассмотрены два периода: 2013 г., предшествующий кризису, и 2015 г., когда получила продолжение начавшаяся в 2014 г. рецессия. Для целей сравнения экономического поведения домохозяйств в указанных периодах была сформирована сбалансированная панель: в 2015 г. в анализе участвовали только домохозяйства, опрошенные в 2013 г. Число таких домохозяйств составило 6044.

Распространенным индикатором воздействия макроэкономического шока на уровень благосостояния домохозяйств является уровень бедности, который измеряется долей домохозяйств, чьи располагаемые душевые ресурсы ниже сто-

¹ С 1992–1993 гг. обследование осуществлялось Госкомстатом (ныне Росстатом) и Центром народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США). С 1994 г. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» проводился исследовательским центром ЗАО «Демоскоп» совместно с Центром народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) и Институтом социологии РАН.

имости прожиточного минимума. С другой стороны, масштабные потрясения во всех сферах социально-экономической жизни в период кризиса затрагивают все слои населения, а не только малообеспеченных. Поэтому более надежным индикатором воздействия макроэкономического шока, на наш взгляд, служит факт изменения позиции домохозяйства в распределении по относительным доходным группам, например, квинтильным – 20 %. Такой подход позволяет избежать необходимости учета инфляционных изменений в номинальных доходах, региональных различий при оценке стоимости жизни. Сравнение позиций домохозяйств за анализируемый период выявило, что 28 % из них опустились вниз по этой шкале, 29 % переместились выше, остальные 43 % сохранили свои позиции. В 2013 г. среднее значение душевых располагаемых ресурсов составило 19 582 рубля, а в 2015 – 18 972 рубля, что составило приблизительно 3,2 % и оказалось несколько ниже официальных данных. Одной из причин подобных расхождений может быть то, что данные о располагаемых ресурсах домохозяйств учитывают все возможные источники доходов, в том числе и израсходованные сбережения, которые остаются недооцененными официальными методиками.

Следующий момент, влияющий на точность оценки доходов домохозяйств, – присутствие в них скрытых доходов. По-

скольку период учета ограничен 30 днями, то вполне возможна недооценка доходов ряда домохозяйств из-за нерегулярного их поступления, задержек выплат и др. Однако следует помнить, что часть домохозяйств сознательно скрывает свои доходы. Для учета этого фактора были определены домохозяйства, в которых текущие располагаемые ресурсы оказались ниже суммы расходов и сбережений, но переменная, указывающая на наличие скрытых доходов, была определена только для тех из них, где превышение расходов над доходами было зафиксировано в двух периодах. Доля таких домохозяйств составила 20,7 %.

Результатом процесса адаптации домохозяйств к воздействию макроэкономического шока становится модификация его финансового поведения. Для подтверждения этой гипотезы было осуществлено сравнение типов финансового поведения домохозяйств в двух периодах. Для этого были выделены домохозяйства (табл. 1), которые в каждом году:

- не выплачивали кредиты, не откладывали сбережения;
- выплачивали кредиты, не откладывали сбережения;
- не выплачивали кредиты, откладывали сбережения;
- выплачивали кредиты, откладывали сбережения.

Таблица 1 – Совместное распределение различных типов финансового поведения домохозяйств в двух периодах

2013 \ 2015	нет кредитов, нет сбережений	есть кредиты, нет сбережений	нет кредитов, есть сбережения	есть кредиты, есть сбережения
нет кредитов, нет сбережений	2263	379	343	42
есть кредиты, нет сбережений	554	988	84	99
нет кредитов, есть сбережения	555	87	293	37
есть кредиты, есть сбережения	83	149	29	59

Следует отметить заметное снижение финансовой активности домохозяйств. В 2013 г. 50,1 % домохозяйств не имели кредитов и не откладывали сбережения, в 2015 г. доля этой группы выросла на 7 %. Резко снизилась кредитная активность, в несколько меньшей степени – сберегательная. Таким образом, можно согласиться с тем, что одной из стратегий поддержания уровня и качества жизни в кризисный период является снижение финансовой активности: домохозяйства отказываются от кредитов, перестают сберегать и начинают расходовать сбережения. Однако эти процессы имеют различную интенсивность в зависимости от места проживания, демографической структуры домохозяйства, числа работающих членов домохозяйства и пенсионеров. Кроме того, к стратегиям максимизации функции благосостояния путем смены типов финансового поведения следует

отнести факт смены типа активности по сравнению с 2013 г. и наличие скрываемых доходов в двух опросах. К факторам, воздействующим на характер финансовой активности домохозяйств в период экономического кризиса, следует отнести и перемещение домохозяйств на шкале относительных доходов.

Данные таблицы 2 представляют дескриптивные статистики по переменным, представленным в анализе. Основная часть домохозяйств не проявляет финансовой активности: у них нет кредитов, они не откладывают сбережений. Но за прошедший период более 20 % из них сменили стратегии финансового поведения, в основном это, как видно из таблицы 1, выразилось в спаде финансовой активности. Обращает внимание на себя высокая доля скрытых доходов домохозяйств, а также тех, чьи доходы относительно снизились за указанный период.

Таблица 2 – Дескриптивные статистики

Наименование переменной	число д/х	% д/х
Типы финансовой активности в 2015 г.		
Нет кредитов, нет сбережений	3455	57,2
Есть кредиты, нет сбережений	1603	26,5
Нет кредитов, есть сбережения	749	12,4
Есть сбережения, есть кредиты	237	3,9
Социально-демографический тип домохозяйства в 2015 г.		
Одиночка до 30 лет	58	1,0
Одиночка до 30 лет и старше	1186	19,6
Супружеская пара без детей (мать младше 40 лет)	154	2,5
Супружеская пара без детей (мать 40 лет и старше)	984	16,3
Другие семьи без детей	1290	21,3
Неполные простые семьи с детьми	198	3,3
Прочие семьи с детьми	2174	36,0
Тип поселения в 2015 г.		
Областной центр	2439	40,3
Город	2047	33,9
Село	1558	25,8
Домохозяйство с 2013 по 2015 гг. опустилось по шкале доходов	1694	28,0
В домохозяйстве были скрытые доходы в двух периодах	1254	20,8
Произошла смена финансового поведения с 2013 по 2015 гг.	2441	20,4
Число работающих членов домохозяйства в 2015 г.	2,3	73,3
Число пенсионеров в домохозяйстве в 2015 г.	0,7	51,3

Совместный учет влияния указанных признаков на финансовую активность домохозяйств можно осуществить путем оценки мультиномиальной модели множественного выбора.

В модели с неупорядоченными альтернативными вариантами предполагается, что наблюдаемое значение выбора t -м домохозяйством (индивидуумом) j -го варианта ($y_t = j$) связывается со значениями факторов, сопутствующих его выбору, эконометрическим уравнением следующего вида:

$$y_t = \eta(\alpha', z_{tj}) + \varepsilon_{tj}, \quad (1)$$

$$\varepsilon_{t1} = 1 - \eta(\alpha', z_{t1}), \varepsilon_{t2} = 2 - \eta(\alpha', z_{t2}), \dots, \varepsilon_{tJ} = J - \eta(\alpha', z_{tJ}).$$

На основании модели (1) могут быть оценены вероятности выбора t -м домохозяйством каждого из альтернативных вариантов, т. е. $P(y_t = 1), P(y_t = 2), \dots, P(y_t = J)$. Для этого должны быть известны: 1) функция $\eta(\alpha', z_{tj})$; 2) закон распределения ошибок ε_{tj} .

Мультиномиальная логит-модель учитывает, что на выбор домохозяйства t влияют только его характеристики. Для этого типа регрессии имеет значение, относятся ли независимые переменные к шкале наименований или к порядковой шкале. Предположим, что значения зависимой переменной y_t и независимых факторов w_t связаны следующим образом:

$$y_t = \alpha'_m w_t + \varepsilon_{ti}, \quad (2)$$

где y_t – наблюдаемые значения зависимой переменной (т. е. 1, 2, ..., M);

$$\ln \frac{P(Y_i = m)}{P(Y_i = 1)} = a_m + \sum_{k=1}^k \beta_{mk} X_{ik} = Z_{mi}. \quad (3)$$

При $m = 1, Z_{1i} = 0$.

Тогда вероятность выбора t -м домохозяйством варианта $m, m = 1, 2, \dots, M-1$ определяется согласно следующим формулам:

$$P(Y_i = m) = \frac{\exp(Z_{mi})}{1 + \sum_{h=2}^M \exp(Z_{hi})}, \quad (4)$$

где η – функция, отражающая характер влияния факторов на выбор t -м домохозяйством j -го варианта;

ε_{tj} – ошибка модели;

α' – вектор параметров модели;

z_{tj} – вектор независимых переменных – значений факторов, влияющих на выбор t -го домохозяйства, которые могут характеризовать само домохозяйство, альтернативный вариант либо и то и другое одновременно.

Ошибки ε_{tj} ($t = 1, 2, \dots, T$) модели (1) определяются как:

w_t – вектор факторов, содержащий характеристики домохозяйства t ;

α'_m – вектор параметров, характеризующих влияние факторов w_t на выбор конкретного варианта m ;

ε_{tm} – ошибка модели.

Пусть зависимая переменная включает M категорий. Одна из этих категорий (как правило, первая, последняя или категория с самой высокой частотой) определяются как опорная (эталонная, справочная). Вероятность отнесения респондентов к другим категориям оценивается по сравнению с вероятностью отнесения к опорной.

Для зависимой переменной с M категориями это требует вычисления $M-1$ уравнений. Тогда если первая категория – опорная, то для $m = 2, \dots, M$:

$$P(Y_i = 1) = \frac{1}{1 + \sum_{h=2}^M \exp(Z_{hi})}. \quad (5)$$

Из выражения (5) следует, что логарифм отношения вероятностей выбора варианта m и первого варианта равен

$$\ln \left[\frac{P_{tm}}{P_{t0}} \right] = \alpha'_m \cdot w_t, \quad (6)$$

а логарифм отношения вероятностей выбора m -го и k -го вариантов –

$$\ln \left[\frac{P_{tm}}{P_{tk}} \right] = w'_t \cdot (\alpha_m - \alpha_k). \quad (7)$$

В качестве зависимой переменной в оцениваемой модели была взята переменная финансовой активности в 2015 г.

Независимыми переменными выступили переменные, представленные в таблице 1. Результаты оценивания представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Мультиномиальная модель типов финансовой активности в 2015 г.

Переменные	Есть кредиты, нет сбережений	Нет кредитов, есть сбережения	Есть кредиты, есть сбережения
Тип поселения			
Областной центр	–	–	–
Город	0,797**	1,463***	1,045
Село	0,957	1,160	0,940
Социально-демографический тип домохозяйства			
Одиночка до 30 лет	–	–	–
Одиночка до 30 лет и старше	0,622	1,254	0,313
Супружеская пара без детей (мать младше 40 лет)	2,104*	0,934	0,815
Супружеская пара без детей (мать 40 лет и старше)	1,644	1,142	0,564
Другие семьи без детей	1,330	0,762	0,362
Неполные простые семьи с детьми	1,524	0,500	0,590
Прочие семьи с детьми	2,357**	0,726	0,680
Домохозяйство переместилось на шкале доходов вниз	1,311***	0,700***	0,874
Произошла смена финансового поведения	1,057	3,057***	5,127***
Число работающих членов домохозяйства	1,621***	1,068	2,100***
Число пенсионеров	0,684***	1,412***	0,875
В домохозяйстве есть скрытые доходы	2,087***	1,540***	2,380***
Свободный член	0,095***	0,071***	0,008***
Pseudo R ²	0,118		
Число домохозяйства	6044		

Стандартные ошибки в скобках, * – 10 % уровень значимости, ** – 5 % уровень значимости, *** – 1 % уровень значимости.

Содержание таблицы результатов моделирования выглядит следующим образом. Для не дублирующих категорий она содержит значения относительного риска и в скобках стандартные ошибки. В качестве эталонной категории отклика принята переменная «домохозяйство не выплачивает кредиты,

не имеет сбережений». Независимые переменные, представленные в дихотомической форме, имеют две категории, одна из которых рассматривается как эталонная, ее коэффициенты принимаются равными 0. Те, кто выплачивает кредиты, по сравнению с теми, у кого их нет, относительно меньше представ-

лены в областных центрах. Вероятность того, что среди выплачивающих кредиты будут домохозяйства из категории «прочие семьи с детьми», в 2,23 выше, чем среди тех, кто присутствует в эталонной группе. Каждый дополнительный работающий член домохозяйства увеличивает шансы на наличие кредита в этих домохозяйствах в 1,62, а вероятность присутствия пенсионера в этой группе составляет лишь 0,68 по сравнению с эталонной. Если домохозяйство переместилось с 2013 по 2015 г. по шкале относительных доходов на более низкую позицию, то вероятность, что у него есть кредит, в 1,32 выше по сравнению с теми, у кого его нет. Однако сигнал о том, что в домохозяйстве и в 2013 г., и в 2015 г. расходы превышали доходы, увеличивает вероятность наличия кредита в два раза!

Следующая анализируемая группа – домохозяйства, откладывающие сбережения. Они в значительной степени сосредоточены в областных центрах, независимо от их социально-демографического состава. Вероятность того, что они переместятся вниз по шкале доходов, существенно ниже по сравнению с теми, у кого нет сбережений. Вероятность того, что они сменили стратегию финансового поведения в течение анализируемого периода, в три раза выше по сравнению с теми, кто не выплачивал кредиты и откладывал сбережения. Шансы присутствия в этой группе домохозяйств работающих ниже, чем эталонной группе, а пенсионеров – выше. Вероятность иметь скрываемые источники доходов в этой группе также выше в 1,5 раза.

Заключительная и наименьшая по численности группа домохозяйств – это те, кто и в кризисный период выплачивает кредиты и откладывает сбережения. Отличительной чертой этой группы является то, что вероятность смены финансовой активности в ней в пять раз выше, чем в эталонной. Это – домохозяйства с

преобладанием работающих членов и присутствием скрытых доходов.

В представленном исследовании рассмотрено воздействие макроэкономического шока на уровень благосостояния и российских домохозяйств и их адаптация к снижению уровня доходов путем смены финансовых стратегий. Под макроэкономическим шоком в данном контексте понимается одномоментное снижение уровня доходов населения, отражаемое отрицательными значениями прироста реальных доходов в макроэкономической статистике.

Анализ показателей макроэкономической статистики с 1991 г. позволяет утверждать, что российское общество испытало такие шоки в 1991, 1995, 1998 и 2014 г. Мировой финансовый кризис 2008 г. не оказал шокового воздействия на доходы российских домохозяйств.

Анализ изменения показателя располагаемых ресурсов для одних и тех же домохозяйств до наступления кризиса и после (в 2013 и 2015 г.) выявил, что падение этого показателя оказалось ниже зафиксированных официальными индикаторами, что можно объяснить тем, что домохозяйства в кризисный период для сохранения уровня благосостояния начинают активно прибегать к трате накопленных сбережений, снижают активность на рынке заимствований. Наличие скрытых источников доходов у домохозяйств позволяет им и при снижении официально декларируемых доходов выплачивать кредиты и откладывать сбережения. В наиболее сложном положении оказываются домохозяйства с детьми, имеющие долговременные обязательства по выплате кредитов. Следует заметить, что обращение к кредиту происходит, в основном, когда домохозяйство не обладает ресурсами, достаточными для покупки за наличные средства. Поэтому при возникновении шокового воздействия эти домохозяйства не имеют дополнительных ресурсов для поддержания уровня и

качества жизни на прежнем уровне и чаще, чем другие, теряют позиции в распределении доходов.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-02-00411 «Развитие методологии оценки финансовой безопасности России на основе исследования воздействия макроэкономических шоков на динамику сбережений и операций населения на кредитном и валютном рынках».

Библиографический список

1. Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2017 гг. – на товары и услуги [Электронный ресурс] – Режим доступа : gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm.

2. Оборот розничной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/enterprise/retail.

3. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : gks.ru/bgd/regl/b15_11/lssWWW.exe/Std/d01...01.htm.

4. *Короткевич, В. И.* История современной России. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.

5. *Бююль, А., Цефель, П.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. – СПб. : ДиасофтЮП, 2002.

6. *Boroogh Vani, K.* Logit and Probit: Ordered and Multinomial Models (Quantitative Applications in Social Sciences). – SAGE Publications, Inc., 2001.

7. *Локшин, М. М., Абанокова, К. Р.* Укрупнение размера как механизм адаптации домохозяйств к кризису // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 1 (18). – С. 80–101.

8. *Абанокова, К. Р.* Адаптационное поведение домохозяйств в условиях

макроэкономических шоков // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. – М. : Изд. дом НИУ ВШЭ. – 2014. – С. 6.

Bibliographic list

1. Consumer price indices for Russian Federation in 1991–2101 for goods and services [Electronic resource]. – Mode of access : gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm.

2. Turnover of retail trade [Electronic resource]. – Mode of access : gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail.

3. Basic socio-economic indicators of living standards [Electronic resource]. – Mode of access : gks.ru/bgd/regl/b15_11/lssWWW.exe/Std/d01...01.htm.

4. *Korotkevich, V. I.* History of modern Russia. – SPb. : Publishing house of S.-Petersburg University, 2004.

5. *Buyul, A., Cefel, P.* SPSS: art of information processing. Analysis of statistical data and restoration of hidden patterns. – SPb. : Diasoft, 2002.

6. *Boroogh Vani, K.* Logit and Probit: Ordered and Multinomial Models (Quantitative Applications in Social Sciences). – SAGE Publications, Inc., 2001.

7. *Lokshin, M. M., Abanokova, K. R.* Enlargement as a mechanism for adapting households to crisis // Economic Journal of Higher School of Economics. – 2014. – № 1 (18). – P. 80–101.

8. *Abanokova, K. R.* Adaptation behavior of households in conditions of macroeconomic shocks // XIV April international scientific conference on problems of economic development and society : in 4 books. Book 2 / ed. by E. G. Yasin. – M. : Publishing House of Higher School of Economics. – 2014. – P. 6.

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВАЖНЕЙШИХ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: АНАЛИЗ И ОЦЕНИВАНИЕ

Аннотация

Отражены прикладные аспекты современного инструментария статистического анализа и оценивания структурно-динамических изменений важнейших сфер экономической деятельности с учетом пространственной компоненты в рамках системно-эволюционного и системно-функционального подходов. Показана взаимосвязь между экономическими индикаторами экономического положения территориальных образований и индикаторами, характеризующими социально-трудовую сферу деятельности с точки зрения их влияния на эффективность функционирования региональной экономики и повышение качества жизни населения.

Ключевые слова

Статистика, информация, анализ, оценивание, метод, структура, динамика.

JEL: R11, C10

Polyakova I. A.

STRUCTURAL AND DYNAMIC DIFFERENCES IN THE MOST IMPORTANT AREAS OF REGION: ANALYSIS AND EVALUATION

Annotation

Applied aspects of modern tools of statistical analysis and the assessment of structural-dynamic changes of the most important spheres of economic activities, taking into account spatial components within the system-evolutionary and systemic-functional approaches are reflected. It is shows the relationship between the economic indicators of the economic situation of territorial entities and indicators that characterize the socio – labor sphere of activity, from the point of view of their influence on efficiency of functioning of regional economy and improving the quality of life of the population.

Keywords

Statistics, information, analysis, estimation, method, structure, dynamics.

Реализация стратегических направлений общественного развития России обуславливает необходимость решения задачи выявления полноты и качества информационного обеспечения взаимосвязи между важнейшими сферами деятельности и показателями уровня жизни населения.

Для проведения исследования отобраны наиболее представительные и относительно независимые показатели, поз-

воляющие объективно оценить реальную ситуацию на региональном уровне. В таблице 1 для осуществления расчетно-аналитических действий представлены основные социально-экономические показатели Ростовской области. Из данных таблицы 1 видно, что большинство показателей отражают тенденцию к росту. Однако отмечено некоторое замедление положительной динамики индекса физического объема ВРП в 2012–2013 гг.,

уровня занятости в 2013 г., реальной начисленной заработной платы в 2010–2011 гг. и значительное снижение данного показателя в 2014 г. Помимо отмеченного выше, по показателю «среднедуше-

вые денежные доходы населения» регион в 2015 г. занял 35-е место среди субъектов Российской Федерации, а по показателю «потребительские расходы в среднем на душу населения» – 25-е место [9].

Таблица 1 – Динамика основных социально-экономических показателей Ростовской области [8]

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.*	60 575,0	154 127,9	179 470,3	198 129,2	215 923,2	235 695,9
Индекс физического объема ВРП, в % к предыдущему периоду	106,9	106,4	106,8	102,5	102,9	103,2
Уровень занятости, %	57,3	59,2	60,3	61,5	60,9	61,7
Реальная начисленная заработная плата работников организаций, в % к предыдущему периоду	107,6	102,4	102,5	107,4	106,5	100,6
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. / мес.	6360,0	14647,0	16010,0	18107,0	20995,0	23355,0
Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб. / мес.	4821,0	11 685,0	13603,0	15 619,0	17 343,0	19 194,0
Индекс потребительских цен, в % к предыдущему периоду	112,9	109,4	106,1	106,7	106,6	111,8

* На момент написания статьи в статистическом ежегоднике «Ростовская область в цифрах 2015» не опубликованы данные по ВРП за 2015 г., все показатели и производимые расчеты осуществлены по 2014 г. включительно.

В целях углубления аналитической составляющей рассчитаны цепные и базисные темпы роста показателей, с учетом и без учета инфляционной компоненты, которая была исключена из значения ряда показателей: «среднедушевые денежные доходы населения» и «потребительские расходы в среднем на душу населения» путем деления соответствующего цепного темпа роста на индекс потребительских цен [1].

Цепные темпы роста показателей социально-экономического развития Ростовской области без учета индекса цен представлены на рисунке 1. Приведенные данные отражают наличие значительного увеличения денежных доходов и потребительских расходов в среднем на душу населения региона в 2010 г. относительно 2005 г., обуслов-

ленного тем, что эти показатели представлены в номинальном выражении и первый интервал сравнения составляет 5 лет (2005–2010 гг.). В целом все показатели имеют плавную динамику, при этом отмечается наличие ряда тенденций: с 2012 г. темпы роста среднедушевых денежных доходов населения региона опережают темпы роста потребительских расходов в среднем на душу населения; темпы роста реальной заработной платы опережают темпы роста уровня занятости за весь период и индекса физического объема ВРП – с 2012 по 2014 гг.; среди показателей региона наименьшими являются темпы роста уровня занятости.

На рисунке 2 рассмотрены цепные темпы роста исследуемых показателей с учетом индекса потребительских цен.

Рисунок 1 – Динамика важнейших социально-экономических показателей региона без учета инфляционной составляющей, % к предыдущему периоду*

* Составлен на основе данных из [8].

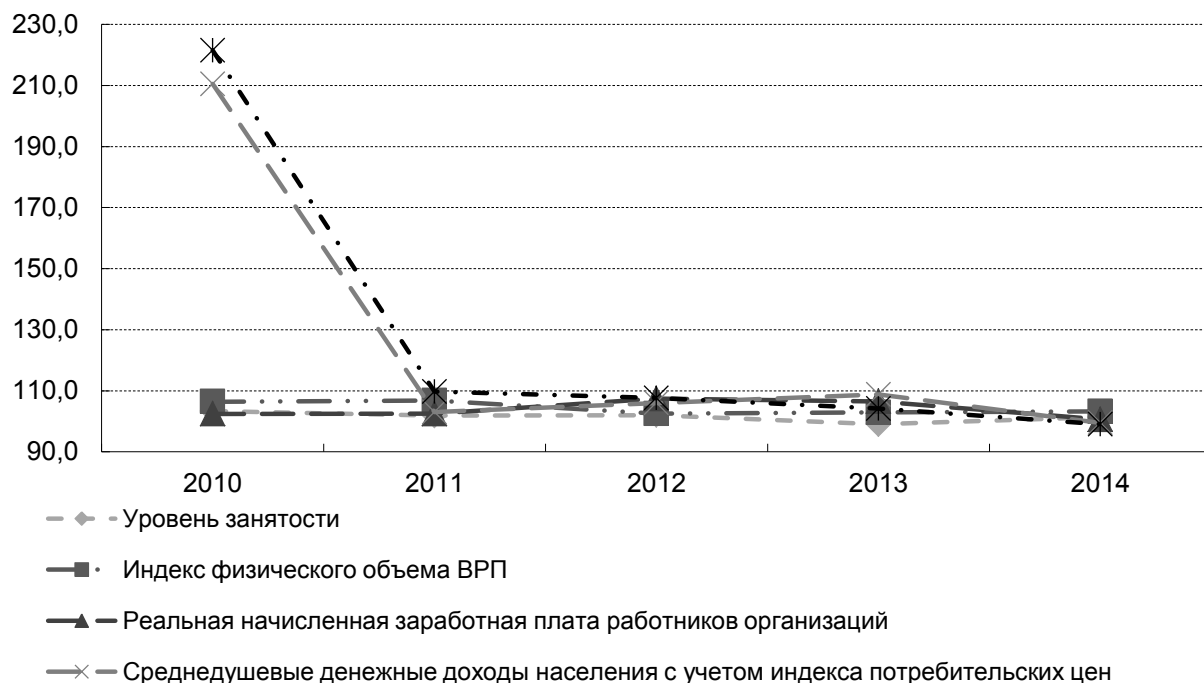

Рисунок 2 – Динамика важнейших социально-экономических показателей региона с учетом инфляционной составляющей, в % к предыдущему периоду*

* Составлен на основе данных из [8].

Из данных рисунка 2 видно, что имеет место некоторое замедление динамики показателей, из которых была исключена инфляция, однако большинство тенденций развития основных индикаторов Ростовской области сохранились. Тем не менее в 2014 г. цепные темпы роста с учетом индекса потребительских цен отразили снижение среднедушевых денежных доходов населения региона на 0,5 %, а потребительских расходов в среднем на душу населения – на 1,0 %.

Данное положение отражает новые макроэкономические условия: снижение цен на нефтяных рынках, колебания валютных курсов, последствия санкционного режима [11]. Далее осуществлен расчет базисных темпов роста показателей без учета индекса цен (рис. 3). Можно сделать вывод, что инфляция оказывает значительное влияние на динамику денежных доходов и потребительских расходов в среднем на душу населения региона: их базисные темпы роста примерно в два раза опережают темпы роста остальных показателей.

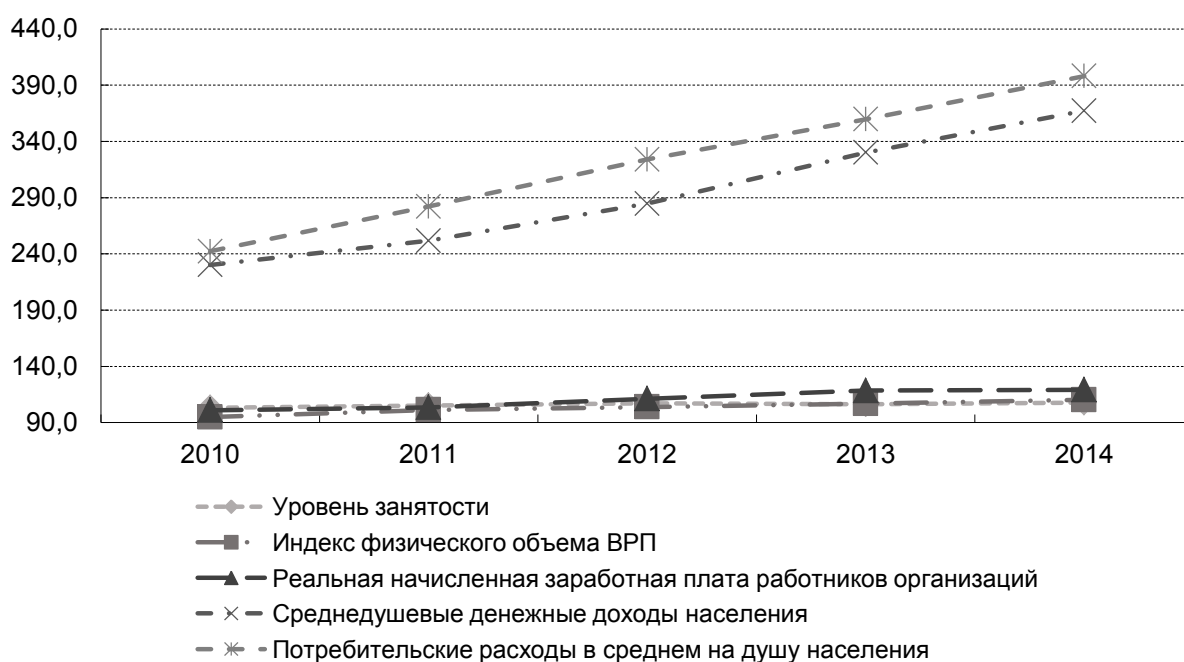

Рисунок 3 – Динамика важнейших социально-экономических показателей региона без учета инфляционной составляющей, в % к 2005 г.*

* Составлен на основе данных из [8].

Базисные темпы роста уровня занятости населения Ростовской области вплоть до 2013 г. опережали темпы роста индекса физического объема ВРП, и до 2012 г. – темпы роста реальной заработной платы. Следовательно, имела место интенсификация трудового потенциала региона. Следовательно, новые экономические условия, начиная с 2013–2014 гг., между экономической и трудовой сферами региона обусловили

наличие структурного дисбаланса [4]. Таким образом, можно сделать вывод: заработная плата – своеобразный индикатор, отражающий внутренние проблемы социальной сферы, связанные с обеспечением приемлемых значений показателей уровня жизни населения, и внешние глобальные экономические характеристики, в первую очередь, поддержание устойчивости воспроизводственного цикла [5].

Базисные темпы роста исследуемых показателей с учетом индекса по-

требительских цен представлены на рисунке 4.

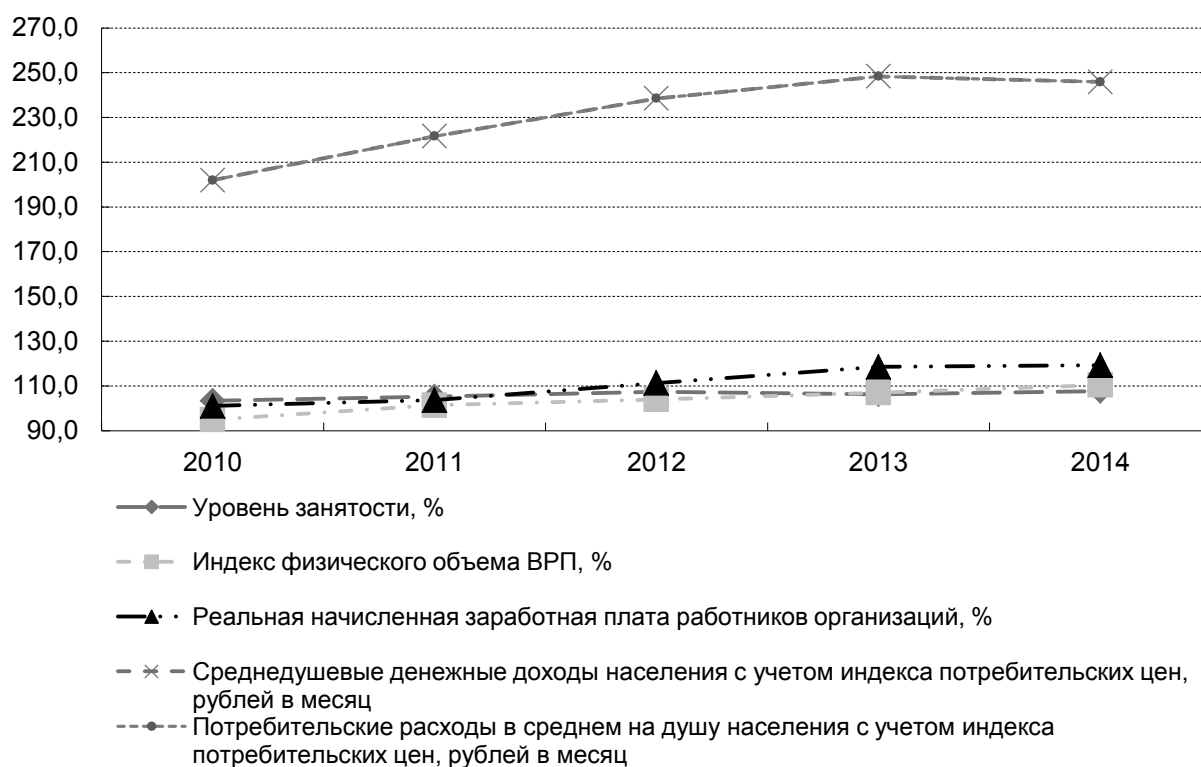

Рисунок 4 – Динамика важнейших социально-экономических показателей региона с учетом инфляционной составляющей, в % к 2005 г.

* Составлен на основе данных из [8].

Из данных рисунка 4 видно, что значения базисных темпов роста денежных доходов и потребительских расходов населения региона за 2010–2014 гг. с учетом индекса цен практически совпадали. При этом базисные темпы роста показателей в номинальном выражении отразили более интенсивную динамику потребительских расходов над денежными доходами [2].

Для экономики России чрезвычайно важен учет пространственного аспекта, учитывая наличие выраженной региональной дифференциации. Таким образом, возникает необходимость исследования структурно-динамических процессов в рамках региональных хозяйственных систем с выделением в них общих и специфических тенденций, диагностики исходного состояния и определения перспективных направлений

развития как информационной основы для практических рекомендаций по формированию устойчивого экономического роста [3]. Отметим, явления и процессы региональной экономики и социальной сферы становятся достаточно познанными лишь в том случае, когда наряду с содержательным анализом их сущности удастся дать количественное выражение свойственным им объективным закономерностям и взаимосвязям, объясняющим причины их территориальной дифференциации.

Важным направлением исследования трудового потенциала региона является оценка динамических изменений в структуре занятости по: формам собственности; видам экономической деятельности; половозрастным характеристикам; уровню образования; семейному положению и т. д.

Для количественной оценки существенности структурных различий показателей занятости населения целесообразно использовать показатели структурных сравнений [1]:

– среднее линейное отклонение удельных весов двух структур:

$$L_{\Delta(d)} = \frac{\sum_{i=1}^n |d_1 - d_2|}{n},$$

– квадратический коэффициент абсолютных структурных различий:

$$\sigma_{\Delta(d)} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_1 - d_2)^2}{n}},$$

– квадратический коэффициент относительных структурных различий:

$$\sigma_{\text{кв}(d)} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_1}{d_2} - 1 \right)^2}{n}},$$

– интегральный коэффициент структурных различий:

$$K_u = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_1 - d_2)^2}{\sum_{i=1}^n (d_1)^2 + \sum_{i=1}^n (d_2)^2}},$$

– индекс Салаи:

$$I_c = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_2 - d_1}{d_2 + d_1} \right)^2}{n}},$$

– индекс Рябцева:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_2 - d_1)^2}{\sum_{i=1}^n (d_2 + d_1)^2}}.$$

Из приведенных показателей наиболее применимыми являются интегральный коэффициент структурных различий, индексы Салаи и Рябцева, поскольку их значения располагаются в диапазоне от 0 до 1, что позволяет полу-

чить качественную оценку структурных различий. Данные показатели имеют сходные свойства: дают обобщенную оценку структурных различий, которую можно перевести в качественную, используя специальную шкалу. Различия между ними, в основном, касаются области применения: индекс Салаи используют для выявления небольших структурных различий, поскольку он чувствителен к числу градаций структуры, что необходимо учитывать при его применении.

Самым строгим критерием является индекс Рябцева, его используют для оценивания соответствия сравниваемых структур какому-либо типу явлений. Интегральный коэффициент структурных различий традиционно используется практически при любом структурном сравнении, ибо исторически он возник первым и зарекомендовал себя в анализе.

Ранее, на основе анализа соотношения темпов роста ВРП, уровня занятости и реальной начисленной заработной платы работников Ростовской области был сделан вывод о наличии структурного дисбаланса между экономической и трудовой сферами. Для подтверждения осуществлен расчет обобщающих показателей структурных сдвигов для ВДС и среднегодовой численности занятого населения по видам экономической деятельности в динамике на основе данных, представленных в таблицах 2 и 3. Анализ данных таблицы 2 показал, что в целом имеются существенные изменения в структуре ВДС региона в 2014 г. по сравнению с 2005 г., в частности за счет увеличения доли следующих видов деятельности: «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование» на 68,4 %, «Здравоохранения и предоставление социальных услуг» – на 41,7 %, «Строительство» – на 28,1 %, «Гостиницы и рестораны» – на 27,3 %, при одновременном снижении удельного веса «Финансовой деятельности» на 71,4%, «Добычи полезных ископаемых» – на 18,2 % и ряда других.

**Таблица 2 – Динамика структуры валовой добавленной стоимости
Ростовской области по видам экономической деятельности, %***

Виды экономической деятельности	2005	2014	Абс. прирост	Темп роста
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	12,8	12,2	-0,6	95,3
Рыболовство, рыбоводство	0,1	0,1	0,0	100,0
Добыча полезных ископаемых	1,1	0,9	-0,2	81,8
Обрабатывающие производства	18,6	17,1	-1,5	91,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,4	4,9	-0,5	90,7
Строительство	6,4	8,2	1,8	128,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	23,2	19,5	-3,7	84,1
Гостиницы и рестораны	1,1	1,4	0,3	127,3
Транспорт и связь	10,2	9,3	-0,9	91,2
Финансовая деятельность	0,7	0,2	-0,5	28,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,9	9,3	1,4	117,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование	3,8	6,4	2,6	168,4
Образование	3,8	4,1	0,3	107,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,6	5,1	1,5	141,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,3	1,3	0,0	100,0

* Рассчитана на основе данных [8].

**Таблица 3 – Динамика структуры занятого населения
по видам экономической деятельности Ростовской области, %**

Виды экономической деятельности	2005	2014	Абс. прирост	Темп роста
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	16,6	13,0	-3,6	78,3
Добыча полезных ископаемых	1,2	0,6	-0,6	50,0
Обрабатывающие производства	14,4	12,8	-1,6	88,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	2,7	-0,2	93,1
Строительство	6,9	8,0	1,1	115,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	19,9	23,4	3,5	117,6
Гостиницы и рестораны	1,5	1,9	0,4	126,7
Транспорт и связь	7,0	7,7	0,7	110,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,4	6,5	1,1	120,4
Образование	8,6	7,4	-1,2	86,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,4	6,3	-0,1	98,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,3	3,4	0,1	103,0
Другие виды деятельности	5,9	6,2	0,3	105,1

* Рассчитана на основе данных [8].

Структура занятого населения региона по видам экономической деятельности рассмотрена в таблице 3. Произведенные расчеты позволили выявить существенный рост удельного веса занятых в следующих видах деятельности: «Гостиницы и рестораны», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования», «Строительство», «Транспорт и связь» при одновременном существенном сни-

жении доли занятых в видах деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство», «Образование» и «Обрабатывающие производства». Следовательно, можно подтвердить ранее сделанный вывод о наличии определенной диспропорции между трудовой и экономической сферами региона за исследуемый период.

На основе приведенных выше структур рассчитаны обобщающие показатели структурных различий, что представлено в таблице 4.

Таблица 4 – Обобщающие показатели различий структур ВДС и занятого населения по видам экономической деятельности в Ростовской области за 2005–2014 гг.*

Показатели	Интегральный коэффициент структурных сдвигов	Характер изменения	Индекс Салаи	Характер изменения	Индекс Рябцева	Характер изменения
Валовая добавленная стоимость	0,106	Низкий уровень различия структур	0,096	Низкий уровень различия структур	0,076	Низкий уровень различия структур
Среднегодовая численность занятых	0,117	Низкий уровень различия структур	0,116	Низкий уровень различия структур	0,083	Низкий уровень различия структур

* Расчеты автора.

Обобщающие показатели структурных сдвигов отразили низкий уровень различия структур. Полученные значения обобщающих индикаторов показали, что для структуры занятого населения характерны более интенсивные изменения, чем для ВДС по видам экономической деятельности.

Анализ позволил выявить разнонаправленные тенденции в динамике удельных весов ВДС и занятого населения региона по видам деятельности: «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования», «Транспорт и связь», «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг».

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

– инфляция оказывает значительное влияние на динамику и структуру денежных доходов и потребительских расходов населения в регионе;

– значения базисных темпов роста денежных доходов и потребительских расходов в регионе с учетом индекса цен практически совпадали, при этом расчет базисных темпов роста данных показателей в номинальном выражении отразил более интенсивную динамику потребительских расходов по сравнению с денежными доходами;

– в 2014 г. цепные темпы роста с учетом индекса потребительских цен отразили снижение среднедушевых де-

нежных доходов населения на 0,5 %, а потребительских расходов в среднем на душу населения – на 1,0 %;

– цепные темпы роста реальной заработной платы опережают темпы роста уровня занятости за весь период исследования, а по индексу физического объема ВРП – с 2012 по 2014 гг.;

– базисные темпы роста уровня занятости населения региона вплоть до 2013 г. опережали темпы роста индекса физического объема ВРП, и до 2012 г. – темпы роста реальной заработной платы;

– начиная с 2013–2014 гг. сложился структурный дисбаланс между экономической и трудовой сферами региона;

– обобщающие показатели структурных сдвигов отразили низкий уровень различия структур. Однако все обобщающие индикаторы показали, что для структуры занятого населения по видам экономической деятельности характерны немного более интенсивные изменения, чем для структуры ВДС.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что поступательное экономическое развитие во многом обусловлено состоянием качественных параметров исследуемых видов деятельности.

Библиографический список

1. *Зарова, Е. В., Рябцев, В. М.* Региональная статистика. – М. : Финансы и статистика, 2006.

2. *Ниворожкина, Л. И.* Качественные параметры труда в государственном и частном секторах экономики // Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения города. Проект Таганрог – 3. Моногр. – М. : ИЭСПН РАН, 1991.

3. *Полякова, И. А., Бондаренко, Г. А., Иващенко, Ю. И.* Обобщение и развитие теоретических подходов к статистическому исследованию категориального аппарата трудовой и научно-инновационной сфер // Учет и статистика. – 2013. – № 4. – С. 68–78.

4. *Полякова, И. А., Полякова, Е. М., Бондаренко, Г. А., Иващенко, Ю. И.* Структурные различия и рейтинговая оценка важнейших сфер региона: современные методы статистического исследования : моногр. – Ростов н/Д : ИПК РГЭУ (РИНХ), 2016.

5. *Полякова, Е. М., Полякова, И. А.* Мониторинг информационного обеспечения приоритетных сфер развития региона: обоснование и разработка // Академический вестник. – 2016. – № 2. – С. 95–102.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М. : Росстат, 2016.

7. Социально-экономическое положение ЮФО : стат. сб. – Ростов н/Д : Ростовстат, 2015.

8. Ростовская область в цифрах 2015 : стат. сб. – Ростов н/Д : Ростовстат, 2016.

9. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru.

10. Территориальный органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.rostov.gks.ru.

11. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://economy.gov.ru>.

Bibliographic list

1. *Zarova, E. V., Ryabtsev, V. M.* Regional statistics. – M. : Finances and statistics, 2006.

2. *Nivorozhkina, L. I.* Qualitative parameters of labor in public and private sectors of economy // Socio-economic studies of well-being and standard of living of population. Project Taganrog – 3. Monograph. – M. : ESPN Russian Academy of Sciences, 1991.

3. Polyakova, I. A., Bondarenko, G. A., Ivashchenko, Yu. I. Synthesis and development of theoretical approaches to statistical study of categorical apparatus of labor and scientific-innovative spheres // Accounting and statistics. – 2013. – № 4. – P. 68–78.

4. Polyakova, I. A., Polyakova, E. M., Bondarenko, G. A., Ivashchenko, Yu. I. Structural differences and rating of most important spheres of region: modern methods of statistical research : monograph. – Rostov-on-Don : EPC of RSUE (RINH), 2016.

5. Polyakova, E. M., Polyakova, I. A. Monitoring of information support of priority areas of development of region: assessment and development // Academic Bulletin. – 2016. – № 2. – P. 95–102.

6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. – M. : Rosstat, 2016.

7. Socio-economic situation in YUFO : stat. comp. – Rostov-on-Don : Rostovstat, 2015.

8. Statistical Yearbook «Rostov region in figures 2015» : stat. comp. – Rostov-on-Don : Rostovstat, 2016.

9. Federal service of state statistics of Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access: www.gks.ru.

10. Territorial authority of Federal service of state statistics in Rostov region [Electronic resource]. – Mode of access : www.rostov.gks.ru.

11. Ministry of economic development of Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access : <http://economy.gov.ru>.

УДК 331.5 (470.345)

Черняков М. К., Чернякова М. М.

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Целью анализа являлось исследование взаимосвязи параметров рынка Новосибирской области с уровнем инвестиционной привлекательности. Применены методы группировки, корреляционно-регрессионного анализа, абсолютных и относительных величин, комплексной сравнительной рейтинговой оценки и трендовый анализ. Установлено, что комплексная рейтинговая оценка эффективности управления занятостью субъектов коррелирует с оценкой кредитных рейтингов агентства Standard&Poor's, что определяет инвестиционную привлекательность регионов.

Ключевые слова

Статистика, анализ, рынок труда, инвестиционная привлекательность, регион.

JEL: C10, J01

Chernyakov M. K., Chernyakova M. M.

ECONOMIC AND STATISTICAL ANALYSIS OF LABOUR MARKET OF NOVOSIBIRSK REGION

Annotation

Purpose of statistic-economic analysis was research of interrelation of parameters of labor market with investment appeal. In course of research methods of group, correlation and regression analysis, absolute and relative sizes, complex comparative rating assessment, and

the trend analysis are used. It were established that complex rating efficiency evaluation of management of employment of subjects well correlates with assessment of credit ratings the Standard&Poor's agency that determines investment appeal of regions.

Keywords

Statistics, analysis, labor market, investment appeal, region.

Важнейшей характеристикой уровня жизни населения является состояние рынка труда как индикатора развития экономики и эффективности проводимой политики. «Рынок труда аккумулирует максимальное количество эффектов, связанных с локальным рынком продукции (увеличение занятости, изменение требований к качеству и профессиональному уровню занятых, рост производительности труда и пр.)» [1]. Учитывая возможности современной информационной базы, проведение статистического анализа такого сложного объекта, как рынок труда, должно основываться на системе статистических показателей, которые всесторонне отражают складывающиеся процессы и явления.

«Показатели уровня занятости и безработицы, средней заработной платы и другие являются важными макроэкономическими показателями, характеризующими состояние и развитие экономики. Информация о рынке труда крайне необходима основным социальным партнерам рынка труда – организа-

циям предпринимателей и трудящихся. Она широко применяется при анализе уровня жизни населения и конкурентоспособности отраслей экономики» [2]. Поэтому экономическая и социальная политика государства формируется на основании информации о рынке труда.

Концептуальные положения занятости включают ряд принципов: взаимозаменяемость факторов производства; инвестиционная привлекательность стран и регионов; ориентация субъекта на реальную заработную плату; рациональное поведение экономических субъектов; совершенная конкуренция на рынке труда; текущие тенденции и перспективы роста экономики [3–6].

Для получения значения позиции рынка труда Новосибирской области (НСО) определено место региона в Российской Федерации (РФ) и в Сибирском федеральном округе (СФО) [7, с. 8]. Как видно из таблицы 1, доля региона в РФ составляет 2 %, а в СФО – шестую часть из 12 субъектов, что свидетельствует о высоком потенциале региона на рынке труда разных территориальных уровней.

Таблица 1 – Удельный вес Новосибирской области в численности РФ и Сибирского федерального округа на 1 января 2016 г., тыс. чел. [13]

Показатель	РФ	СФО	НСО	Доля НСО в экономике, %	
				РФ	СФО
Численность населения	143 666,9	19292,7	2762,2	1,9	14,2
Среднегодовая численность занятых в экономике	67 968,3	9085,6	1348,7	2,0	14,8

Численность трудовых ресурсов НСО по результатам исследования населения по проблемам занятости за 2015 г. составила 1753,5 тыс. человек,

из них 90,2 % – это трудоспособное население в трудоспособном возрасте (рис. 1). В Новосибирской области представлен самый высокий в СФО

уровень занятости и самый низкий уровень общей безработицы. На рисунке 2 отражена структура трудовых ресурсов региона в 2015 г. Состав трудовых ресурсов региона показывает стабильный рост численности занятых в экономике, за исключением кризисного 2009 г. (рис. 3). Системы эффективного управления трудовыми ресурсами в регионах должны не только оперативно разре-

шать возникающие проблемы, но и оказывать влияние как на микроэкономические, так и на макроэкономические показатели с целью сохранения и создания рабочих мест, а также формирования структуры занятости [8, 9]. Уровень безработицы, численность безработного и экономически активного населения в НСО представлены на рисунке 4.

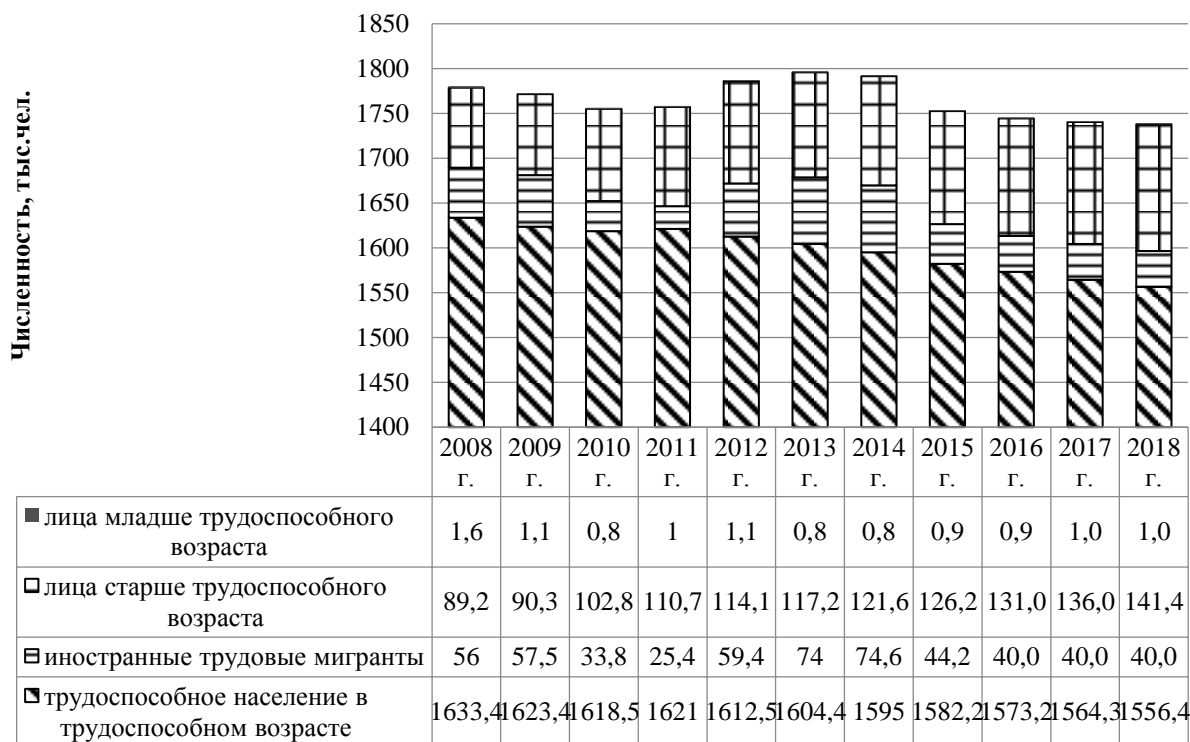

Рисунок 1 – Динамика численности трудовых ресурсов Новосибирской области за 2008–2015 гг. и прогноз на 2016–2018 гг.

Рисунок 2 – Структура трудовых ресурсов региона в 2015 г.

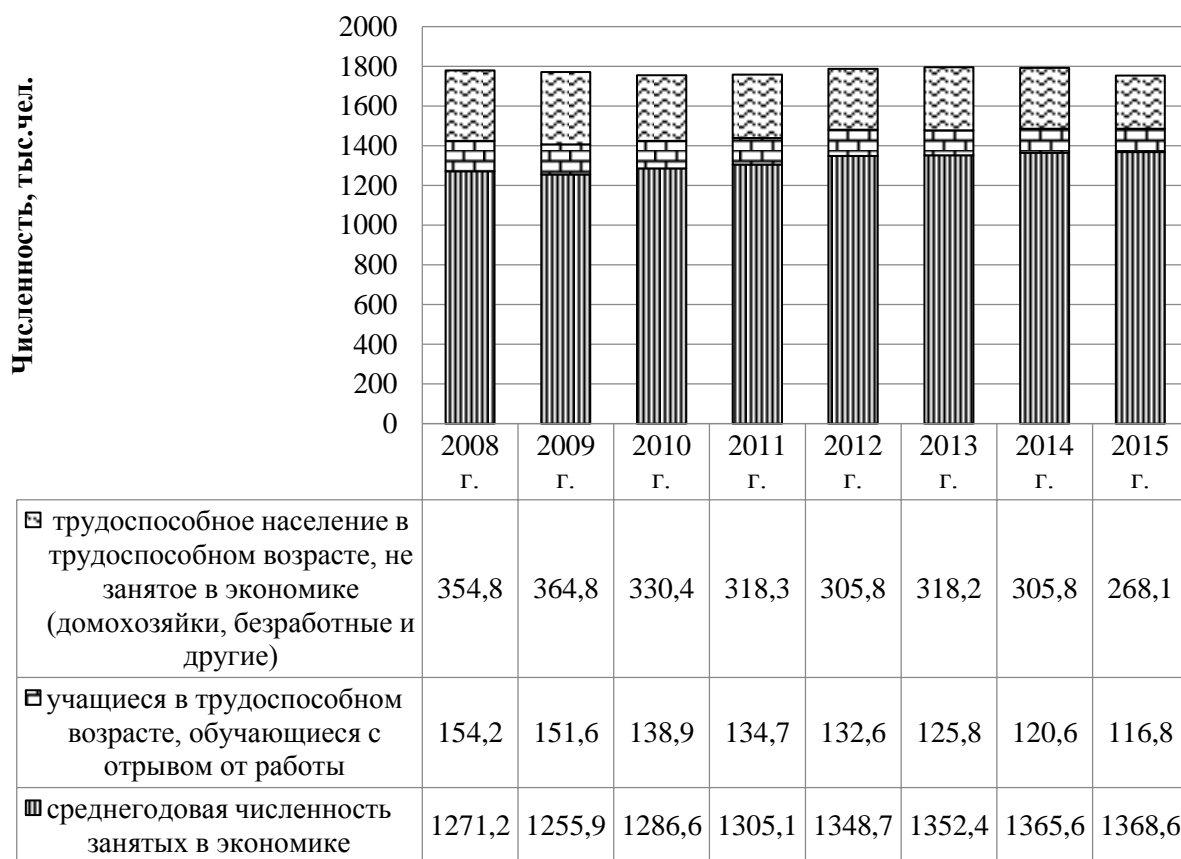

Рисунок 3 – Состав трудовых ресурсов региона в 2008–2015 гг.

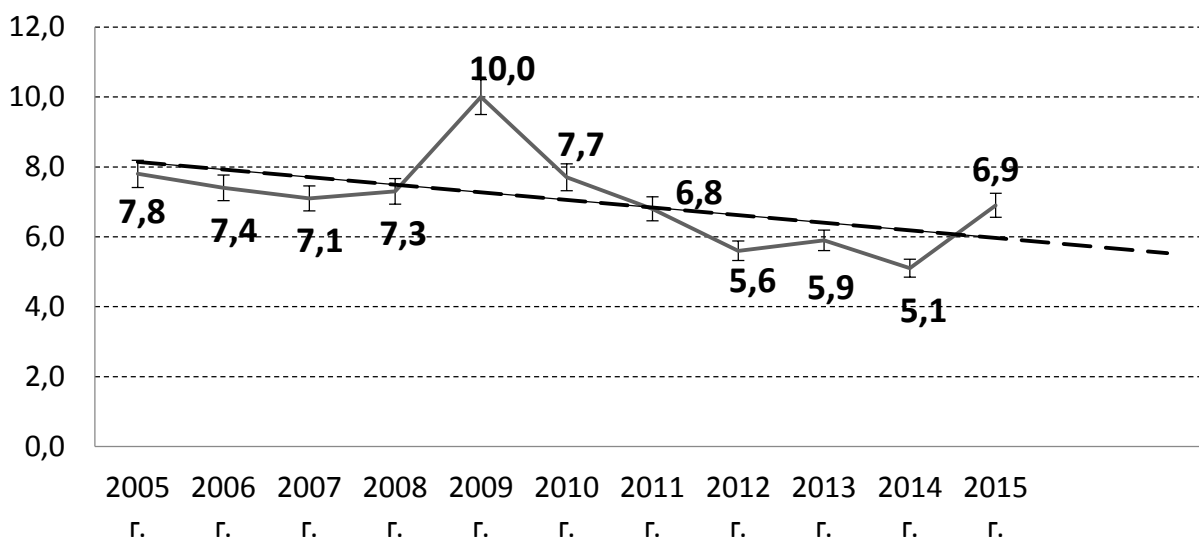

Рисунок 4 – Динамика уровня безработицы региона (в % к численности экономически активного населения)

Как видно из рисунка 4, численность безработных первоначально резко возрастает до 10 % и достигает своего максимума в 2009 г., что обусловлено экономическим кризисом 2008 г. Далее

уровень безработицы снижается и к настоящему времени достиг 6 ± 1 %. Рассчитанный по статистической методологии уровень безработицы приведен на рисунке 4. В анализ попали индиви-

ды, которые зарегистрированы как безработные в центре занятости населения. Можно предположить, что фактический уровень безработицы в Новосибирской области значительно выше. Снижение уровня безработицы в 2009–2015 гг. свидетельствует о переходе системы управления занятостью региона после экономического спада в стабильное состояние.

Важное место в системе комплексного анализа занятостью на рынке труда занимает оценка управленческой деятельности, представляющая собой обобщенный результат принятия решений на основе как количественного, так и качественного анализа управленческих процессов в социально-трудовой сфере. Для определения степени эффективности управления занятостью регионов предлагается применение методики комплексной сравнительной рейтинговой оценки [4]. Основными составляющими методики комплексной рейтинговой оценки являются: поиск, сбор, структурирование и анализ исходной информации о занятости населения; обоснованный подбор параметров, их ранжирование и расчет рейтинговой оценки; структурирование субъектов федерации по результатам рейтинга. В качестве исходной информации использованы дан-

ные статистических ежегодников территориальных органов Федеральной службы государственной статистики (ФСГС). Предложено применять абсолютные (экономически активное население, тыс. чел.) и относительные показатели (уровни экономически активного населения, занятости и безработицы). Для приведения показателей к единой системе измерения авторы предлагают оценивать их в виде балльной системы оценки. Рейтинговую оценку региона рассчитывать в виде суммы баллов по выбранным выше критериям и далее ранжировать полученные результаты.

Результат апробации предложенной методики приведен в таблице 2. Произведенные расчеты показали, что наиболее эффективной в данный период СФО является система управления занятостью населения в НСО. Несмотря на тенденцию снижения численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте (в среднем менее 0,3 % в год), в течение последних пяти лет наблюдается рост численности трудовых ресурсов на 0,34 % за счет увеличения иностранных мигрантов (в среднем более 23 % в год) и увеличения числа лиц старше трудоспособного возраста (в среднем почти 7 % в год).

Таблица 2 – Рейтинговая оценка эффективности управления занятостью населения СФО за II квартал 2016 г., балл (место в рейтинге)

Показатели	Экономически активное население	Уровень			Сумма баллов	Рейтинг
		экономической активности	занятости	безработицы		
<i>Новосибирская область</i>	2	2	1	1	6	1
Красноярский край	1	3	3	2	9	2
Омская область	6	1	2	4	13	3
Кемеровская область	3	4	4	3	14	4
Иркутская область	4	5	5	7	21	5
Томская область	7	6	6	8	27	6
Республика Хакасия	10	9	7	5	31	7
Алтайский край	5	11	11	6	33	8
Забайкальский край	8	7	8	10	33	9
Республика Бурятия	9	10	9	9	37	10
Республика Алтай	12	8	10	11	41	11
Республика Тыва	11	12	10	12	45	12

Помимо этого предложено сгруппировать результаты оценки на 3 кластера: стабильный, позитивный, негативный с интервалом в 16 баллов. В 1-ю группу, кроме НСО, вошли Красноярский край, Омская и Кемеровская области. Позитивный кластер включил Республику Хакасия, Иркутскую и Томскую области. Алтайский и Забайкальский края, республики Бурятия, Алтай и Тыва вошли в 3-й кластер.

Комплексная рейтинговая оценка эффективности управления занятостью субъектов коррелирует с оценкой кредитных рейтингов агентства Standard & Poor's [11], что, в определенной мере, определяет инвестиционную привлекательность регионов [4].

Положение на рынке труда г. Новосибирска отражают показатели, приведенные в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели рынка труда г. Новосибирска на 1 ноября 2016 г.

Показатель	Значение
Численность состоящих на учёте в центре занятости, чел.	7774
Численность признанных безработными, чел.	4850
в том числе, в %:	
ищут работу впервые	11
женщины	54
с высшим образованием	47
моложе 30 лет	17
Уровень регистрируемой безработицы, %	0,51
Средний период продолжительности безработицы за январь-октябрь, мес.	4,7
Коэффициент напряженности на рынке труда	0,44
Банк вакансий центра занятости, тыс. вакансий	17,6
в том числе, в %:	
для рабочих	67
для населения трудоспособного возраста, имеющих заработную плату выше уровня прожиточного минимума (в НСО он составляет 10 963 руб.)	90

Диапазон рабочих профессий и должностей служащих, которые ищут граждане, насчитывает почти тысячу наименований. Наибольшее число заявленных вакансий предоставили предприятия обрабатывающих производств, строительные организации, организации по операциям с недвижимостью, аренде и предоставлению услуг, организации торговли (оптовой и розничной), учреждения здравоохранения и предоставления социальных услуг, образовательные организации, организации транспорта и связи.

Статистический анализ позволил выявить на регистрируемом рынке труда региона наличие несоответствия структуры профессионально-квалификационных вакансий и структуры граждан, ищущих работу. При этом по большин-

ству из рабочих специальностей число вакансий в 2 и более раз превышает число граждан, ищущих работу через центр занятости населения.

Хозяйствующие субъекты города заявляют большую потребность водителей автомобиля, штукатуров, швей, электрогазосварщиков, маляров, поваров, продавцов, слесарей, пекарей, токарей, электромонтеров, официантов, машинистов экскаватора, машинистов бульдозера, фрезеровщиков, операторов станков с программным управлением, машинистов крана и др.

Имеет место потребность и в неквалифицированной рабочей силе: подсобных рабочих, грузчиков, уборщиках производственных и служебных помещений, упаковщиках, комплектовщи-

ках, санитарках (мойщицах), дворниках, уборщиках территорий, сортировщиках, мойщиках посуды, и др.

Наиболее распространенными вакансиями для служащих являются: медицинские сестры, менеджеры, охранники, полицейские, воспитатели детского сада, фельдшеры, врачи различных специализаций, инженеры и др.

В январе-октябре 2016 г. предприятиями, которые привлекают в Новосибирский регион иностранную рабочую силу, были заявлены 3810 вакансий. За 10 месяцев текущего года в рамках «Программы по оказанию добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом» [12] в г. Новосибирск прибыло 2600 участников программы и 1039 трудоспособных членов семей. Трудоустроены центром занятости населения 1798 соотечественников по должностям и специальностям, востребованным на рынке труда города (с учетом граждан, прибывших ранее).

На основании проведенного статистического анализа можно утверждать, что ситуация на рынке труда г. Новосибирска в настоящее время стабильна. В 2017–2018 и последующие годы следует ожидать увеличения численности трудовых ресурсов с учетом положительного сальдо миграции, при сохранении стабильного уровня занятости и высокой экономической активности населения.

Библиографический список

1. *Филимоненко, И. В.* Региональный рынок труда как индикатор экономического развития региона [Электронный ресурс] : моногр. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011.

2. *Аблеева, А. М.* Концепция кругооборота и особенности формирования основного капитала // Человеческий капитал. – 2011. – № 10. – С. 65–68.

3. *Федоров, В. К., Черкасов, М. Н., Луценко, А. В.* Управление трудовыми ресурсами в инновационных процессах :

моногр. / под ред. В. К. Федорова. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2014.

4. *Черняков, М. К., Чернякова, М. М.* Инвестиционная привлекательность малого предпринимательства Новосибирской области : моногр. – Новосибирск : Центросоюз РФ СибУПК, 2016.

5. *Черняков, М. К., Чернякова, М. М.* Стратегия сохранения инвестиционной привлекательности города в условиях санкций // Эффективное антикризисное управление. – 2016. – № 4. – С. 66–287.

6. *Кабашова, Е. В., Сагадеева, Э. Ф.* Математическая экономика : учеб. пособие. – Уфа, 2013. – Модуль 2. Глобальные модели экономики, 2016.

7. *Матраева, Л. В.* Методология статистического анализа инвестиционной привлекательности регионов РФ для иностранных инвесторов [Электронный ресурс] : моногр. – М. : Дашков и Ко, 2013.

8. *Васильева, Л. Ю., Валишина, Н. Р.* Статистический анализ уровня занятости населения в РФ // Тенденции и перспективы развития статистической науки и информационных технологий : сб. науч. статей. – Уфа, 2013. – С. 182–183.

9. *Набиуллина, А. В., Лубова, Т. Н.* Демографический кризис в Российской Федерации // Актуальные вопросы экономико-статистического исследования и информационных технологий : сб. науч. статей. – Уфа, 2011. – С. 319–320.

10. *Кибанов, А. Я., Дмитриева, Ю. А.* Управление трудоустройством выпускников вузов на рынке труда : моногр. – М. : ИНФРА-М, 2014.

11. Standard&Poor's [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.standardandpoors.ru>.

12. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : [Указ Президента РФ № 637 от 22.06.2006 (с изм. и доп.)] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/189653/#ixzz4QnrnYfnM>.

13. Субъекты Сибирского федерального округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.econom.nso.ru>.

Bibliographic list

1. *Filimonenko, I. V.* Regional labor market as indicator of economic development of region [Electronic resource] : monograph. – Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2011.

2. *Ableeva, A. M.* Concept of circulation and features of formation of fixed capital // Human capital. – 2011. – № 10. – P. 65–68.

3. *Fedorov, V. K., Cherkasov, M. N., Lutsenko, A. V.* Human resource management in innovation processes : monograph / ed. of V. K. Fedorov. – M. : RIOR : INFRA-M, 2014.

4. *Chernyakov, M. K., Chernyakova, M. M.* Investment attractiveness of small entrepreneurship of Novosibirsk region : monograph. – Novosibirsk : Central Union of consumer societies of Russian Federation : Sibupk, 2016.

5. *Chernyakov, M. K., Chernyakova, M. M.* Strategy of saving the investment in-percent of city in terms of sanctions // Effective crisis management. – 2016. – № 4. – P. 66–287.

6. *Kabasawa, E. V., Sagadeeva, E. F.* Mathematical Economics : textbook. – Ufa, 2013. – Module 2. Global model of economy, 2016.

7. *Mateeva, L. V.* Statistical analysis of investment attractiveness of Russian regions for foreign investors [Electronic resource] : monograph. – M. : Dashkov & Ko, 2013.

8. *Vasilieva, L. Yu., Valishina, N. R.* Statistical analysis of employment in Russia: Trends and prospects of development of statistical science and information technology : collection of scientific articles. – Ufa, 2013. – P. 182–183.

9. *Nabiullina, A. V., Lubova, T. N.* Demographic crisis in Russian Federation // Actual problems of economic and statistical research and information technology : collection of scientific articles. – Ufa, 2011. – P. 319–320.

10. *Kibanov, A. Yu., Dmitriev, Yu. A.* Control of employment of graduates in labor market : monograph. – M. : INFRA-M, 2014.

11. Standard&Poor's rating agency [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.standardandpoors.ru>.

12. About measures for rendering assistance to voluntary resettlement to Russian Federation the compatriots living behind a boundary : [Decree of President Russian Federation № 637 from 22.06.2006 (with changes and add.)] // GUARANT system [Electronic resource]. – Mode of access : <http://base.garant.ru/189653/#ixzz4QnrdYfnM>.

13. Subjects of Siberian Federal District [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.econom.nso.ru>.

Русских Т. Н., Тинякова В. И., Строев С. П.

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА: МЕТОДИКА И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация

Предлагается авторская методика мониторинга эффективности деятельности подсистем здравоохранения и обязательного медицинского страхования муниципальных образований субъекта РФ. Методика базируется на графическом анализе структуры данных с использованием метода главных компонент, построении типологий и рейтинга муниципальных образований субъекта РФ на основе нечетких кластерных процедур и процедуры дефаззификации нечетких множеств. Приводятся эмпирические результаты мониторинга эффективности деятельности подсистем здравоохранения муниципальных районов Орловской области. В качестве критериев эффективности деятельности подсистем рассматриваются показатели деятельности стационаров и амбулаторно-поликлинических учреждений области, оказывающих услуги по территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи. Полученные практические результаты исследования позволяют выявить районы-лидеры и районы-аутсайдеры по группе показателей структурной эффективности, что может способствовать выработке рекомендаций по повышению эффективности деятельности подсистем здравоохранения и обязательного медицинского страхования в разрезе муниципальных районов Орловской области.

Ключевые слова

Мониторинг, система здравоохранения, эффективность, типология, рейтинг.

JEL: C02, I13, R58

Russkikh T. N., Tinyakova V. I., Stroevev S. P.

MONITORING EFFICIENCY OF REGIONAL MEDICAL ORGANIZATIONS: METHODOLOGY AND EMPIRICAL RESULTS

Annotation

Article describes the author's original approach to monitoring the efficiency of health care and compulsory medical insurance subsystems in municipalities of an RF constituent unit. Technique is based on graphical analysis of data structure through the principal components method, building typologies and ratings of municipalities of an RF constituent unit using fuzzy clustering procedures and defuzzification of fuzzy sets. Article provides empirical results of efficiency monitoring of health care subsystems in municipal districts of Orel region, where efficiency criteria are performance indicators of regional hospitals and outpatient clinics, providing services under government-funded territorial health care programs. Practical results of this study reveal leading regions and outsider regions according to a group of criteria of structural efficiency. This may contribute to development of recommendations to improve health care and compulsory medical insurance subsystems efficiency across municipal districts of Orel region.

Keywords

Monitoring, health care system efficiency, typology, rating.

В современных условиях развития региональных систем здравоохранения и обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) важнейшей характеристикой оценки их деятельности выступает эффективность. Анализ эффективности деятельности региональных систем здравоохранения и ОМС является, в свою очередь, важнейшим компонентом стратегического управления региона. Эффективность систем здравоохранения и ОМС, как правило, рассматривается в трех аспектах: экономическая, социальная и медицинская эффективность [1–5]. Авторы в своих работах приводят различные трактовки понятия «эффективность» [2, 6], предлагают различные методики оценки эффективности деятельности региональных систем здравоохранения и ОМС [1–5, 7–11]. Несмотря на широкое освещение проблемы оценки эффективности деятельности систем здравоохранения и ОМС субъектов РФ на федеральном и региональном уровнях, в литературе редко затрагивается проблема сравнительного анализа деятельности подсистем здравоохранения муниципальных образований субъекта РФ.

Автором настоящей статьи разработана система критериев экономической, медико-социальной эффективности деятельности подсистем здравоохранения [12]. Так, показатели экономической эффективности деятельности подсистем здравоохранения и ОМС предлагается разделить на две группы: показатели финансовой и структурной эффективности, при этом структурная эффективность отражает ресурсы и деятельность медицинских организаций.

Большинство авторских методик построения типологий и рейтинга субъектов РФ по уровню эффективности деятельности систем здравоохранения и ОМС базируются на методах ранжирования и балльного оценивания. В работе [13] на примере типологии субъектов РФ практически обосновано, что наиболее

оптимальные типологии можно получить с использованием нечетких кластерных процедур. При этом следует отметить, что построение типологии представляет собой лишь предварительный этап анализа эффективности деятельности подсистем здравоохранения, а мониторинг эффективности должен базироваться на построении рейтинга.

Предлагаемая методика мониторинга эффективности деятельности подсистем здравоохранения муниципальных образований региона включает реализацию следующих этапов.

1. Формирование системы показателей эффективности деятельности региональных подсистем здравоохранения с учетом имеющейся официальной статистической информации.

2. Первичная статистическая обработка данных [14]. Формирование матрицы-признаков объектов кластеризации с введением вспомогательных объектов кластеризации с нормативными и эталонными значениями признаков.

3. Графический анализ структуры данных с использованием методов понижения размерности [15].

4. Построение типологий муниципальных образований региона на основе процедур нечеткого кластерного анализа [16–20]. Выбор оптимальной типологии [18, 20].

5. Формирование рейтинга муниципальных образований по уровню эффективности деятельности подсистем здравоохранения и ОМС.

6. Содержательный анализ построенных рейтингов и выработка рекомендаций по повышению эффективности деятельности подсистем здравоохранения и ОМС в разрезе муниципальных образований региона.

Рассмотрим эмпирические результаты применения методики мониторинга на примере группы показателей структурной эффективности – показателей деятельности медицинских организаций муниципальных районов Орловской области.

В качестве объектов кластеризации выступали 24 муниципальных района Орловской области, обозначим их R_1, R_2, \dots, R_{24} , и эталонный район R_0 , характеризующийся средними по Орловской области значениями показателей эффективности. Введение эталонного района R_0 требуется для дальнейшей содержательной интерпретации построенных типологических групп муниципальных районов.

В качестве показателей эффективности деятельности стационаров и амбулаторно-поликлинических учреждений (далее – АПУ) используются:

– уровень госпитализации на 1000 населения;

– средняя длительность пребывания больного на койке в году;

– оборот койки;

– среднегодовая занятость койки;

– больничная летальность;

– число госпитализированных больных в областной клинической больнице (далее – ОБК);

– число посещений АПУ на 1 жителя в год.

В таблице 1 приведены минимальные и максимальные значения перечисленных показателей эффективности деятельности медицинских организаций муниципальных районов Орловской области по выборочным наблюдениям 2014 г. [21], 2015 г. [22].

Таблица 1 – Статистические характеристики показателей деятельности медицинских учреждений Орловской области в 2014–2015 гг.*

Показатель	Статистические характеристики, муниципальный район			
	Минимальное значение		Максимальное значение	
	2014 г.	2015 г.	2014 год	2015 год
Уровень госпитализации на 1000 населения	49,1	40,5	202,5	195,5
	Орловский		Мценский	
Средняя длительность пребывания больного на койке в году	9	8,6	10,9	11
	Шаблыкинский	Хотынецкий	Свердловский	
Оборот койки	29,1	21,8	38,5	37,9
	Свердловский	Знаменский	Урицкий	Новосильский
Среднегодовая занятость койки	298,8	224,5	363	359
	Знаменский		Урицкий	Верховский
Больничная летальность	0	0	2,7	2,9
	Корсаковский	Сосковский	Ливенский	
Число госпитализированных больных в ОБК	22,3	20,9	88,8	102,8
	Ливенский		Сосковский	Троснянский
Число посещений АПУ	3,6	3,4	9,3	8,8
	Троснянский		Малоархангельский	

* Составлена по статистическим данным.

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать вывод о наличии высокого уровня дифференциации для отдельных показателей эффективности. Применительно к субъектам РФ высокий уровень территориальной дифференциации может быть обусловлен различной интенсивностью проявления факторов риска заболеваемости вследствие различных

природно-климатических, экологических, демографических, социально-экономических и других условий развития субъектов, для муниципальных образований региона высокая дифференциация, в первую очередь, может свидетельствовать о неэффективности принимаемых управленческих решений в сфере здравоохранения.

С целью выбора оптимальной типологии был реализован метод нечетких k -средних для числа кластеров $k = 4, 5, 6, 7, 8, 9$. В качестве функционала качества нечеткого разбиения использовалась сумма квадратов расстояний объектов до центров кластеров. Наибольшая разница между значением функционалов наблюдалась при $k = 3$. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее оптимальным является разбиение субъектов на 3 кластера. Важно отметить, что с увеличением числа кластеров уменьшаются наибольшие значения функций принадлежности $\max_{j=1,k} \mu_{K_j}(R_i)$, и затрудняется содержательная интерпретация полученных кластеров.

На основе нечеткого разбиения объектов $R_0, R_1, R_2, \dots, R_{24}$ были получены типологические группы муниципальных районов по данным 2014–2015 гг. Анализ значений статистических показателей деятельности медицинских организаций муниципальных районов Орловской области по совокупности построенных кластеров позволил сформировать типологические группы с использованием лингвистической шкалы:

- типологическая группа 1 – муниципальные районы с уровнем эффективности выше среднего;
- типологическая группа 2 – муниципальные районы со средним уровнем эффективности;

- типологическая группа 3 – муниципальные районы с низким уровнем эффективности деятельности медицинских организаций.

Муниципальные районы первой типологической группы для большинства показателей характеризуются высокими уровнями эффективности. Несмотря на высокое значение уровня госпитализации, данные районы имеют высокие значения числа посещений АПУ, что обусловлено, вероятно, высоким уровнем спроса населения на медицинские услуги. При этом в целом уровень эффективности деятельности медицинских учреждений районов первой группы нельзя характеризовать, как «высокий», поскольку для них наблюдаются высокие показатели больничной летальности (Ливенский, Мценский районы), несмотря на низкий показатель госпитализации в областную клиническую больницу. Ввиду этого была выбрана лингвистическая оценка уровня эффективности «выше среднего».

Преимущество муниципальных районов второй группы по сравнению с муниципальными районами первой типологической группы заключается лишь в более низких в среднем значениях уровня больничной летальности.

В таблице 2 приведены наибольшие значения функций принадлежности конечного нечеткого разбиения и типологические группы муниципальных районов Орловской области.

Таблица 2 – Наибольшие значения функций принадлежности конечного нечеткого разбиения и типологические группы муниципальных районов Орловской области*

№	Район	Наибольшее значение функции принадлежности		Номер типологической группы	
		2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.
1	Болховский	0,54	0,85	2	2
2	Верховский	0,5	0,6	3	2
3	Глазуновский	0,53	0,8	2	2
4	Дмитровский	0,49	0,87	2	2
5	Должанский	0,4	0,66	1	2

* Составлена авторами по результатам исследования

Продолжение табл. 2

№	Район	Наибольшее значение функции принадлежности		Номер типологической группы	
		2014 г.	2015 г.	2014 год	2015 год
6	Залегощенский	0,68	0,75	2	2
7	Знаменский	0,54	0,67	2	3
8	Колпнянский	0,49	0,66	1	2
9	Корсаковский	0,39	0,86	1	2
10	Краснозоренский	0,46	0,87	1	2
11	Кромской	0,72	0,52	2	2
12	Ливенский	0,48	0,92	1	1
13	Малоархангельский	0,51	0,74	2	2
14	Мценский	0,54	0,9	1	1
15	Новодеревеньковский	0,54	0,87	1	1
16	Новосильский	0,47	0,78	3	2
17	Орловский	0,63	0,78	3	3
18	Покровский	0,57	0,81	2	2
19	Свердловский	0,4	0,92	3	3
20	Сосковский	0,38	0,37	2	2
21	Троснянский	0,4	0,64	3	3
22	Урицкий	0,55	0,64	3	2
23	Хотынецкий	0,35	0,73	2	2
24	Шаблыкинский	0,43	0,43	1	2
25	Эталонный район	0,58	0,97	2	2

Согласно данным таблицы 2 можно заключить, что типологические группы, построенные по выборочным наблюдениям 2014–2015 гг., различаются по своему составу. Так, к примеру, Верховский район по данным 2014 г. был отнесен к типологической группе 3, по данным 2015 г. – к типологической группе 2, тем самым улучшив свои позиции. Это объясняется, в первую очередь, снижением уровня госпитализации (с 105,5 до 97,1) и увеличением числа посещений АПУ населением (с 5,6 до 5,9).

Должанский район, наоборот, ухудшил свои позиции и переместился из типологической группы 1 в типологическую группу 2. Для медицинских организаций района в 2015 г. по сравнению с 2014 г. снизился показатель среднегодовой занятости койки (с 330,3 до 318,7), уменьшилось число посещений АПУ (с 6 до 5,1) и вырос показатель больничной летальности (с 0,3 до 0,5).

Анализируя значения функций принадлежности конечных разбиений,

можно сделать вывод о том, что для отдельных муниципальных районов трудно однозначно определить их принадлежность к какой-либо одной типологической группе, поскольку наибольшие значения функции принадлежности не превышают 0,5, и значения функций принадлежности к различным кластерам достаточно близкие.

Как отмечалось выше, типологизацию следует рассматривать лишь как предварительный этап анализа эффективности деятельности подсистем здравоохранения.

Рассмотрим процедуру формирования рейтинга муниципальных районов по уровню эффективности деятельности подсистем здравоохранения на основе нечеткого разбиения объектов на 3 кластера. Пусть в результате реализации метода нечетких k -средних построены нечеткие множества вида: K_1 – районы с уровнем эффективности выше среднего, K_2 – районы со средним уровнем эффективности, K_3 – районы с низким уровнем

эффективности, то есть нечеткие множества должны быть упорядочены по «качеству признака» и заданы значения функций принадлежности $\mu_{K_j}(R_i)$. Каждому муниципальному району согласно нечеткому разбиению поставлена в соответствие упорядоченная тройка действитель-

$$\rho(R_i) = \sum_{j=1}^3 \frac{3-(j-1)}{3} \cdot \mu_{K_j}(R_i). \quad (1)$$

Таким образом, для каждого субъекта R_1, R_2, \dots, R_{24} могут быть получены интегральные индикаторы $\rho(R_i)$ уровня эффективности, $\rho(R_i) \in (0,1]$. Для рассматриваемой группы показателей, чем выше значение интегрального индикатора, тем выше уровень эффективности деятельности медицинских учреждений. В свою очередь полученные интегральные индикаторы $\rho(R_i)$ позволяют проанализировать муниципальные районы, и задать рейтинг $\tilde{\rho}(R_i)$ района R_i в общем списке. Чем ниже итоговое значение рейтинга муниципального района, тем выше эффективность деятельности его подсистемы здравоохранения.

В таблице 3 приведены интегральные индикаторы и рейтинги муниципальных районов Орловской области по уровню эффективности деятельности медицинских организаций. Лидирующие позиции, согласно данным таблицы, на протяжении 2014–2015 гг. занимают Новодеревеньковский район (рейтинги равны 1 и 3, соответственно), Мценский район (рейтинги – 2), Колпнянский район (рейтинги – 3, 4), Ливенский район (рейтинги – 4,1). Наименьший рейтинг в общем списке по данным 2014–2015 гг. равен 16. Наихудшие позиции в списке рейтингов имеет Орловский район: в 2014 г., 2015 г. рейтинги равны 16 и 15, соответственно. Это обусловлено, в первую очередь, низкими показателями числа посещений АПУ населением района (4,8 и 5 при средних значениях показателей по годам 6,1 и 5,8, соответ-

ных чисел $\langle \mu_{K_1}(R_i), \mu_{K_2}(R_i), \mu_{K_3}(R_i) \rangle$, суммарное значение которых равно единице. Тогда интегральный индикатор $\rho(R_i)$ муниципального района R_i по уровню эффективности предлагается определять в следующем виде:

ственно) наряду с высокими показателями числа госпитализированных в ОКБ (64,5 и 66,2 на 1000 населения при средних уровнях госпитализации 57,2 и 59,9) и больничной летальности (1,4 и 1,2 при средних значениях показателей по годам 0,9 и 1). Отметим в то же время, что Орловский район в 2014–2015 гг. [21, 22] занимал предпоследнее место по такому показателю, как обеспеченность врачами на 10 000 населения, и последнее место по показателю обеспеченности койками на 10 000 населения. Таким образом, можно заключить, что одной из причин низкой эффективности деятельности медицинских организаций района является их низкая ресурсная обеспеченность.

Рейтинги эталонного субъекта в 2014 и 2015 г. равны 8 и 9, соответственно, поэтому на уровне муниципальных районов Орловской области, рейтинги которых ниже «среднего рейтинга» (районы выделены в таблице 5 курсивом), требуется разработка управленческих решений, способствующих в дальнейшем повышению как эффективности деятельности медицинских учреждений, так и всей системы здравоохранения в целом. Для выработки обоснованных управленческих решений требуется проведение мониторинга и сравнительного анализа по всем направлениям эффективности деятельности систем здравоохранения и ОМС в разрезе муниципальных образований региона.

Таблица 3 – Индикаторы и рейтинги муниципальных районов Орловской области по уровню эффективности деятельности медицинских организаций в 2014–2015 гг.*

№	Район	2014 г.		2015 г.	
		Индикатор	Рейтинг	Индикатор	Рейтинг
1	Болховский	0,68	9	0,66	9
2	Верховский	0,58	14	0,67	8
3	Глазуновский	0,66	11	0,64	11
4	Дмитровский	0,66	11	0,64	11
5	Должанский	0,72	7	0,69	6
6	Залогощенский	0,68	9	0,66	9
7	Знаменский	0,67	10	0,48	14
8	Колпнянский	0,76	3	0,72	4
9	Корсаковский	0,72	7	0,65	10
10	Краснозоренский	0,73	6	0,68	7
11	Кромской	0,68	9	0,57	13
12	Ливенский	0,75	4	0,97	1
13	Малоархангельский	0,66	11	0,66	9
14	Мценский	0,78	2	0,96	2
15	Новодеревеньковский	0,79	1	0,95	3
16	Новосильский	0,61	13	0,68	7
17	Орловский	0,5	16	0,42	15
18	Покровский	0,74	5	0,68	7
19	Свердловский	0,63	12	0,37	16
20	Сосковский	0,71	8	0,66	9
21	Троснянский	0,63	12	0,48	14
22	Урицкий	0,55	15	0,6	12
23	Хотынецкий	0,66	11	0,64	11
24	Шаблыкинский	0,73	6	0,7	5
25	Эталонный субъект	0,71	8	0,66	9

* Составлена по результатам исследования.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Орловской области в рамках научного проекта «Математическое обеспечение мониторинга эффективности деятельности региональных систем здравоохранения и обязательного медицинского страхования» № 16-12-57005.

Библиографический список

1. Какорина, Е. П. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здраво-

охранения // Здравоохранение. – 2011. – № 3. – С. 14–19.

2. Орлов, Е. М., Соколова, О. Н. Категория эффективности в системе здравоохранения // Фундаментальные исследования. – 2010. – № 4. – С. 70–75.

3. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти в сфере здравоохранения Российской Федерации / Р. А. Хальфин, Е. П. Какорина, М. В. Игнатъева и др. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2013.

4. Стародубов, В. И., Флек, В. О., Обухова, О. В. Оценка эффективности территориальных программ государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной ме-

дицинской помощи // Менеджер здравоохранения. – 2010. – № 2. – С. 4–15.

5. Улумбекова, Г. Э. Интегральная оценка эффективности деятельности системы здравоохранения РФ // Проблемы управления здравоохранением. – 2010. – № 51. – С. 6–13.

6. Тикин, В. С. Эффективность – не коэффициент // Экономические науки. – 2009. – № 7 (56). – С. 94–97.

7. Андреева, О. В., Белова, Н. В. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения // Здравоохранение. – 2010. – № 10. – С. 14–19.

8. Какорина, Е. П. Подходы к оценке эффективности деятельности системы здравоохранения // Менеджер здравоохранения – 2010. – № 6. – С. 6–13.

9. Методика оценки эффективности функционирования территориальных систем здравоохранения в Российской Федерации / С. В. Шишкин, С. П. Ермаков, Е. П. Какорина и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.socpol.ru/research_projects/pdf/proj26_report_rus.pdf.

10. Стародубов, В. И., Сон, И. М., Леонов, С. А., Стерликов, С. А. Оценка эффективности деятельности региональных систем здравоохранения // Менеджер здравоохранения. – 2010. – № 3. – С. 15–25.

11. Степанов, И. М., Головинский, К. И. Разработка моделей оценки эффективности системы обязательного медицинского страхования: препринт WP8/2011/03. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

12. Русских, Т. Н. Методологический подход к построению типологий муниципальных образований региона по уровню эффективности деятельности систем здравоохранения // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления : материалы XI междунар. науч.-

практ. конф. / под ред. Ю. В. Вертаковой. – Вып. 3 – Курск : Университетская книга, 2016. – С. 199–203.

13. Русских, Т. Н., Сироткина, Н. В., Тинякова, В. И. Формирование рейтинговых оценок эффективности деятельности региональных систем здравоохранения и обязательного медицинского страхования // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 197–213.

14. Паклин, Н. Б., Орешков, В. И. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям. – 2-е изд. перераб. и доп. – СПб. : Питер, 2010.

15. Айвазян, С. А., Бухштабер, В. М., Енюков, И. С. и др. Прикладная статистика: Классификации и снижение размерности. – М. : Финансы и статистика, 1989.

16. Леоненков, А. В. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzy TECH. – СПб. : БХВ-Петербург, 2005.

17. EVERIT: Cluster Analysis / B. S. Everitt, S. Landau, M. Leese, D. Stahl. – 5th ed. – Chichester : Wiley Publishing, 2011.

18. Gan, G., Ma, C., Wu, J. Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications. – Philadelphia, Pennsylvania : SIAM, Society for Industrial and Applied Mathematics, 2007.

19. Jain, A. K., Murty, M. N., Flynn, P. J. Data clustering // ACM Computing Surveys. – 1999. – № 31 (3). – P. 264–323.

20. Theodoridis, S., Koutroumbas, K. Pattern Recognition. – 4th ed. – Academic Press, 2009.

21. Основные показатели медицинского обслуживания населения Орловской области в 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zdravorel.ru/arhiv/Sbornik_2014.pdf.

22. Основные показатели медицинского обслуживания населения Орловской области в 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zdravorel.ru/arhiv/S2015.pdf>.

Bibliographic list

1. *Kakorina, E. P.* Methods of evaluating the efficiency of executive authorities of Russian Federation in health care // *Health Care*. – 2011. – № 3. – P. 14–19.
2. *Orlov, E. M., Sokolova, O. N.* Category of efficiency in health care system // *Fundamental Research*. – 2010. – № 4. – P. 70–75.
3. Evaluating the efficiency of public authorities in health care in Russian Federation / R. A. Halfin, E. P. Kakorina, M. V. Ignatyeva et al. – M. : GEOTAR Media, 2013.
4. *Starodubov, V. I., Fleck, V. O., Obukhova, O. V.* Evaluation of Efficiency of Territorial Programs of Government Guarantees for Providing the Citizens of Russian Federation with Free Medical Care // *Health Care Manager*. – 2010. – № 2. – P. 4–15.
5. *Ulumbekova, G. E.* Integral assessment of efficiency of health care system in Russian Federation // *Health Care Management Challenges*. – 2010. – № 51. – P. 6–13.
6. *Tikin, V. S.* Efficiency is not a factor // *Economics*. – 2009. – № 7 (56). – P. 94–97.
7. *Andreeva, O. V., Belova, N. V.* Evaluating the efficiency of executive authorities of Russian Federation in health care // *Health Care*. – 2010. – № 10. – P. 14–19.
8. *Kakorina, E. P.* Approaches to evaluation of health care system efficiency // *Health Care Manager*. – 2010. – № 6. – P. 6–13.
9. Methods of evaluating the efficiency of regional health care systems in Russian Federation / S. V. Shishkin, S. P. Ermakov, E. P. Kakorina et al. [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.Socpol.ru/research_projects/pdf/proj26_report_rus.pdf
10. *Starodubov, V. I., Son, I. M., Leonov, S. A., Sterlikov, S. A.* Evaluation of Performance of Regional Health Care Systems // *Health Care Manager*. – 2010. – № 10. – P. 15–25.
11. *Stepanov, I. M., Golovschinskiy, K. I.* Model development to evaluate the efficiency of compulsory medical insurance. Preprint WP8/2011/03. – M. : Higher School of Economics Publishing House, 2011,
12. *Russkikh, T. N.* Methodological approach to typology building of municipalities in region based on level of health care system efficiency // *Advanced topics on development of economic entities, territories, regional and municipal management systems : Proceedings of 11-th theoretical and practical conf. / ed. by Yu. V. Vertakova*. – Kursk : University Book, 2016. – P. 199–203.
13. *Russkikh, T. N., Sirotkina, N. V., Tinyakova, V. I.* Forming the ratings of efficiency of regional health care and compulsory medical insurance systems // *Regional Economy*. – 2015. – № 4. – P. 197–213.
14. *Paklin, N. B., Oreshkov, V. I.* Business intelligence: from data to knowledge. – 2nd ed., revised and ext. – SPb. : Piter, 2010.
15. *Ayvazyan, S. A., Buchshtaber, V. M., Enyukov, I. S.* et al. Applied statistics: classification and reduction of dimension. – M. : Finance and statistics, 1989.
16. *Leonenkov, A. V.* Fuzzy Modeling in MATLAB and fuzzyTECH. – SPb. : BHV, Petersburg, 2005.
17. EVERIT: Cluster Analysis / B. S. Everitt, S. Landau, M. Leese, D. Stahl. – 5th ed. – Chichester : Wiley Publishing, 2011.
18. *Gan, G., Ma, C., Wu, J.* Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications. – Philadelphia, Pennsylvania : SIAM, Society for Industrial and Applied Mathematics, 2007.
19. *Jain, A. K., Murty, M. N., Flynn, P. J.* Data clustering // *ACM Computing Surveys*. – 1999. – № 31 (3). – P. 264–323.
20. *Theodoridis, S., Koutroumbas, K.* Pattern Recognition. – 4th ed. – Academic Press, 2009.
21. Main indicators of medical care of population of Oryol region in 2014 [Electronic resource]. – Mode of access : http://zdravorel.ru/arhiv/Sbornik_2014.pdf.
22. Main indicators of medical care of population of Oryol region in 2015 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://zdravorel.ru/arhiv/S2015.pdf>.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ И МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Аннотация

Рассмотрены различные подходы к классификации методов и моделей прогнозирования. Проводится сравнение сильных и слабых сторон каждого подхода. Проанализированы отличия между методами подготовки данных для прогнозирования, инструментами для прогнозирования и собственно методами получения оценок прогноза, поскольку во многих публикациях и источниках данные понятия не отделяются друг от друга, что приводит к смешиванию методов и моделей прогнозирования. Приведены основные критерии, которым должна соответствовать классификация методов и моделей прогнозирования для того, чтобы отвечать требованиям полноты и сопоставимости.

Ключевые слова

Прогнозирование, классификация, методы и модели прогнозирования, глубина упреждения прогноза.

JEL: C53, F17

Mikhaylova E. B.

PROBLEM OF FORECASTING MODELS AND METHODS CLASSIFICATION

Annotation

Article examines the approaches of different authors to classification of prediction methods and models, compares the strengths and weaknesses of each approach, which are illustrated on certain practical examples. Article analyzes the differences between methods of data-preparing for forecasting, forecasting tools and methods of obtaining forecast's estimates, since many publications and sources, these concepts are not separated from each other, which leads to mixing of methods and models of forecasting. Author presents the main criteria that must comply with classification of forecasting methods and models to meet requirements of completeness and comparability.

Keywords

Forecasting, classification, forecasting models and methods, depth of forecast's feed-forward.

Одно из центральных мест в философии науки занимает принцип детерминизма, говорящий о всеобщей взаимосвязанности и взаимообусловленности. Основной же задачей науки как таковой является поиск объективной истины, выражающейся в выявлении причинно-следственных связей между событиями и явлениями для возможности прогнози-

рования будущей действительности. Именно возможность предсказания будущей действительности является одной из важнейших целей сбора, систематизации, обновления и анализа фактов об окружающем нас мире.

Для понимания, в каком конкретном случае к какой модели следует прибегать при имеющихся ограничениях; в

каких направлениях на данный момент развивается прогностическая наука, актуальна задача классификации методов и моделей прогнозирования.

Самой общей классификацией является деление методов прогнозирования на интуитивные и формализованные. Интуитивные методы прогнозирования применяются тогда, когда объект либо слишком прост и потому не требует детального описания, либо настолько сложен, что аналитически учесть влияние многих факторов практически невозможно. Формализованные методы позволяют строить модели прогнозирования, то есть на основе математической зависимости оценивать будущее значение процесса – строить прогноз.

В одном из подходов [1] данное деление основывается на значении *глубины упреждения прогноза*, рассчитываемого по формуле:

$$\tau = \frac{\Delta t}{t_x}, \quad (1)$$

где Δt – абсолютное время упреждения; t_x – величина эволюционного цикла объекта прогнозирования.

Другими словами, τ – это отношение временного периода, на который строится прогноз, к общей длине анализируемого ряда. Например, если необходимо спрогнозировать значение на 1 месяц вперед, исходя из данных за прошлый год, то глубина упреждения прогноза в данном случае будет равна:

$$\tau = \frac{1}{12} = 0,083.$$

При этом если значение $\tau < 1$, то, по мнению Э. Тихонова, эффективнее использовать формальные методы, позволяющие аналитически учесть влияние всех факторов. К интуитивным же стоит обращаться в случаях, когда период упреждения значительно больше 1. В случаях когда $\tau \cong 1$, возможно комбинирование обоих методов [1].

На практике здесь проходит грань между составлением тактических и стратегических прогнозов. При состав-

лении первых исследователю нет необходимости выбирать дальнейшее плечо прогноза – его выбор периода прогноза будет зависеть от управленческих решений, которые необходимо будет принять, основываясь на проводимом анализе. В случае стратегического прогноза (на 5–10–20 лет вперед) следует использовать различные варианты экспертных оценок, поскольку они будут учитывать не только количественные, но и качественные изменения в изучаемом процессе. Например, можно сколько угодно пытаться прогнозировать объемы выхода продукции с распределительного центра (РЦ) компании на 2–5 лет вперед, основываясь на статистике прошлых лет, но без понимания долгосрочной стратегии развития логистики компании (работа с ассортиментом, переключение объемов на другие РЦ, рост производительности труда, капитальный ремонт и прочее) даже статистически надежный прогноз будет некорректен, а значит, не принесет никакой практической пользы. С данной точки зрения критерий классификации вполне оправдан, однако, если взглянуть на проблему «от обратного», то мыслится необоснованной невозможность применения интуитивных оценок к прогнозам с небольшой глубиной упреждения, и Э. Тихонов не приводит никаких дополнительных доводов для этого. Однако краткосрочный прогноз, построенный с помощью формализованных методов, априорно позволяет получить меньшую ошибку прогноза, чем при использовании интуитивных методов, что на самом деле и должно определять выбор метода прогнозирования.

К сожалению, несмотря на достаточную освещенность данного вопроса в научной литературе, дальнейшая приведенная классификация не имеет четкой логики и однозначно определенных классификационных признаков. В полном объеме она представлена на рисунке 1.

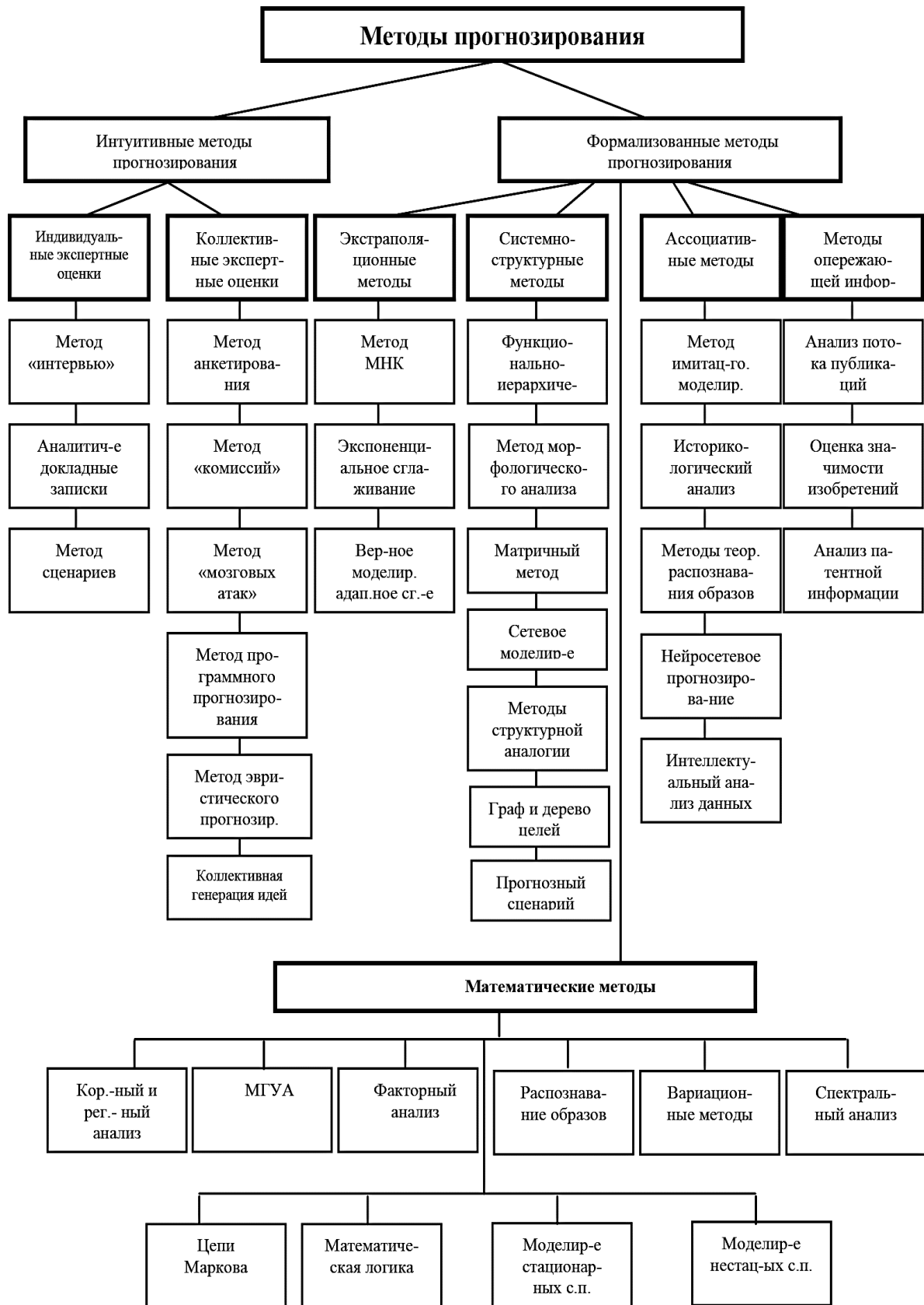

Рисунок 1 – Классификация методов прогнозирования по Э. Тихонову

Стоит отметить, что на втором этапе автор задает классификационный признак – «общий принцип действия». Интуитивные методы в соответствии с ним подразделяются на индивидуальные и коллективные, а формализованные – на экстраполяционные, системно-структурные, математические, ассоциативные и методы опережающей информации. Далее все методы подразделяются в зависимости от способа получения прогнозной информации.

На этом этапе возникает ряд спорных вопросов. Во-первых, если в основу второго этапа классификации закладывается общий принцип действия, то непонятно разграничение экстраполяционных методов и математических – ведь корреляционно-регрессионный анализ также является одним из методов экстраполяции, когда будущие значения ряда исследователь получает на основании предыдущих и текущих его значений (т. е. распространяет «вперед» какую-либо тенденцию). Факторный анализ вообще не является методом прогнозирования – это метод поиска взаимосвязей между переменными.

Налицо возможная ошибка автора в том, что в его классификации смешаны методы для *подготовки исходных данных, инструменты для прогнозирования* и собственно *методы прогнозирования*, а также количественные и не количественные методы. Методы подготовки данных – это методы обработки исходной информации, позволяющие обработать или каким-либо способом улучшить имеющийся исследуемый массив (к ним можно отнести факторный анализ, всю ветвь методов опережающей информации, вариационные методы). Инструменты для прогнозирования – это устоявшиеся методики математической обработки исследуемого ряда данных (например, указанный

МНК, матричный метод, экспоненциальное сглаживание). Методы подготовки данных – это методы обработки исходной информации, позволяющие оптимизировать или каким-либо способом улучшить имеющийся исследуемый массив (к ним можно отнести факторный анализ, всю ветвь методов опережающей информации, вариационные методы). Инструменты для прогнозирования – это устоявшиеся методики математической обработки исследуемого ряда данных (например, указанный МНК, матричный метод, экспоненциальное сглаживание). Они могут применяться вне зависимости от конечного используемого метода прогнозирования. Собственно, методы прогнозирования – это синтез методов подготовки исходных данных и инструментов для прогнозирования, используемые для анализа полученной информации с целью получения итогового прогнозного значения ряда данных.

Во-вторых, в работе присутствуют классификационные признаки для каждой «ступени», однако подробно разобран только принцип деления методов на интуитивные и формализованные. Дальнейшее выделение признаков в пособии не обосновано и не даются четкие определения для каждого из них. Например, не понятно, по какому принципу методы делятся на экстраполяционные, математические, системно-структурные и т. д. Также если третья ступень выделяется по способу получения прогнозной информации, то данный признак некорректен, т. к. большая часть указанных методов не позволяет получить оценку прогноза.

В другой работе «Основы экономического прогнозирования» [2] также дается только классификация методов прогнозирования без обзора моделей (рис. 2).

Рисунок 2 – Классификация методов прогнозирования по Н. М. Громовой и Н. И. Громовой

Несмотря на то что авторский коллектив использует в своем подходе аналогичные классификационные признаки (степень формализации, общий принцип действия, способ получения прогнозной информации), данная структура более строгая и ясная. Однако выбор самих классификационных признаков также не обосновывается и подробно авторами не разбирается.

Авторами не дается определение формализованных методов, а также последующих ветвей классификации. Однако деление формализованных методов на методы прогнозной экстраполяции и методы моделирования можно считать здравым и логичным.

Общая структура, к сожалению, не отражает всей широты существующих методов прогнозирования, например, отсутствует группа корреляционно-регрессионных методов. Но в то же время включает в себя методы, которые

могут быть объединены в одну группу. Например, методы экспоненциального, адаптивного сглаживания, метод скользящих средних и гармонических весов можно объединить в одну группу методов сглаживания ряда на основе скользящих средних.

В работе [3] Д. В. Мамонтова и С. В. Селезнева приведена классификация как методов, так и моделей прогнозирования. Методы в этой работе на первом этапе классически делятся на интуитивные и формализованные. Классификация методов прогнозирования, описанная в цитируемой работе, приведена на рисунке 3, моделей – на рисунке 4. Как видно из схемы, авторы не приводят классификацию формализованных методов, а далее непосредственно переходят к описанию моделей прогнозирования. Можно заключить, что в случае формализованного подхода метод и модель приравниваются друг к

другу, что не совсем корректно, т. к. метод прогнозирования – это устойчивая последовательность действий, которые совершает исследователь для получения модели прогнозирования. Модель прогнозирования – это функциональное представление, адекватно описывающее исследуемый процесс и являющееся основой для получения его будущих значений. Классификация самих моделей прогнозирования приведена без классификационных признаков. Тем не менее в статье четко и подробно описаны ос-

новные группы и виды моделей прогнозирования, даны их определения и отличительные черты. Например, модели предметных областей обозначены как узкоспециализированные – их применение ограничено зависимостями и законами той сферы, в которой они применяются. Статистические и структурные модели в этом плане описаны как более гибкие и универсальные – на одних и тех же моделях есть возможность строить прогнозы явлений из абсолютно разных предметных областей.

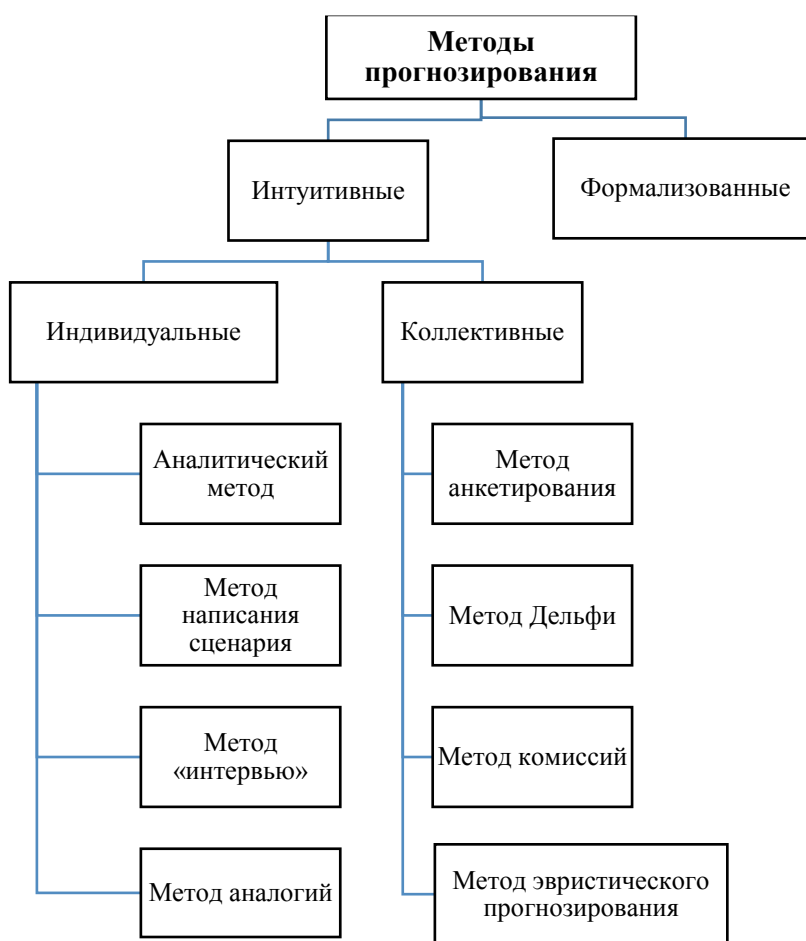

Рисунок 3 – Классификация методов прогнозирования по Д. В. Мамонтову и С. В. Селезневу

Авторы дают определение и примеры статистических и структурных моделей, но в то же время они не выделяют классификационный признак, в соответствии с которым они подразде-

ляют данные модели. Таким образом, у авторов отсутствует обоснование деления моделей на подгруппы, а классификация прогностических методов явно не завершена.

Рисунок 4 – Классификация моделей прогнозирования по Д. В. Мамонтову и С. В. Селезневу

После ознакомления с различными точками зрения на данную проблему определим основные моменты, которые необходимо учесть при составлении классификации методов и моделей прогнозирования, чтобы избежать возможных ошибок и спорных моментов:

- необходимо классифицировать только методы и модели, используемые при получении прогнозных оценок;

- обязательно разделять классификации методов и моделей прогнозирования;

- обязательно обосновывать и пояснять классификационные признаки;

- выделять общие классификационные группы, а не отдельные виды методов или моделей прогнозирования.

Библиографический список

1. Тихонов, Э. Е. Методы прогнозирования в условиях рынка : учеб. пособие. – Невинномыск, 2006.

2. Громова, Н. М., Громова, Н. И. Основы экономического прогнозирования. – М. : Академия Естествознания, 2006.

3. Мамонтов, Д. В., Селезнев, С. В. Классификация методов и моделей прогнозирования // Устойчивое развитие горных территорий. – 2014. – № 1. – С. 51–55.

Bibliographic list

1. Tichonov, E. E. Methods of forecasting in conditions of market : tutorial. – Nevinnomyssk, 2006.

2. Gromova, N. M., Gromova, N. I. Foundations of economic prognosis. – М. : Academy Of Natural Sciences, 2006.

3. Mamontov, D. V., Seleznirov, S. V. Classification of methods and models of forecasting // Sustainable development of mountain territories. – 2014. – № 1. – P. 51–55.

РАЗДЕЛ V. | ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

УДК 336.228+330.341.1

Митрофанова И. А., Бегачева Ю. И.

НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье выявлена связь между уровнем налогообложения и инновационно-инвестиционной деятельностью и экономическим ростом в современной России, а также оценена результативность налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов с помощью метода регрессионного и корреляционного анализа. Сделан вывод о том, что налоговый механизм может проявлять высокую эффективность в отношении стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Составлены соответствующие рекомендации и представлена логическая схема развития системы налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова

Налогообложение, инвестиции, инновационная деятельность, регрессионный анализ.

JEL: H20, O10

Mitrofanova I. A., Begacheva Ju. I.

TAX STIMULATION OF INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITY OF BUSINESS ENTITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation

Article revealed connection between the level of taxation and innovative-investment activity and economic growth in modern Russia, as well as assess the impact of tax incentives for investment and innovation activity of economic entities, using the method of regression and correlation analysis. It is concluded that the tax mechanism may indeed be highly effective in relation to stimulate investment and innovation activity of economic entities, made up of the relevant recommendations and the logic diagram of the system of tax incentives for investment and innovation activity of economic entities.

Keywords

Tax, investment, innovation, regression analysis.

Важнейшей целью современных хозяйственных систем является экономический рост и развитие. Новейшие теории экономического роста концен-

трируют внимание на эндогенных факторах в процессе объяснения динамики роста мировой экономики, одним из которых является инвестиционно-

инновационная деятельность хозяйствующих субъектов. В соответствии с этими моделями эндогенного роста технологические инновации обеспечивают устойчивый экономический рост. Их авторами также приводятся убедительные доказательства того, что переливы капитала из промышленно развитых стран в развивающиеся страны оказывают положительное влияние на рост инновационной активности последних, т. к. прямые иностранные инвестиции увеличивают внутреннюю производительность и обеспечивают рост добавленной стоимости. Этим объясняется высокая актуальность изучения вопросов, связанных со стимулированием инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. В современной России такая деятельность развита достаточно слабо. Так, по данным на 2015 г., внутренние затраты на научные исследования и разработки составили 1,07 % от ВВП [10]. Для сравнения, в Израиле они составляют 4,3 % от ВВП, в США – 2,9 % от ВВП, а в Германии – 2,8 % от ВВП [17]. Это свидетельствует о неблагоприятном климате для осуществления инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов в современной России. Механизм конкуренции демонстрирует низкую эффективность в отношении стимулирования такой деятельности. Так, рыночные силы (свободная конкуренция) подрывают конкурентоспособность отечественных предприятий, и они утрачивают возможность осуществления инвестиционно-инновационной деятельности, а государственное регулирование в рамках политики протекционизма (ограничение конкуренции) приводит к устранению такой необходимости. Это вызывает проблему необходимости поиска новых механизмов стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Рабочая гипотеза данной статьи заключается в том, что высокую эффективность в отношении стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов может проявлять налоговый механизм.

Целью данной статьи является верификация выдвинутой гипотезы и исследование проблем и перспектив налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Для выявления связи между уровнем налогообложения и инновационно-инвестиционной активностью и экономическим ростом в современной России, а также оценки результативности налогового стимулирования инвестиционно-инновационной сферы хозяйствующих субъектов проведем регрессионный и корреляционный анализ. В качестве показателей для проведения исследования выбраны следующие:

- общая налоговая ставка для бизнеса (%) по версии Всемирного банка (x);
- ВВП в постоянных ценах (млрд руб.) по версии Международного валютного фонда (y_1);
- ВВП на душу населения в постоянных ценах (руб.) по версии Международного валютного фонда (y_2);
- разработанные передовые производственные технологии (шт.) по версии Росстата (y_3);
- используемые передовые производственные технологии (шт.) по версии Росстата (y_4);
- внутренние затраты на исследования и разработки (% от ВВП) по версии Росстата (y_5);
- инвестиции в основной капитал (млрд руб.) по версии Росстата (y_6).

Динамика обозначенных показателей за последние пять лет приведена в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика показателей для регрессионного и корреляционного анализа в 2011–2015 гг.*

Показатели	Обозначение	Значения показателей по годам				
		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Налоговая ставка	x	40	42	44	45	47
Экономический рост	y_1	59 698,1	61 798,3	62 588,9	63 031,1	60 682,1
	y_2	416 852,8	431 288,7	436 563,2	439 457,2	422 998,8
Инновационная активность	y_3	1138	1323	1429	1409	1398
	y_4	191 650	191 372	193 830	204 546	218 018
Инвестиционная активность	y_5	1,05	1,06	1,09	1,08	1,07
	y_6	11 035,7	12 586,1	13 450,2	13 902,6	14 555,9

* Источники данных: [10, 15, 16].

На основе данных таблицы 1 были построены следующие регрессионные модели:

$$- y_1 = 3,2 - 1,1x; y_2 = 189,5 - 9527,6x;$$

$$- y_3 = 2,8 - 5,4x; y_4 = 0,9 + 3,4x;$$

$$- y_5 = 0,1 - 0,5x; y_6 = 187 + 269,1x.$$

Увеличение общей налоговой ставки для бизнеса на 1 % в современной России приводит к снижению ВВП в постоянных ценах на 1,1 млрд руб., к снижению ВВП на душу населения в постоянных ценах – на 9527,6 руб., к снижению количества разработанных передовых производственных технологий – на 5,4 шт., к увеличению используемых передовых производственных технологий – на 3,4 шт., к снижению внутренних затрат на исследования и разработки – на 0,5 % от ВВП и к увеличению объема инвестиций в основной капитал – на 269,1 млрд руб.

Коэффициент детерминации для всех полученных моделей превышает 90 %. Все уравнения регрессии статистически значимы на 5 % уровне (по F -критерию).

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о существовании тесной связи между уровнем налогообложения и инновационно-инвестиционной деятельностью и экономическим ростом в современной России, а также низкой результативности налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Следует заметить, что увеличение общей налоговой ставки для бизнеса не является способом налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, а скорее представляет собой способ налогового сдерживания. Чтобы выявить причины такой специфики фискальной политики в отношении бизнеса в современной России, проведем логический анализ и рассмотрим основные проблемы налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов:

– отсутствие финансовых возможностей у государства. По данным на 2014 г. дефицит государственного бюджета в России составляет 333,8 млрд руб. (расходы, составляющие 14 830,6 млрд руб. [13], превышают доходы, составляющие 14 496,8 млрд руб. [12], на 2,3 %). По состоянию на 1 октября 2016 г. внутренний государственный долг составляет 7383,56 млрд руб. [1], внешний долг – 51 475,7 млрд долл. [11]. Налоговые доходы (7408,6 млрд руб. [12]) составляют более 50 % от совокупных доходов государственного бюджета. Поэтому снижение налоговых ставок увеличит бюджетный дефицит и государственный долг;

– сложность выявления объектов для стимулирования. Нормативно-правовое обеспечение инвестиционно-инновационной деятельности недостаточно развито в современной России, что является причиной отсутствия чет-

ких и прозрачных критериев отнесения деятельности хозяйствующих субъектов к инвестиционно-инновационной [3, 5]. Статистический учет такой деятельности также является неполным [9]. Это затрудняет подсчет возможных последствий ее налогового стимулирования (оценку нагрузки на государственный бюджет в виде недополученных налоговых поступлений, а также анализ выгод для экономики и общества в виде экономического роста и т. д.) [14];

– низкая эффективность институционального обеспечения. Если первые две проблемы относились к государству и заключались в сложности предоставления налогового стимулирования, то эта проблема относится к самим хозяйствующим субъектам, осуществляющим инвестиционно-инновационную деятельность, и заключается в сложности его получения [4, 6]. В условиях высокой степени бюрократизации государственного управленческого аппарата для получения доступа к положенным налоговым стимулам предприятиям необходимо потратить много финансовых и временных ресурсов, чтобы доказать свое право, собрать все необходимые документы и обойти все необходимые инстанции [7].

Перспективы налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов связаны с решением обозначенных проблем. Для этого в данном исследовании предлагаются следующие рекомендации:

– активная борьба с теневой экономикой. Одной из важнейших причин дефицита государственного бюджета является неполнота собираемых налогов из-за высокой доли теневой экономики

в структуре ВВП [2]. Ее сокращение позволит увеличить объем налоговых поступлений в государственный бюджет, что предоставит возможность расширения мер налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности. В качестве инструментов борьбы с теневой экономики предлагается повышение активности налоговой инспекции, а также создание электронных порталов для сбора информации от клиентов, контрагентов и сотрудников теневых предприятий для их выявления;

– укрепление нормативно-правовой базы инвестиционно-инновационной деятельности. Критерии такой активности должны быть четко определены и понятны всем участникам и контролирующим органам государственной власти. Также необходимо наладить полное и точное отражение в официальной статистике инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов;

– повышение эффективности институционального обеспечения инвестиционно-инновационной деятельности. Необходимо не только укрепление институциональной базы, но и повышение удобства и простоты ее использования. Это предполагает снижение степени бюрократизации органов государственной власти, ответственных за осуществление мероприятий в области налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Логическая схема развития системы налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Логическая схема развития системы налогового стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов

Таким образом, можно сделать вывод, что налоговый механизм действительно может проявлять высокую эффективность в отношении стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, т. к. позволяет создавать для нее благоприятные условия при сохранении свободной конкуренции. Благодаря сочетанию регуляционных и рыночных методов достигается экономия бюджетных средств, а также долгосрочный устойчивый результат.

Библиографический список

1. Государственный внутренний долг Российской Федерации, выраженный в государственных ценных бумагах на 1 октября 2016 г. [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа : http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/#ixzz4Pm4UeKwe (дата обращения: 12.11.2016).

2. Карпельева, Ю. А. Налоговый кредит как механизм налогового стимулирования инновационной деятельности // Экономика и социум. – 2015. – № 1–3 (14). – С. 531–537.

3. Мандрощенко, О. В. Особенности налогового стимулирования инвестиционной и инновационной деятельности на региональном уровне // Инновации и инвестиции. – 2016. – № 1. – С. 5–9.

4. Митрофанова, И. А., Бегачева, Ю. И. Налоговый механизм активизации инновационной деятельности предприятия // Молодой ученый. – 2016. – № 2 (106). – С. 552–554.

5. Митрофанова, И. А. Российский и китайский опыт налогового стимули-

рования инновационной деятельности // Молодой ученый. – 2016. – № 8 (112). – С. 604–609.

6. *Митрофанова, И. А., Бегачева, Ю. И.* Система налогообложения инвестиционных проектов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2016. – № 13–2. – С. 23–25.

7. *Митрофанова, И. А., Беляев, А. А., Чувильская, Н. К.* Эффекты налогового регулирования инвестирования в инновационные проекты // Региональная экономика. Юг России. – 2016. – № 3 (13). – С. 85–94.

8. *Морозов, В. В.* Стратегические основы налоговой активизации и стимулирования инвестиционно-инновационных процессов // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 164–171.

9. *Падычев, А. А., Белоусова, С. Н.* Налоговое стимулирование инновационной деятельности России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 6 (57). – С. 266–268.

10. Россия в цифрах. 2016 : крат. стат. сб. – М. : Росстат, 2016.

11. Структура государственного внешнего долга Российской Федерации по состоянию на 1 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/external/structure/#ixzz4Pm4O9800 (дата обращения: 12.11.2016).

12. Структура и динамика доходов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://info.minfin.ru/fbdohod.php> (дата обращения: 12.11.2016).

13. Структура и динамика расходов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://info.minfin.ru/fbrash.php> (дата обращения: 12.11.2016).

14. *Товгазова, А. А.* Налоговое стимулирование инновационной деятельности как фактор диверсификации будущих налоговых доходов в условиях современных вызовов и угроз // Эконо-

мика и управление. – 2016. – № 1 (123). – С. 95–100.

15. Doing business in Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia/#paying-taxes> (дата обращения: 12.11.2016).

16. GDP and GDP per capita in constant prices in Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : imf.org (дата обращения: 12.11.2016).

17. Research and Development Expenditure [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.uis.unesco.org> (дата обращения: 12.11.2016).

Bibliographic list

1. State internal debt of Russian Federation, expressed in government securities on October 1, 2016 [Electronic resource]. – Mode of access : http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/#ixzz4Pm4UeKwe (date of access: 12.11.2016).

2. *Karpeleva, Yu. A.* Tax credit as a mechanism of tax incentives for innovation // Economy and Society. – 2015. – № 1–3 (14). – P. 531–537.

3. *Mandroschenko, O. V.* Features of tax incentives for investment and innovation activities at regional level // Innovations and investments. – 2016. – № 1. – P. 5–9.

4. *Mitrofanova, I. A., Begacheva, Yu. I.* Tax mechanism of activation of innovative activity of enterprise // Young scientist. – 2016. – № 2 (106). – P. 552–554.

5. *Mitrofanova, I. A.* Russian and Chinese experience of tax incentives for innovation // Young scientist. – 2016. – № 8 (112). – P. 604–609.

6. *Mitrofanova, I. A., Begacheva, Yu. I.* System of taxation of investment projects // Fundamental and applied research in modern world. – 2016. – № 13–2. – P. 23–25.

7. *Mitrofanova, I. A., Belyaev, A. A., Tchuvil'skaya, N. K.* Effects of tax regulation of investment in innovative projects // Regional Economy. South of Russia. – 2016. – № 3 (13). – P. 85–94.

8. *Morozov, V. V.* Strategic tax bases foster and promote investment and innovation processes // *Journal of Economic Theory*. – 2014. – № 3. – P. 164–171.

9. *Padychev, A. A., Belousova, S. N.* Tax stimulation of innovative activity of Russian // *Economy and management of innovative technologies*. – 2016. – № 6 (57). – P. 266–268.

10. *Russia in figures. 2016 : statistic bulletin*. – М. : Rosstat, 2016.

11. Structure of Russian Federation, public external debt as of October 1, 2016 [Electronic resource]. – Mode of access : http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/external/structure/#ixzz4Pm4O9800 (date of access: 12.11.2016).

12. Structure and dynamics of Russian Federation, income [Electronic resource]. – Mode of access : <http://info.minfin.ru/fbdohod.php> (date of access: 12.11.2016).

13. Structure and dynamics of Russian Federation costs [Electronic resource]. – Mode of access : <http://info.minfin.ru/fbrash.php> (date of access: 12.11.2016).

14. *Tovgazova, A. A.* Tax incentives for innovation as a factor in diversification of future tax revenues in conditions of modern challenges and threats // *Economy and Management*. – 2016. – № 1 (123). – P. 95–100.

15. Doing business in Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia/#paying-taxes> (date access: 12.11.2016).

16. GDP and GDP per capita in constant prices in Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access : imf.org (date of access: 12.11.2016).

17. Research and Development Expenditure [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.uis.unesco.org> (date access: 12.11.2016).

УДК 330.131.7

Арженовский С. В., Рудяга А. А.

ДЕФИНИЦИЯ РИСКА В ЭКОНОМИКЕ: ОБЗОР ПОДХОДОВ

Аннотация

Рассмотрены подходы к определению риска в экономике, в которых учтены причины риска и факторы, которые влияют на степень риска, а также способы оценки риска. Выявлено, что наиболее часто понятие риска ассоциировано с вероятностью, неопределенностью, потерями. Дано авторское определение риска.

Ключевые слова

Риск, вероятность, потери, неопределенность, экономическая система.

JEL: D81

Arzhenovskiy S. V., Rudyaga A. A.

ECONOMY RISK DEFINITION: APPROACHES REVIEW

Annotation

Approaches to definition of risk in economy, which takes into account risk factors and factors that influence degree of risk, as well as methods of risk assessment are discussed. It was revealed that the most frequently risk associated with concept of probability, uncertainty, and loss. Author's definition of risk formulated.

Keywords

Risk, probability, loss, uncertainty, economic system.

В современной экономике понятие «риск» используется широко, однако оно многомерно и неоднозначно. Поэтому достаточно много публикаций, посвященных рискам, связанным со спецификой деятельности: бюджетной, внешне-экономической, налоговой, банковской, предпринимательской, аграрной и т. п. Имеются также обзоры, посвященные дефиниции риска в гуманитарных науках, например [1, 10]. Тем не менее недостаточно исследована задача формирования дефиниции риска как синтетической категории в экономических системах. Первым шагом в решении такой задачи является формирование имеющегося множества подходов к определению риска в экономике, которое и рассматривается в настоящей статье.

Официальное издание – государственный стандарт – трактует понятие риска обобщенно: как «следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей». При этом примечания к этому определению приводят к путанице между риском и неопределенностью [2, с. 2]. Указанное определение согласовано с стандартом ISO. Многочисленные международные стандарты определяют риск по-разному. Так, например, в стандарте Федерации европейских ассоциаций риск-менеджеров FERMA указано, что «риск – это комбинация вероятности события и его последствий» [3]. Другой стандарт американского комитета организаций-спонсоров комиссии Тредвея – COSO содержит дефиницию риска как «угрозы того, что некое событие или действие негативно повлияет на способность организации успешно достичь своих целей или реализовать свои стратегии» [4].

В [5, с. 38] дано определение с позиции лица принимающего решения: «риск представляет собой объективное свойство хозяйственной ситуации, возникающее по причине вероятностного характера экономической системы и наличия неопределенности, но реали-

зующееся исключительно через субъекта – лицо, принимающее решения, – принимающего на себя риск, выбирающего действие в ситуации из набора альтернатив и несущего ответственность за последствия реализации ситуации, связанной с риском».

В [6, с. 311] риск понимается: с позиции исследования операций – «мера различия между разными возможными результатами принятия определенных стратегий»; с позиции экономики – «затраты или потери экономического эффекта, связанные с реализацией определенного решения в условиях, иных по сравнению с теми, при которых решение было бы оптимальным».

В [7, с. 457] «риск экономический – опасность возникновения или непредвиденных потерь ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств в связи со случайным изменением условий экономической деятельности, неблагоприятными обстоятельствами ...», т. е. риск рассматривается с точки зрения каких-либо потерь.

Статья [8] содержит неплохую классификацию основных подходов к оценке риска. Авторы дают свое определение риска [8, с. 242] как «вероятность реализации угроз, способных оказать существенное негативное влияние на исследуемую экономическую систему и изменить ее текущее состояние».

Н. Моисеева и Т. Кожина дают следующее определение [9, с. 29]: «риск – это оцениваемое в момент принятия решения возможное отклонение величины управляемого параметра, которая соответствует моменту реализации управляющего решения, от той величины, исходя из которой осуществляется выбор управляющего решения».

А. Орлов считает необходимым выделить в термине «риск» три составляющие: событие, в котором реализуется нежелательная возможность, оценка этого события, возможные действия по минимизации последствий. Автор счи-

тает природу риска вероятностной, и типичным следующее определение: «риск – это мера количественного многокомпонентного измерения опасности с включением величины ущерба от воздействия угроз для безопасности, вероятности возникновения этих угроз и неопределенности в величине ущерба и вероятности» [10, с. 8]. В этой же статье приведены еще десяток определений риска других авторов.

Украинские авторы [11] в результате проведенного контент-анализа выяснили, что «наиболее значимыми признаками понятия «экономический риск», учитывая определение современных зарубежных и отечественных исследователей, являются: «вероятность» (44 %), «неопределенность» (40 %), «потери» (32 %); менее значимыми являются: «неудача», «негативное следствие», «случайность», «неуверенность». При этом указано, как и в цитированной выше работе А. Орлова, что в определениях риска включены как причины риска, факторы, которые влияют на степень риска, так и способы оценки риска.

Зачастую исследователи подчеркивают, что в результате реализации ситуации риска последствия могут быть не только отрицательные, но и положительные. Так, в [12] автор пишет: «риск – это ситуация, которая характеризуется наличием выбора из возможных вариантов с помощью оценки вероятности появления риск-содержащего события, которое может сопутствовать как положительными, так и отрицательными последствиями». Впрочем, последняя часть определения согласуется с [1].

В обзорной статье [13] под риском понимается «деятельность в ситуации неизбежного выбора и в условиях неопределенности».

В [14] достаточно критично подходят к имеющимся определениям риска через вероятность и негативные последствия и обосновывают, что «экономический риск предстает как предположение индивида о потенциальной опасности величи-

ны потерь, связанных с действием совокупности рыночных факторов, позволяющее разрабатывать методы предотвращения потерь в рамках как общего, так и специфического риск-менеджмента».

Е. Ковалев [15] в своем исследовании отмечает, что проблема отсутствия единого определения риска заключается в том, что авторы либо понимают различные по сути явления под одним и тем же понятием, либо одно и то же явление описывают разными понятиями. При этом подходы делятся на ориентированные на: причины появления риска, последствия проявления риска, комбинацию причин и последствий риска.

Авторское определение: «экономический риск – объективно существующая вероятность наступления неблагоприятных обстоятельств в процессе осуществления финансово-хозяйственной деятельности организации, вызванная воздействием факторов внешней и внутренней среды».

Н. Боброва указывает на то, что при определении риска авторы сосредотачиваются на рисках условий, рисках процесса и рисках продукта деятельности [16].

Е. Советова считает, что в русле экономической теории «экономический риск следует рассматривать как экономическую категорию, которая отражает отношения между субъектами экономической системы (государственный сектор, сектор фирм, сектор домохозяйств) и объектами по поводу достижения целевых результатов взаимодействия, результатом которых может быть как достижение предполагаемого результата, так и отклонение от него: негативное (убыток, ущерб) или позитивное (прибыль), и их распределения в условиях неопределенности» [17]. При этом автор высказывает некорректное утверждение в конце своей дефиниции относительно распределения в условиях неопределенности.

По мнению Р. Качалова [18] ситуация экономического риска – суть ситуация (включая причины) принятия и реализации решения.

Нами опущены многочисленные публикации по экономическому риску в различных видах экономической деятельности, поскольку они затрагивают специфику процессов и явлений, которые сужают рамки настоящего обзора.

Перечисленные выше подходы позволяют сделать вывод о том, что при определении риска необходимо учесть следующие его характеристики:

– случайность событий, которые могут повлиять на реализацию исследуемого процесса,

– ценность знания риска для практики с позиции экономической выгоды субъекта,

– оценка влияния риска на развитие исследуемого процесса может быть субъективной.

Обобщая, представим авторское определение риска: «риск – изменение экономического эффекта, связанное с вероятной реализацией определенного состояния системы, иного по сравнению с целевым».

В статье рассмотрены подходы к определению риска с различных позиций, в которых отражены как причины риска и факторы, которые влияют на степень риска, так и способы оценки риска. Выявлено, что наиболее часто понятие ассоциировано с вероятностью, неопределенностью, потерями. Дано авторское определение риска.

Библиографический список

1. Слободян, А. С., Бахтеев, А. В. Исследование подходов к дефиниции риска как научной категории // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 8–6. – С. 173–176.

2. ГОСТ Р 51897-2011 / Руководство 73:2009. Менеджмент риска. Термины и определения. – М. : Стандартинформ, 2012.

3. Стандарты по управлению рисками. Федерация европейских ассоциаций

ций риск менеджеров [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.ferma.eu/app/uploads/2011/11/a-risk-management-standard-russian-version.pdf>.

4. Управление рисками организаций. Интегрированная модель. Краткое изложение. Концептуальные основы [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.coso.org>.

5. Кравцов, В. Б., Синявская, Т. Г. Генезис понятия риска в экономических системах: новый подход к дефиниции // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2010. – № 30. – С. 33–39.

6. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М. : Дело, 2003.

7. Экономико-математический энциклопедический словарь / гл. ред. В. И. Данилов-Данильян. – М. : Большая Российская энциклопедия : ИНФРА-М, 2003.

8. Быстрой, Г. П., Лыков, И. А., Никулина, Н. Л. Оценка рисков и прогнозирование длинных временных рядов экономических показателей // Экономика региона. – 2012. – № 3. – С. 240–249.

9. Моисеева, Н. С., Кожина, Т. В. Учет и управление рисками коммерческой организации // Международный бухгалтерский учет. – 2015. – № 34. – С. 28–44.

10. Орлов, А. И. Многообразие рисков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 111. – С. 53–80.

11. Радзиховская, Л. М., Иващук, Е. В. Суть понятия «экономический риск»: ретроспектива и современность // Економічний часопис – XXI. – 2015. – № 7–8. – С. 4–7.

12. Архипова, Д. В. Управление рисками организации // Science Time. – 2014. – № 11 (11). – С. 13–19.

13. Соболева, Ю. П., Полякова, Т. В. Обзор методов оценки рисков предпринимательской деятельности // Тавриче-

ский научный обозреватель. – 2015. – № 3–1. – С. 33–37.

14. Рожков, Ю. В., Карпенко, Т. Г. Риск как категория экономики и таможенного дела // Сибирская финансовая школа. – 2015. – № 5. – С. 9–14.

15. Ковалев, Е. А. Экономический риск организации: идентификация и основные подходы к определению // Потребительская кооперация. – 2014. – № 4. – С. 48–52.

16. Боброва, Н. М. Основные подходы к определению и классификации рисков инновационной деятельности // Российское предпринимательство. – 2012. – № 8. – С. 44–48.

17. Советова, Е. А. Сущность риска как экономической категории // Бизнес-информ. – 2012. – № 3. – С. 12–16.

18. Качалов, Р. М. Управление хозяйственным риском. – М. : Наука, 2002.

Bibliographic list

1. Slobodyan, A. S., Bahteev, A. V. Research approaches to definition of risk as scientific category // Theoretical and applied aspects of modern science. – 2015. – № 8–6. – P. 173–176.

2. GOST R 51897-2011 / Guide 73:2009. Risk management. Terms and Definitions. – М. : Standartinform, 2012.

3. Risk Management Standards. Federation of European Risk Managers Associations [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.ferma.eu/app/uploads/2011/11/a-risk-management-standard-russian-version.pdf>.

4. Risk management organizations. integrated model. Summary. Conceptual Framework [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.coso.org>

5. Kravtsov, V., Sinyavskaya, T. Genesis of concept of risk in economic systems: new approach to definition // Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH). – 2010. – № 30. – P. 33–39.

6. Lopatnikov, L. I. Economics and Mathematics Dictionary: Dictionary of modern economic science. – М. : Delo, 2003.

7. Economic-mathematical encyclopedic dictionary / ed. by V. I. Danilov-Danilyan. – М. : Great Russian Encyclopedia : INFRA-M, 2003.

8. Bystrai, G. P., Lykov, I. A., Nikulin, N. L. Risk assessment and prediction of long time series of economic indicators // Region economy. – 2012. – № 3. – P. 240–249.

9. Moiseeva, N. S., Kozhinova, T. V. Accounting and risk management of commercial organization // International accounting. – 2015. – № 34. – P. 28–44.

10. Orlov, A. I. Variety of risks // Multidisciplinary network electronic scientific journal of Kuban State Agrarian University. – 2015. – № 111. – P. 53–80.

11. Radzikhovskiy, L. M., Ivashchuk, E. V. Essence of concept of «economic risk»: Past and Present // Economic chasopis – XXI. – 2015. – № 7–8. – P. 4–7.

12. Arkhipova, D. V. Risk management organization // Science Time. – 2014. – № 11. – P. 13–19.

13. Soboleva, Yu., Polyakova, T. Review of methods for assessing the risks of entrepreneurial activity // Tavricheskiy scientific observer. – 2015. – № 3–1. – P. 33–37.

14. Rozhkov, Yu., Karpenko, T. Risk as a category of economy and customs // Siberian financial school. – 2015. – № 5. – P. 9–14.

15. Kovaliov, E. A. Economic risk organizations: identification and basic approaches to the determination // Consumer cooperation. – 2014. – № 4. – P. 48–52.

16. Bobrova, N. M. Main approaches to definition and classification of risks of innovative activity // Russian Entrepreneurship. – 2012. – № 8. – P. 44–48.

17. Sovetova, E. A. Essence of risk as an economic category // Business Inf. – 2012. – № 3. – P. 12–16.

18. Katchalov, R. M. Management of economic risk. – М. : Nauka, 2002.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Приведены результаты определения профессиональных компетенций при применении интерактивных методов обучения в процессе повышения квалификации государственных гражданских служащих. Набор компетенций для эталона госслужащего обоснован с помощью построения модели повышения квалификации госслужащих как бизнес-процесса в сфере государственного управления на примере подразделения бухгалтерско-экономического центра управления образования города Ростова-на-Дону, работников различных подразделений Южного таможенного управления.

Ключевые слова

Повышение квалификации, государственные служащие, профессиональные компетенции, интерактивные образовательные технологии.

JEL: I20, J44

Alpatova E. A.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF BUILDING BUSINESS PROCESSES IN FIELD OF PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation

Article presents the results of determination of professional competence in application of interactive teaching methods in process of training state. Allocation of necessary professional competences was carried out with the aid of constructing a model of civil servants training as a business process in field of public administration, for example, data on activities of departments of accounting and economic center of education Department of education of Rostov-on-Don and of employees from various units of Southern Customs Department. Obtained results allow to form the required competence set the standard of a professional public servant, perfecting the direction process qualification.

Keywords

Professional development, civil servants, professional competences, interactive educational technologies.

Целью повышения квалификации в сфере государственного управления на формальном уровне является развитие и совершенствование профессионального роста госслужащих, как залога повышения эффективности деятельности госслужбы в будущем. В реальности данная цель реализуется лишь на начальном, зачастую, даже зачаточном уровне.

На основе полученных данных Департамента по Управлению образованием г. Ростова-на-Дону выделяется ряд следующих моментов:

– отсутствие компонента выявления потребности к обучению у госслужащих, направляемых на обучение по программам повышения квалификации, (а именно: в выявлении несоответствия

между требованиями государственной организации к профессиональным навыкам и знаниям своих работников и теми знаниями и навыками, которыми они обладают, что и формирует неэффективность механизма);

– форма направления госслужащего на повышение квалификации даже с отрывом от службы формальна, в реальности форма обучения «с отрывом от службы» по факту заменяется на обучение в процессе рабочего времени госслужащего, а затем (после окончания занятий) госслужащий должен отправляться на рабочее место и включаться в рабочий процесс до тех пор, пока все текущие дела (оконченного трудового дня) не будут выполнены;

– содержательное наполнение программ по повышению квалификации для госслужащих не привязано к формированию тех необходимых профессиональных компетенций, которые должны обеспечивать эталонное состояние деятельности госслужащего, обучающегося по программам повышения квалификации;

– получение навыков, которые (по мнению госслужащего) не выявлены в процессе организации обучения в качестве актуальных на его рабочем месте, снижают ответственность и уровень мотивации к обучению в процессе повышения квалификации.

На основе анализа результатов обратной связи в тренинговых сессиях с работниками таможенных органов и прочих исследований [1] ряд подразделений Южного таможенного управления (ЮТУ): отдел государственной службы и кадров, отдел таможенной статистики, отдел таможенных платежей, отдел валютного контроля, отдел таможенных процедур и таможенного контроля, отдел координации и применения системы управления риска, отдел таможенного контроля после выпуска товара, отдел информационной безопасности и технической защиты информации (в качестве

объектов производственной практики студентов Ростовского филиала РТА) подверглись управленческому анализу, с помощью которого был выявлен ряд ключевых проблем, а именно – были выявлены и названы такие проблемные моменты, как:

– жесткий авторитарный стиль управления руководителя;

– нарушение психологического климата в коллективе;

– невнимание руководителя к нематериальным мотивационным рычагам воздействия на персонал;

– обвальное количество задач при ограниченном временном ресурсе, приводящее к снижению качества выполнения поставленных задач;

– низкий уровень делегирования задач у руководителя;

– однообразная и рутинная деятельность, снижающая эффективность труда и пр.

На основе получения обратной связи в рамках проведения программы повышения квалификации у должностных лиц различных подразделений ЮТУ также были получены интересные результаты, подтверждающие ранее полученные, – диагностированы такие проблемные точки самими работниками ЮТУ, участвующими в процессе обучения, как:

– дублирование служебной информации и, как следствие, неэффективное распределение рабочего времени;

– снижение эффективности коммуникационного процесса;

– директивность стиля управления;

– недостаточное количество релевантной информации в процессе принятия решений;

– неэффективное распределение рабочего времени;

– нарушение организационной культуры;

– большой объем информации и задачи на одного работника при ограниченном временном ресурсе и пр.

При обследовании практикантами [1] не было выявлено отклонение в технологическом процессе, а основная масса диагностируемых метафорически нарушений была определена в сфере совершенствования внутренней среды ЮТУ, а именно среди таких компонентов внутренней среды, как:

- люди и организационная культура;
- сопоставление цели и формирование набора необходимых задач;
- связующий процесс принятия решений;
- коммуникационный процесс.

Полученные данные позволяют сформировать базис для набора необходимых профессиональных компетенций при наполнении программ повышения квалификации для формирования эталона.

Процесс повышения квалификации госслужащих следует рассматривать как процесс передачи новых профессиональных знаний, навыков или умений госслужащим с целью формирования актуальных компетенций, отвечающих вызовам агрессивной внешней среды, а также закрепленных в виде законодательной базы.

Предметом обучения в процессе повышения квалификации госслужащих являются:

- знания – теории и методики, необходимые госслужащему для эффективного выполнения своих должностных обязанностей;
- умения – функциональная способность качественно выполнять обязанности, закрепленные за госслужащим для выполнения должностных обязанностей;
- навыки – сформированная степень умения применения полученных знаний на практике, предполагающих такую меру освоения работы, вырабатываемую в осознанный самоконтроль;
- способы общения и поведения – совокупность действий и поступков государственного служащего в комму-

никационном процессе, выработка типа поведения, соответствующего требованиям, предписываемым должности госслужащего, а также уровень социальных отношений и коммуникабельности личности госслужащего в целом.

Профессиональная компетентность является интегральным показателем уровня квалификации и профессионального развития каждого госслужащего. Она складывается из определенных, заявленных на государственном уровне профессиональных, общепрофессиональных и общекультурных компетенций. Формирование профессиональной компетентности обусловлено целым набором специальных профессиональных и общекультурных знаний, навыков и опыта государственных служащих, полученных в процессе образования и самообразования, а также при непрерывном дополнительном образовании путем повышения квалификации на дополнительных профессиональных программах повышения квалификации государственных служащих.

При внедрении принципа бизнес-процессов (БП) в государственное управление каждая государственная организация столкнется с необходимыми изменениями в осознании и вариантах решения как существующих, так и возможных проблем при достижении собственных целевых ориентиров. На данном этапе, безусловно, возрастет и сама роль человеческих ресурсов государственной машины, и рассматриваться государственные служащие будут на уровне человеческого капитала при достижении конкретного, измеримого, достижимого и определенного во времени результата (по методике SMART), связанного определением и пониманием конкретной роли каждого как части бизнес-процесса государственного механизма управления.

При построении БП ключевым фактором всегда будет являться оптимизация всех видов ресурсов при одно-

временном повышении результативности работы, как коммерческой организации, так и организации в сфере госслужбы. В качестве ключевых целей при построении БП в госслужбе следует выделить следующие: четкое и всестороннее описание всех элементов процесса; комплексное рассмотрение процесса от начальной и до завершающей точки, что дает возможность проведения имитационного эксперимента, а именно оценки процесса, выявив его слабые и сильные точки (операции); подчинение всех операций процесса принципу нормирования. Для того чтобы добиться цели, она должна быть, прежде всего, конкретизирована, вследствие этого необходимы: разработка регламентов и правил действия для каждого госслужащего (что осуществлено в полной мере во всех подразделениях госслужбы); выстраивание взаимосвязей между точками БП, а также между всеми БП, т. е. логической связи между операциями БП, т. к. существует прямая

взаимосвязь между рациональным взаимодействием БП и эффективностью конечного результата деятельности организации, а затем и применение концептуальной модели повышения квалификации государственных служащих.

При рассмотрении представленной в текстовом оформлении модели бизнес-процесса на примере подразделения (отдел планирования и финансирования) административного департамента бухгалтерско-экономического центра управления образования г. Ростова-на-Дону на основе полученных данных за 2016 г. появляется возможность перейти к анализу полученной модели бизнес-процесса для данного подразделения (рис. 1), параллельно выявляя необходимые личные качества, базовые знания и навыки, формирующие профессиональные компетенции ответственных исполнителей для спецификации программы повышения квалификации госслужащих, участвующих в конкретном бизнес-процессе в дальнейшем [2].

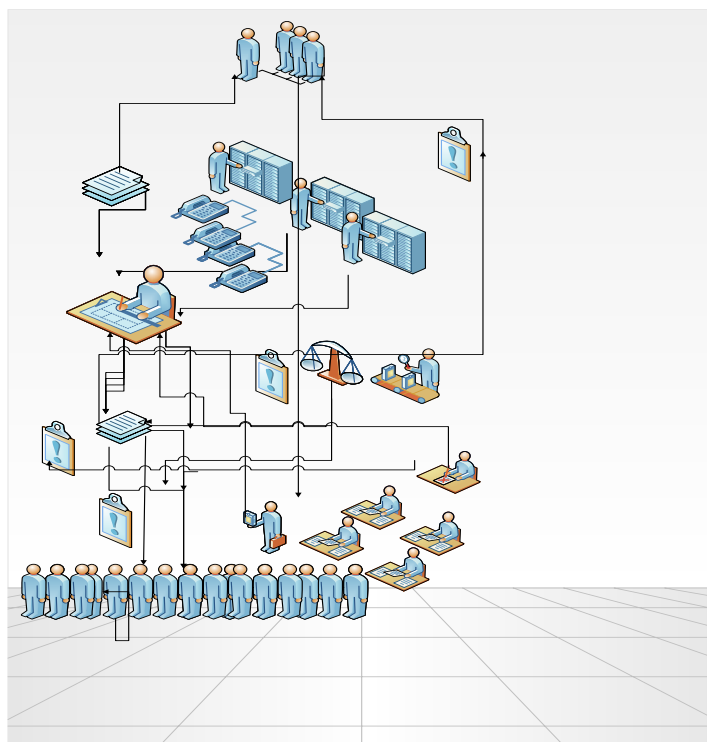

Рисунок 1 – Схематическая модель бизнес-процесса исследуемого объекта в сфере государственного управления

Рассмотрим некоторые (20 %) из основных элементов массива операций, исследуемого бизнес-процесса и соответствующие личные качества, знания, умения, навыки для их эффективного выполнения:

– подготовка материалов для установления тарифов на платные образовательные услуги (*личные качества, знания, умения, навыки*: аналитические способности, знания законодательства, бухгалтерские знания, навыки работы с массивами данных, навык работы со статистической информацией, навык работы с электронными таблицами, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность);

– согласование тарифных дел по платным образовательным услугам с департаментом экономики (*личные качества, знания, умения, навыки*: внимательность, организаторские способности, умение вести переговоры, знания законодательства, бухгалтерские знания, навыки работы с массивами данных, навык работы со статистической информацией, навык работы с электронными таблицами, деловой этикет, дипломатичность, коммуникабельность);

– формирование и согласование постановлений Администрации города об установлении тарифов на платные образовательные услуги (*личные качества, знания, умения, навыки*: аналитические способности, знания законодательства, бухгалтерские знания, навыки работы с массивами данных, навык работы со статистической информацией, навык работы с электронными таблицами, организаторские способности, умение вести переговоры, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, деловой этикет, дипломатичность, коммуникабельность);

– мониторинг ежеквартальных отчетов по предоставлению платных образовательных услуг в части расходования полученных доходов (*личные качества,*

знания, умения, навыки: аналитические способности, знания законодательства, бухгалтерские знания, навыки работы с массивами данных, навык работы со статистической информацией, навык работы с электронными таблицами, честность, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность, бесконфликтность);

– формирование бюджета по виду деятельности «Образование» в разрезе образовательных учреждений (*личные качества, знания, умения, навыки*: аналитические способности, знания законодательства, бухгалтерские знания, навыки работы с массивами данных, навык работы со статистической информацией, навык работы с электронными таблицами, честность, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность);

– формирование сводной кассовой заявки на финансирование субвенции на обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях (*личные качества, знания, навыки*: честность, аналитические способности, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность);

– формирование ежемесячного отчета об использовании средств субвенции на обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях (*личные качества, знания, навыки*: честность, аналитические способности, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность, бесконфликтность);

– учет плановых ассигнований, финансирования и исполнения средств субвенций в части средств на обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях в разрезе кодов бюджетной классификации и распорядителей бюджетных средств по виду деятельности «Образование» (*личные качества, знания, навыки*: честность, аналитические способности, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность, бесконфликтность);

– формирование, анализ, обработка статистической информации по сводным формам федерального статистического наблюдения за деятельностью общеобразовательных учреждений (ОШ-2) в соответствии с федеральным планом статистических наблюдений (*личные качества, знания, навыки*: честность, аналитические способности, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность, бесконфликтность);

– мониторинг ежеквартальных отчетов по предоставлению муниципальных услуг образовательными организациями в части финансовых затрат (*личные качества, знания, навыки*: честность, аналитические способности, аккуратность, внимательность, логическое мышление, ответственность, коммуникабельность, бесконфликтность).

Набор вышеперечисленных личностных качеств, навыков, знаний и умений для работников департамента образования г. Ростова-на-Дону формирует такие компетенции, соответствующие компетенциям, заявленные в учебном плане по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент», как: способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности (ОК-3); способность к

коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4); способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6); владение навыками поиска, анализа и использования нормативных и правовых документов в своей профессиональной деятельности (ОПК-1); способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность с позиций социальной значимости принимаемых решений (ОПК-2); способность проектировать организационные структуры, участвовать в разработке стратегий управления человеческими ресурсами организаций, планировать и осуществлять мероприятия, распределять и делегировать полномочия с учетом личной ответственности за осуществляемые мероприятия (ОПК-3); способность осуществлять деловое общение и публичные выступления, вести переговоры, совещания, осуществлять деловую переписку и поддерживать электронные коммуникации (ОПК-4); владение навыками составления финансовой отчетности с учетом последствий влияния различных методов и способов финансового учета на финансовые результаты деятельности организации на основе использования современных методов обработки деловой информации и корпоративных информационных систем (ОПК-5); владение различными способами разрешения конфликтных ситуаций при проектировании межличностных, групповых и организационных коммуникаций на основе современных технологий управления персоналом, в том числе в межкультурной среде (ПК-2); владение навыками анализа информации о функционировании системы внутреннего документооборота организации, ведения баз данных по различным показателям и формирования информационного обеспечения участников организационных проектов (ПК-11). Данное определение ряда компетенций характеризует вектор со-

держательного направления программ дополнительного образования госслужащих в процессе повышения квалификации как совпадающий, включающий элементы профессиональной подготовки потенциальных менеджеров с действующими госслужащими. При выполнении данного условия компетентный ряд будет формироваться в разрезе с необходимыми требованиями (согласно построению модели бизнес-процесса исследуемого объекта), обеспечивающими повышение эффективности деятельности госслужащего по окончании обучения.

Следует отметить, что вышеперечисленные компетенции, такие как: (ОК-4), (ОК-6), (ОПК-2), (ОПК-3), (ОПК-4), (ПК-2), (ПК-11) на основе получения обратной связи в тренинговом процессе и диагностирования элементов внутренней среды подразделений ЮТУ также являются актуальными для наполнения программ повышения квалификации должностными лицами ЮТУ, что формирует вектор универсальности при определении компетентного набора в процессе обучения по программам повышения квалификации работников сферы государственного управления.

УДК 336.71

Библиографический список

1. *Алпатова, Е. А.* Анализ результатов тренинговых сессий по применению метафорической диагностики состояния деятельности различных отделов таможенных органов // Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур : сб. материалов III Всеросс. науч.-практ. конф. – СПб., 2014. – С. 79–82.

2. *Alpatova, E. A.* Process of civil servants training in business process in field of public administration // Recent trend in Science and Technology management. – London, 2017. – P. 84–99.

Bibliographic list

1. *Alpatova, E. A.* Analysis of training sessions on use of metaphorical status diagnostics activities of various departments of customs authorities // Actual problems of psychological support of practical activities of power structures : Coll. of III scientific-practical. conf. – SPb., 2014. – P. 79–82.

2. *Alpatova, E. A.* Process of civil servants training in business process in field of public administration // Recent trend in Science and Technology management. – London, 2017. – P. 84–99.

Меликов Ю. И., Коновалов А. А.

ПУТИ УСИЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация

Рассматриваются вопросы усиления влияния банковской системы России на развитие АПК. Показаны возможные пути реформирования банковской системы, обоснованные необходимостью создания государственной финансово-кредитной агропромышленной корпорации в целях ускорения развития АПК РФ.

Ключевые слова

Банковская система, государственные финансово-кредитные корпорации, АПК, сельскохозяйственное предприятие, кредит, банк, процент.

WAYS TO STRENGTHEN THE INTERACTION BETWEEN BANKING SYSTEMS OF RUSSIAN FEDERATION AND AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Annotation

Discusses the growing influence of Russian banking system for development of agriculture. Shows the possible ways of reforming banking system, caused by the need to create state financial-credit agribusiness corporations to accelerate the development of Russian agribusiness.

Keywords

Banking system, public financial credit corporation, agriculture, agricultural business loan, bank, percentage.

В условиях обвала мировых цен на рынке энергоносителей (главного экспортного товара РФ), введения западными странами финансово-технологических санкций, а также контрсанкций РФ важными задачами являются вывод экономики России из кризиса, ускорение роста ВВП, обеспечение продовольственной независимости и безопасности страны на основе наращивания производства продовольствия (в сыром и переработанном виде), проведение политики импортозамещения и наращивания экспорта продукции агропромышленного комплекса. Важная роль в решении этих задач принадлежит банковской системе РФ и построению научно обоснованного механизма кредитования товаропроизводителей АПК. Эффективность воздействия банковской системы на развитие реального сектора экономики и АПК (как ее важнейшего сегмента) во многом зависит от ряда факторов: соответствия банковской системы структуре и отраслевому составу экономики; соответствия ресурсной базы кредитной системы объемам кредитных вложений, необходимых для обеспечения расширенного воспроизводства; соответствия денежно-кредитной политики целям и задачам роста экономики; наличия стратегических прави-

тельственных программ развития и соответствующих им приоритетных национальных проектов; доступности кредита для товаропроизводителей АПК; простоты и понятности для заемщиков механизма и условий кредитования; адекватного соответствия процентной политики финансово-экономическому состоянию и уровню рентабельности предприятия АПК как заемщика банковской системы; обеспечения действенного банковского контроля за сохранностью, целевым, эффективным использованием и возвратностью кредитов.

Возвратность кредита в сельском хозяйстве обеспечивается воспроизводственным характером жизнедеятельности растений и животных. Так, в растениеводстве урожайность зерновых в 30–40 раз превышает расход семян при посеве, а в свиноводстве одна свиноматка приносит приплод 8–14 поросят, в птицеводстве – 15–30 яиц в месяц от одной несушки (в зависимости от породы, времени года и условий содержания) и т. д. По этой причине бытующее представление о сельском хозяйстве как о «черной дыре» (при условии грамотного ведения аграрного производства) является ошибочным и вредным для хозяйственной практики. АПК является привлекательным субъектом для банков-

ского кредитования, способным обеспечить продовольственную безопасность страны, импортозамещение, нарастить экспортный потенциал.

При решении вопросов о выборе вектора и пути развития (трансформации) банковской системы РФ необходимо учитывать не только зарубежный, но и отечественный опыт, в том числе советского периода. Ссылка на использование так называемого международного опыта не выдерживает критики по следующим обстоятельствам. Во-первых, не существует универсального, единообразного международного рецепта по организации банковской системы и кредитованию АПК. Во-вторых, банковская система каждой страны имеет свои национальные специфические особенности. В-третьих, организация банковской системы должна отражать цели и задачи развития, особенности структуры экономики каждой страны, состава и потребностей потенциальных заемщиков, состояние денежного рынка страны и ресурсной базы банковской системы. В-четвертых, научно обоснованная организация банковской системы должна охватывать в своей деятельности все имеющиеся ниши денежного рынка, а также все категории кредиторов и заемщиков разных отраслей народного хозяйства: крупных, средних, мелких, мельчайших (в том числе КФХ и ЛПХ), разных форм собственности и организационно-правовых форм ведения хозяйства.

Отечественный опыт организации взаимодействия банковской системы с АПК показывает, что банковская система и механизм кредитования не оставались неизменными, а трансформировались в разные исторические периоды. На первом (дореволюционном) этапе система сельскохозяйственного кредита была представлена Дворянским и Крестьянским земельными банками. Первый решал задачу оказания финансовой помощи дворянскому сословию путем кредитования их хозяйств. Второй ока-

зывал помощь зажиточным крестьянам путем выдачи кредитов на покупку помещичьих земель и способствовал развитию капиталистического уклада в сельском хозяйстве России. Затем создаются коммерческие и региональные (земские) земельные банки, развивается кредитная кооперация, создаются кредитные союзы, а в 1911 г. кооперативный Московский народный банк. В 1911 г. средняя продолжительность кредита сельхозтоваропроизводителям в кредитных и ссудосберегающих товариществах составляла, соответственно, 10,1 и 9,6 месяца, а средний процент за кредит – 11,2 и 9 % годовых [2, с. 21–22].

Второй (послереволюционный) этап развития банковской системы был связан с воссозданием банковской системы страны (после ее фактической ликвидации в 1920 г.) в условиях перехода от политики военного коммунизма к НЭПу. В октябре 1921 г. создается Госбанк, в период 1922–1925 гг. создаются Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, Цескомбанк, формируется система сельскохозяйственного кредита в виде кредитных кооперативов, обществ взаимного кредита, Всекобанка, республиканских банков сельскохозяйственного кредита, а также Центрального сельскохозяйственного банка СССР. Кроме того, создаются сберегательные кассы.

Третий этап, связанный с трансформацией экономики страны, проведением коллективизации сельского хозяйства и индустриализацией страны (1927–1932 гг.), вызвал перестройку структуры банковской системы и сельскохозяйственного кредита. Произошло разграничение функций банков по текущей и инвестиционной деятельности. Госбанк стал центром краткосрочного кредитования сезонных и текущих эксплуатационных затрат государственных предприятий и колхозов. Ранее функционирующие Спецбанки были влиты в систему НКФ СССР и использовались для финансирования капитальных вложений.

Для обслуживания сельского хозяйства по финансированию капитальных вложений и его долгосрочному кредитованию был создан Банк финансирования социалистического земледелия (переименованный в Сельхозбанк). Кредитование осуществлялось под 8 % годовых. Таким образом, банковская система СССР в 1932 г. имела следующий вид: Госбанк СССР, Банк Внешней торговли, Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк, Цескомбанк (по финансированию коммунального и жилищного хозяйства). С 1936 г. по сельскохозяйственным ссудам установлена плата 3 % годовых [2, с. 142]. Четвертый этап (1959 г.) ознаменовался реорганизацией банков долгосрочных вложений (Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк, Цескомбанк) в единый Стройбанк СССР. Таким образом, с 1959 по 1986 г. банковская система СССР имела следующий вид: Госбанк СССР (текущее кредитование и расчетно-кассовое обслуживание предприятий), Стройбанк СССР (обслуживание строительных организаций, финансирование и долгосрочное кредитование предприятий), Внешторгбанк СССР (обслуживание внешне-экономической деятельности). К 1959 г. процентные ставки по кредитам снизились до 2 % годовых.

В 1980-х гг. учеными и практиками активно высказывалось мнение о необходимости слияния Стройбанка СССР с Госбанком СССР, создания единого банка в лице Госбанка СССР как центра не только краткосрочного, но и долгосрочного кредитования и финансирования всех предприятий и отраслей народного хозяйства. Эти предложения полностью соответствовали изложенному В. И. Лениным положению о роли банков и банковской системы в условиях социализма: «капитализм создал аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, служащих. Без крупных банков социализм был бы неосуществим». «Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам ну-

жен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсеять то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственных банков, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике – это уже девять десятых социалистического аппарата. Это – общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества» [3, с. 260]. Однако дальнейшее развитие банковской системы (пятый этап) пошло по другому сценарию. По инициативе руководителя Стройбанка СССР был подготовлен проект по реформированию банковской системы путем лишения Госбанка СССР функций непосредственного кредитного и расчетно-кассового обслуживания предприятий, которые передавались вновь созданным специализированным государственным банкам. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 821 от 17.07.1987 «О совершенствовании банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики» были созданы Промстройбанк СССР, Агропромбанк СССР, Жилсоцбанк СССР, Сберегательный банк СССР. Вся клиентура была распределена между этими банками по отраслевой принадлежности. Таким образом, кредитование сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий АПК на текущие и инвестиционные цели было сконцентрировано в одном банке. В 1988 г. начался процесс создания коммерческих банков. Постановлением Совмина СССР № 1061 от 01.09.1988 «Об утверждении устава Госбанка СССР» зафиксировано, что «Госбанк СССР регулирует деятельность специализированных, коммерческих, акцио-

нерных, кооперативных банков и других кредитных учреждений в СССР». С этого момента начался процесс постепенного формирования двухуровневой банковской системы с участием коммерческих банков разных форм собственности и организационно-правовых форм.

Взаимодействие банковской системы СССР с АПК в период 1970–1980 гг. характеризуется кредитованием под низкие процентные ставки (1–3 % годовых) по плановым кредитам и повышенным процентным ставкам по непогашенным в срок (просроченным) кредитам. В этот период широкое развитие приобретает кредитование агропромышленных предприятий плодоовощеконсервного и виноградарско-винодельческого направления. В 1974 г. проводится эксперимент по централизованному кредитованию Чечено-Ингушского агропромышленного объединения «Консервплодоовощ», включающего в свой состав 3 консервных завода, 8 совхозов и горплодоовощторг г. Грозного. В 1985 г. в порядке эксперимента создается территориальное районное АПК «Кубань» Тимашевского района Краснодарского края (объединившее все предприятия на его территории), которое строит свои кредитно-расчетные отношения с Госбанком СССР на централизованной основе. Централизованным заемщиком выступает АПК в целом по всем видам деятельности. В свою очередь, в рамках АПК создается ФРЦ (финансово-расчетный центр), фактически являющийся внутренним банком комплекса. Всем предприятиям АПК в ФРЦ открываются расчетные и ссудные счета, на которых отражаются операции по выдаваемым и погашаемым кредитам, а также внутренним расчетам между предприятиями. Расчеты с внешними контрагентами осуществляются от лица АПК «Кубань». Затем этот опыт распространяется на всю территорию страны, и к 1989 г. в России функционировало свыше 100 территориальных агропромышленных формирований (АПК и АПО).

Этот период характеризуется тесным взаимодействием Госбанка СССР, а затем Агропромбанка СССР с агропромышленным комплексом СССР.

Следующий этап развития банковской системы РФ (1992 г.) был связан с переходом к рыночной (капиталистической) экономике. Этот переход характеризуется следующим: либерализацией цен и их анархией; разрывом хозяйственных связей, сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий; расформированием территориальных агропромышленных формирований; усилением диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию; уходом государства от реальной финансово-кредитной поддержки предприятий АПК; экстренной приватизацией промышленных предприятий и ускоренном расформировании крупных сельскохозяйственных организаций (колхозов, совхозов), созданием на их основе крестьянско-фермерских хозяйств и их ассоциаций; стремительным ростом цен на энергоносители и перевозки; передачей приватизированных предприятий не эффективным собственникам, а случайным, приближенным к руководству страны и регионов людям, а также ОПГ, принявшим активное участие в разделе государственной собственности, созданной трудом сотен миллионов граждан в течение 75 лет существования СССР; ростом процентной ставки по кредитам до ростовщического уровня; недостатком государственных финансовых ресурсов, а также кредитных ресурсов у банковской системы. Этот этап характеризуется стремительным ростом количества коммерческих банков с 1992 по 1995 гг. (табл. 1) с 1215 до 2517 (более чем в 2 раза). С 1995 г. количество банков снизилось до 1668 в 2004 г., до 1136 в 2008 г. Особенно интенсивное снижение количества банков в РФ происходило с 2014 по 2017 г., когда их численность сократилась с 923 до 623.

Таблица 1 – Характеристика роста количества коммерческих банков, 1992–1995 гг.

Год	Единиц	Год	Единиц	Год	Единиц
1992	1215	2004	1668	2014	923
1995	2517	2008	1136	2015	834
1999	2198	2012	978	2016	733
2000	2378	2013	956	2017	623

Анализ структуры кредитной системы РФ за последние годы (табл. 2) показал, что количество кредитных организаций снизилось на 34,8 %, в том числе банков – на 35,9 %, небанковских кредитных организаций – на 18,7 %.

Следует особо отметить опережающее снижение количества филиалов кредитных организаций в РФ на 53,3 %, что свидетельствует об ухудшении банковского обслуживания юридических и физических лиц.

Таблица 2 – Структура банковской системы РФ в 2013–2017 гг., на начало года

Показатели	2013	2015	2017	2017/2013 (+/-)
Кредитные организации	956	844	623	-34,80 %
в том числе:				
Банки	897	783	575	-35,90 %
Небанковские	54	51	48	-18,70 %
Филиалы кредитных организаций	2349	1708	1048	-53,30 %

Анализ динамики кредитных вложений в кризисный период показал, что их объем с начала 2015 г. снизился с 40,4 до 36,4 трлн руб. Вместе с тем за этот период объем ВВП в действующих ценах вырос с 66,2 до 85,4 трлн руб. (табл. 3). В результате имеет место сокращение доли

кредитов к ВВП с 57,2 до 43 %. Одновременно вырос объем ВВП на рубль кредитных вложений с 1,639 до 2,346 руб. Однако это не является показателем эффективности кредита, т. к. объем ВВП в постоянных ценах в течение последних лет не рос, а снижался.

Таблица 3 – Динамика и соотношение кредитных вложений и ВВП РФ, трлн руб.

Показатели	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017
Кредиты	32,5	40,4	35,2	36,4
ВВП	66,7	66,2	71,4	85,4
Кредиты к ВВП, в %	40,0	57,2	49,3	43,0
ВВП на 1 руб. кредитов	2,52	1,639	2,028	2,346

Это является следствием проводимой государством рестрикционной денежно-кредитной политики, направленной на сдерживание роста денежной массы, ограничение объема и удорожание кредитов экономике. Наиболее правильной в современных кризисных условиях является экспансионистская денежно-кредитная политика, направленная на рост в экономике объемов денежной массы и кредитов, снижение процентной ставки по ним.

Анализ государственной денежно-кредитной и банковской политики в аграрной сфере в течение 1922–2016 гг. показал следующее.

В период НЭПа проводилась политика финансово-кредитной поддержки единоличных хозяйств (прежде всего середняков и бедняцких), роста объема производства продовольствия и денежных накоплений, стимулирования развития снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации. В период перехода от НЭПа к

коллективному сельскому хозяйству государственная политика была направлена на стимулирование образования и деятельности колхозов и совхозов, на первоочередное удовлетворение их потребности в денежных и кредитных ресурсах, а также на вытеснение кулацких хозяйств. В течение второй пятилетки (1933–1937 гг.) финансово-кредитная политика направлена на рост технической оснащенности, рентабельности и укрепление хозрасчета социалистических сельскохозяйственных предприятий. В результате перехода к рынку (после 1991 г.) был взят курс на расформирование крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). В результате реформирования колхозно-совхозной системы в РФ в 1990-е гг. сложилась многоукладная экономика, включающая мелкие хозяйства граждан, КФХ, средние и крупные предприятия разных форм собственности и организационно-правовых форм. Была решена проблема создания массовой политической опоры Правительства РФ в виде большого числа собственников, заинтересованных в развитии рыночной экономики. Для стимулирования этого процесса активно использовали процентную политику по банковским кредитам. Так, сельхозпредприятия в 1992 г. платили 28 % годовых, а КФХ – 8 %. В 1993 г. установлена ставка 28 % для всех категорий хозяйств, а с 1994 кредиты стали выдаваться уже по ставке рефинансирования ЦБ РФ. Однако государство не смогло обеспечить стабильную финансово-кредитную поддержку аграрного сектора, который кредитовался множеством мелких и средних банков по высоким процентным ставкам (размер ставки рефинансирования 1992–1993 гг. составлял 20–180 %, а в 1994 г. – 130–210%) [14, с. 210]. При дефиците денежных средств в экономике РФ и кредитных ресурсов у коммерческих банков 1994–1995 гг. начата практика товарного кредитования сельхозтоваропроизводителей (ГСМ, удобрения, посевной материал и т. д.).

Либерализация цен при их бесконтрольном росте на поставляемые сельскому хозяйству производственные ресурсы и значительном отставании закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию привела к тому, что с 1991 г. цены на ресурсы возросли в 4200 раза, а на сельхозпродукцию – в 1200. К 1994 г. сельскохозяйственное производство в целом стало нерентабельным. В 1995 г. число убыточных хозяйств превысило 2/3, а сумма их убытков – 6,7 трлн руб. На начало 1995 г. кредиторская задолженность сельхозпредприятий составляла 21 трлн руб., в том числе по кредитам банков – 11,7 трлн руб., а на начало 1996 г. – соответственно 58,1 и 27,8 трлн руб. По сравнению с 1991 г. цены на промышленную продукцию в 1992 г. возросли в 16,2 раза, а на продукцию сельского хозяйства – в 8,6, в 1993 г., соответственно, в 173 и 69 раз, в 1994 г. – 728 и 209 и в 1995 г. – в 2330 и 752 раза. Финансовые потери сельского хозяйства от диспаритета цен за 1991–1995 гг. превысили 185 трлн руб. [1, с. 110–116]. Общее снижение объемов производства сельского хозяйства РФ в 1990–1998 гг. составило 44 %, а пищевой промышленности – 42,2 % [13, с. 292].

С 1996 г. Агропромбанк начал кредитование сельского хозяйства под гарантии государства. После отказа государства от обязательств перед Агропромбанком последний был слит со Столичным Банком Сбережений (СБС), сформировался АКБ «СБС-АГРО». Этот банк осуществлял денежное и вексельное кредитование заемщиков, а с 1997 г. кредитование сельского хозяйства стало осуществляться из специального фонда льготного кредитования (бюджетные средства) под $\frac{1}{4}$ ставки рефинансирования ЦБ РФ, увеличенной на маржу банку на 4 %, а с 1998 г. – на 3 %. Кроме «СБС-АГРО» уполномоченными по кредитованию АПК из этого фонда являлись еще 11 крупнейшими банками РФ. Таким образом, льготное кредитование предприятий АПК осуществля-

лось двенадцатью крупнейшими кредитными организациями РФ, а кредитование вне льготных условий – множеством средних и мелких региональных банков. После финансово-банковского кризиса 1998 г. и банкротства многих крупных уполномоченных банков (в том числе «СБС-АГРО») в 2000 г. был образован государственный Россельхозбанк РФ с региональными филиалами. Последний и Сбербанк стали крупнейшими кредиторами АПК РФ. Для обеспечения доступности кредита, вплоть до конца 2016 г., применялся механизм возмещения заемщикам из бюджета части ставки рефинансирования. Этот механизм удешевлял процентные расходы заемщиков, однако имел существенные недостатки, связанные с последующим характером получения возмещения и сложной его процедурой. Усиление финансово-кредитной поддержки в связи с принятием и исполнением в 2006–2007 гг. Приоритетного Национального Проекта «Развитие АПК» позволило осуществить перелом в развитии АПК. Объем сельскохозяйственного производства в 1999–2007 гг. вырос на 39,7 %, а пищевой промышленности – на 78,9 % [13, с. 292].

В рамках вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) 14 июля 2012 г. было принято Постановление Правительства РФ № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.». Его основная цель – обеспечение продовольственной независимости РФ и повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках. Распоряжением Правительства РФ № 1948-р от 02.10.2014 «Об утверждении плана мероприятий («дорожная карта») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг.» внесены изменения в документы, регулирующие обеспечение продовольствен-

ной безопасности страны, развитие сельского хозяйства и др. После внесения изменений в Постановление Правительства РФ № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» основной целью программы стало ускорение импортозамещения в отношении мяса, молока, овощей, семенного картофеля и плодово-ягодной продукции. Изменились также задачи Программы и объем бюджетных ассигнований. В условиях санкций требуется серьезная финансовая поддержка отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей. По мнению экспертов, до 2020 г. Программа импортозамещения основных видов продовольствия потребует 636 млрд руб. Реализация Программы импортозамещения к 2020 г. обеспечит увеличение производства сельскохозяйственной продукции, снижение зависимости рынка продовольствия РФ от импортных поставок в несколько раз.

Решение задачи продовольственной независимости требует концентрация финансовых кредитных ресурсов и перестройки структуры банковской системы РФ. Объективные возможности обеспечения продовольственной независимости и безопасности РФ связаны с тем, что Россия занимает первое место в мире по площади и качеству сельскохозяйственных земель, которые являются главным средством производства в сельском хозяйстве. Однако технологии, используемые в сельском хозяйстве РФ (в т. ч. селекционное семеноводческое и племенное дело), являются фактором, тормозящим развитие аграрного сектора, импортозамещение, рост экспорта и конкурентоспособности отечественного продовольствия.

Структура банковской системы РФ (включающая множество мелких, частных и государственных крупных многофилиальных банков) нуждается в

совершенствовании и трансформации в направлении секторального закрепления банков за основными отраслями реального сектора экономики: АПК, промышленности, инфраструктуры страны. Расчистка банковского сектора в форме отзыва лицензий банков вызывает потери оборотных средств малого и среднего бизнеса, хранившиеся на их расчетных счетах. При выявлении нарушений и преступлений в банковской сфере материальная ответственность за нанесенный вред и убытки должна ложиться не на клиентов банков, а на ответственных лиц, виновных в этих нарушениях (преступлениях), и предусматривать полное возмещение последними нанесенного ущерба. Такие банки нужно не закрывать и ликвидировать, а превращать в отделения и дополнительные офисы крупных коммерческих банков с передачей последним клиентуры.

Основными проблемами в деятельности российских банков являются кризис ликвидности, невозврат кредитов, распространенность кредитования связанных с банком лиц, недобросовестная деятельность заемщиков, снижение рентабельности банковского бизнеса, факты мошенничества и участие в отмывании денег.

Проблемными вопросами, тормозящими развитие банковской системы РФ, являются: фактор неопределенности и макроэкономической нестабильности в народном хозяйстве; низкий уровень монетизации экономики, ограничивающий ресурсную базу коммерческих банков для осуществления кредитных вложений; низкая капитализация банковской системы, связанная с направлением прибыли банков не на увеличение уставного капитала, а на выплату дивидендов акционерам; слабая ресурсная база коммерческих банков, препятствующая инвестиционному кредитованию на цели модернизации и технического перевооружения предприятий; недостаточная прозрачность банковской деятельности, факты осуществления незаконных операций, в

том числе по отмыванию денег и вывозу капитала за рубеж; неравномерность регионального размещения банков и их филиалов; необоснованно высокие выплаты руководителям и ТОП-менеджерам, снижающие рентабельность банковской деятельности; подрывающие доверие клиентов факты мошенничества работников банка; отсутствие нормативных актов, регулирующих распределение прибыли банков и предприятий, тормозящее наращивание ими собственного капитала; умышленные банкротства в пользу банка или иных заинтересованных лиц, а также рейдерские захваты предприятий; контроль криминальных элементов над частью банков РФ; проведение спекулятивных операций банков на финансовом рынке в ущерб развитию реального сектора экономики. Серьезным препятствием для развития реального сектора экономики являются высокие процентные ставки по банковскому кредиту. Они значительно превышают уровень рентабельности в большинстве предприятий основных отраслей экономики, в том числе АПК, приводят к утрате их собственных оборотных средств [10, с. 184].

Мы подчеркиваем позицию профессора Ю. И. Меликова о направлениях дальнейшего развития банковской системы РФ, в том числе АПК [10, с. 185–186]. По его мнению, необходимо в структуре банковской системы РФ сформировать три государственных финансово-кредитные корпорации, ответственные за развитие основных отраслей реального сектора экономики: агропромышленную финансово-кредитную корпорацию; промышленно-технологическую финансово-кредитную корпорацию; инфраструктурную финансово-кредитную корпорацию. Первая специализируется на комплексном кредитно-расчетном обслуживании сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, элеваторов, холодильников, хранилищ, оптово-розничной торговой сети. Осуществляет их кредитование под 1–3 % годовых из Специального Фонда Антикризисного

Льготного Кредитования (СФАЛК) [12, с. 163–164; 7, с. 40–41]. Вторая – на обслуживании отраслей промышленности, транспорта, строительства, новых технологий и т. д. Третья – на обслуживании ЖКХ, строительства коммуникаций, дорог, мостов, железнодорожных вокзалов, аэропортов, газо-водоснабжения и т. д. Эти финансово-кредитные корпорации должны быть многофилиальными (иметь филиалы во всех регионах страны), осуществлять кредитно-расчетное обслуживание всех технологических взаимосвязанных по вертикали предприятий по принципу кредитного конвейера. Так, в АПК выдача кредита каждому звену (например, перерабатывающему предприятию) будет означать погашение ссудной задолженности предшествующим звеном (сельскохозяйственным предприятием) и т. д. Кроме того, обслуживание взаимодействующих предприятий в одной многофилиальной кредитной организации сохраняет ее ресурсную базу, т. к. при расчетах между предприятиями уменьшение денежных средств на расчетном счете предприятия-плательщика в первом филиале вызывает соответствующее их увеличение на расчетном счете предприятия-получателя в другом филиале, не меняя общего их объема в целом по кредитной организации.

Практическая реализация рассмотренных мер по развитию и трансформации банковской системы РФ будет способствовать усилению ее взаимодействия с АПК и росту производства отечественного продовольствия.

Библиографический список

1. *Вовченко, Н. Г.* Проблемы стабилизации финансового положения на предприятиях АПК // Рыночная экономика и финансово-кредитные отношения : уч. зап. – Ростов н/Д, 1997. – Вып. 3.
2. *Выносов, М.* Сельскохозяйственный кредит. – М., 1938.

3. *Ленин, В. И.* Удержат ли большевики государственную власть // Полное собрание сочинений. – Т. 21.

4. *Меликов, Ю. И.* О денежно-кредитном механизме АПК РФ // Рыночная экономика и финансово-кредитные отношения. – Ростов н/Д, 1997. – Вып. 3.

5. *Меликов, Ю. И.* Антикризисный потенциал кредита // TERRA ECONOMICUS. – 2009. – № 2. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 79–83.

6. *Меликов, Ю. И.* Влияние сезонных факторов на кругооборот капитала и организацию финансово-кредитных отношений АПК // Вестник РГЭУ (РИНХ). – 2011. – № 3. – С. 93–103.

7. *Меликов, Ю. И.* Кругооборот капитала в АПК РФ и кредит // Финансовые исследования. – 2011. – № 1 (30). – С. 34–41.

8. *Меликов, Ю. И.* О необходимости усиления роли кредита в формировании оборотных средств предприятий АПК // Финансовые исследования. – 2010. – № 3 (28). – С. 90–97.

9. *Меликов, Ю. И.* Проблемы реформирования банковской системы РФ и механизма кредитования // Реструктуризация экономики России. – Ростов н/Д, 2001.

10. *Меликов, Ю. И.* О выборе вектора развития банковской системы РФ, влияющего на экономический рост // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности : сб. науч. трудов. – Краснодар, 2017.

11. *Меликов, Ю. И.* Продовольственная безопасность и необходимость инновационного механизма АПК // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – № 3. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 60–64.

12. *Меликов, Ю. И.* Финансово-кредитное воздействие на развитие АПК в условиях ВТО // TERRA ECONOMICUS. – 2013. – № 3. – Т. 11. – Ч. 3. – С. 160–164.

13. *Назаренко, В. И.* Теоретические основы аграрной политики на западе и Россия. – М., 2009.

14. *Полищук, А. И.* Кредитная система // Финансы и статистика. – М., 2005. – С. 215.

Bibliographic list

1. *Vovchenko, N. G.* Problems of stabilization of financial position at agrarian and industrial complex enterprises // Market economy and financial and credit relations. – Rostov-on-Don, 1997. – Issue 3.

2. *Vynosov, M.* Agricultural credit. – M., 1938.

3. *Lenin, V. I.* Whether Bolsheviks will hold government // Complete works. – T. 21.

4. *Melikov, Yu. I.* O monetary and credit mechanism of agrarian and industrial complex of Russian Federation // Market economy and financial and credit relations. – Rostov-on-Don, 1997. – Issue 3.

5. *Melikov, Yu. I.* Anti-recessionary potential of credit // TERRA ECONOMICUS. – 2009. – № 2. – Т. 7. – P. 2. – P. 79–83.

6. *Melikov, Yu. I.* Influence of seasonal factors on circulation of capital and organization of financial and credit relations of agrarian and industrial complex // Vestnik of RSUE (RINH). – 2011. – № 3. – P. 93–103.

7. *Melikov, Yu. I.* Circulation of capital in agrarian and industrial complex of Russian Federation and credit // Financial researches. – 2011. – № 1 (30). – P. 34–41.

8. *Melikov, Yu. I.* Need of strengthening of role of credit for formation of cur-

rent assets of agrarian and industrial complex enterprises // Financial researches. – 2010. – № 3 (28). – P. 90–97.

9. *Melikov, Yu. I.* Problems of reforming of banking system of Russian Federation and mechanism of crediting // Restructuring of economy of Russia. – Rostov-on-Don, 2001.

10. *Melikov, Yu. I.* On choice of vector of development of banking system of Russian Federation influencing economic growth // Global economy in XXI century: dialectics of confrontation and solidarity. – Krasnodar, 2017.

11. *Melikov, Yu. I.* Food security and need of innovative mechanism of agrarian and industrial complex // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – № 3. – Т. 9. – P. 2. – P. 60–64.

12. *Melikov, Yu. I.* Financial and credit impact on development of agrarian and industrial complex in conditions of WTO // TERRA ECONOMICUS. – 2013. – № 3. – Т. 11. – P. 3. – P. 160–164.

13. *Nazarenko, V. I.* Theoretical bases of agrarian policy in West and Russia. – M., 2009.

14. *Polishchuk, A. I.* Credit system // Finance and statistics. – M., 2005. – P. 215.

УДК 336.14

Рукина С. Н., Самодурова В. Н.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Аннотация

Использование общенаучных методов познания позволило выделить организационно-методические проблемы оценки эффективности государственных программ, подчеркнуть их дискуссионный характер. В статье предлагается доработать понятийный аппарат и типовую методику оценки эффективности государственных программ, проводить их мониторинг, что повысит качество и открытость программного бюджета. Результаты исследования расширяют теоретические представления о государственных финансах и могут использоваться при разработке государственной бюджетной политики.

Ключевые слова

Программный бюджет, бюджетная программа, эффективность бюджетных расходов, типовая методика, индикаторы.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUDGET EXPENDITURES AIMED AT IMPLEMENTING STATE PROGRAMS

Annotation

Use of general scientific methods of cognition has made it possible to identify the organizational and methodological problems of evaluating the effectiveness of state programs, to emphasize their controversial nature. Article proposes to refine the conceptual apparatus, and a typical methodology for assessing the effectiveness of state programs, to monitor them, which will improve the quality and openness of the program budget. Results of research expand the theoretical understanding of public finances and can be used in development of state budgetary policy.

Keywords

Program budget, budget program, efficiency of budget expenditures, standard methodology, indicators.

Внедрение в бюджетный процесс государственных программ требует эффективного планирования расходов бюджета, так как с помощью программ увязываются цели главных распорядителей бюджетных средств с имеющимися ресурсами, повышается прозрачность и ответственность в использовании бюджетных ассигнований. Однако, этого недостаточно для достижения заданных целевых индикаторов (показателей). При исполнении бюджета в программном формате важны не только объемы использованных финансовых ресурсов, но и оценка эффективности расходования бюджетных средств на реализацию государственных программ. Оценка можно определить как анализ государственной программы, направленный на выявление результатов ее реализации, которые можно сравнить с определенными критериями. В современных условиях ограниченности финансовых ресурсов необычайную актуальность приобретает проблема качественного улучшения государственных программ.

Нам представляется в первую очередь обратиться к понятийному аппарату. Изучение зарубежного опыта позволило отметить различные подходы к трактовке сущности программ в странах

с развитой бюджетной системой. Программы рассматриваются как «фонд», «организация», «статья бюджетных расходов», «комплекс взаимосвязанных действий и функций», что приводит к использованию различных моделей программного бюджета: ориентированных на непосредственные результаты или ориентированных на конечные результаты с учетом национальных особенностей. Так, в Канаде под программой понимается вид бюджетных расходов, имеющих общую цель и выделяемые как объект голосования в Парламенте. В Австралии бюджетная программа представляет совокупность деятельности, направленной на оказание конкретной услуги, предоставление трансферта или иной выгоды получателю с целью достижения установленного документом определенного результата [1, 18–19].

В России определение государственной программы содержится в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации»: «Государственной программой является система мероприятий (взаимосвязанных по задачам, срокам

осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности» [16].

Изучение экономической литературы свидетельствует о необходимости трактовки в российской законодательстве бюджетной программы, отказавшись от понятий «государственная программа» и «муниципальная программа», основываясь на их назначении, целеполагании, многоотраслевом характере, взаимосвязи со стратегией развития территории [2, с. 59]. По нашему мнению, бюджетная программа – это стратегический документ, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и финансовым ресурсам (бюджетным и внебюджетным), обеспечивающим достижение целей социально-экономического развития территорий.

На сегодняшний день, в российской практике единого понятия «эффективность бюджетных средств» нет, как и нет критериев, с помощью которых можно судить об эффективности расходов в рамках программного бюджета.

Рассмотрим основные понятия эффективности бюджетных средств.

Закрепленный статьей 34 Бюджетного кодекса РФ принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов различных уровней участники бюджетного процесса должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема бюджетных средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности). Такой подход свидетельствует о тесной

взаимосвязи между собой экономности и результативности, но при этом отражает различные стороны эффективности бюджетных расходов. Результативность рассматривается как достижение наилучшего, а не запланированного результата. Следовательно, при повышении эффективности бюджетных расходов должно улучшаться и качество государственных услуг. Таким образом, проблема эффективного использования бюджетных средств остается одним из важных приоритетов бюджетной политики страны, его оценка рассматривается как одна из стадий управления ограниченными бюджетными ресурсами.

По мнению И. А. Аветисян, эффективность бюджетных средств характеризуется достижением количественно измеримых результатов деятельности администраторов бюджетных средств с одновременным их мониторингом и контролем, обеспечивающих повышение качества внутренних процедур бюджетного планирования и финансового менеджмента [3. С. 14-15].

Р. А. Аландаров и К. О. Тархановский трактуют эффективность расходов более широко, понимая под ней совокупность трех динамических составляющих: результативность, рентабельность, экономность. Результативность расходов, представленная как интегральный показатель полезных результатов, полученных при осуществлении бюджетных затрат, характеризует степень их роста при выполнении государственной программы, отдельной ее подпрограммы и конкретных мероприятий в текущем году в сопоставлении с базовым периодом. Рентабельность расходов отражает отношение динамики результатов (результативности) к динамике затрат конкретной государственной программы или ее подпрограммы. Экономность расходов, исчисленная как соотношение фактически полученной рентабельности к ее плановому показателю, свидетельствует о степени выполнения

государственной программы, включая соответствие фактического показателя отдачи от запланированной величины.

Важно отметить, что рост (или снижение) эффективности расходов бюджета на реализацию государственной программы, подпрограммы или отдельного мероприятия определяется только по совокупности изменений трех показателей: результативности, рентабельности и экономности расходов. Предложенный подход позволяет рассматривать эффективность бюджетных расходов как систему индикаторов, отражающих одновременно в текущем финансовом году по сравнению с плановым: рост результатов, увеличение рентабельности, повышение (или сохранение на прежнем уровне) экономности расходов [4, с. 39–40].

Основываясь на теории экономики общественного сектора, которое рассматривает эффективность как соотношение достигнутых результатов и объемов использованных ресурсов (финансовых, трудовых, административных, прочих), считаем целесообразным в программном бюджетировании эффективность бюджетных расходов определять сопоставлением достигнутых результатов деятельности, мероприятий государственных программ и затраченных бюджетных средств. Сложность оценки эффективности заключается в том, что результаты и затраты измеряются в разных показателях. Объем затрат всегда оценивается в стоимостном выражении, как объем бюджетных ресурсов, которым управляет главный распорядитель бюджетных средств. Результаты характеризуют индикаторы государственной программы, отражающие уровень реализации поставленной цели. Следовательно, оценить эффективность государственной программы можно на основе:

- достижения установленных (запланированных) индикаторов с помощью предусмотренных программой мероприятий;

- освоения объема бюджетных ресурсов, необходимого для достижения поставленной цели.

В результате, государственная программа будет являться эффективной, если запланированные индикаторы достигнуты, при этом был использован минимально необходимый объем бюджетных средств.

Следует обратить внимание, что в современных условиях формируется в соответствии с Программой повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г. система анализа эффективности бюджетных расходов на всех стадиях бюджетного процесса на основе следующих базовых подходов:

- сопоставимость объекта анализа;
- оценка всей совокупности финансовых, административных и иных ресурсов;
- независимость оценки;
- публичность и общедоступность промежуточных и итоговых результатов анализа;
- учет результатов анализа эффективности бюджетных расходов для будущих бюджетных циклов [17].

В настоящее время не предусмотрено нормативными правовыми актами проведение оценки результативности бюджетных расходов. В бюджетном законодательстве и законодательстве о стратегическом планировании речь идет об оценке эффективности государственных программ, которая включает оценку степени достижения запланированных результатов и социально-экономических эффектов от их реализации.

На федеральном уровне действует Постановление Правительства РФ «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ» № 588 от 02.08.2010 [16] и Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвер-

жденные приказом Министерства экономического развития Российской Федерации № 582 от 16.09.2016 [18]. Порядком разработки, реализации и оценки эффек-

тивности государственных программ предусмотрено проведение планируемой и регулярной оценки эффективности государственных программ (рис. 1).

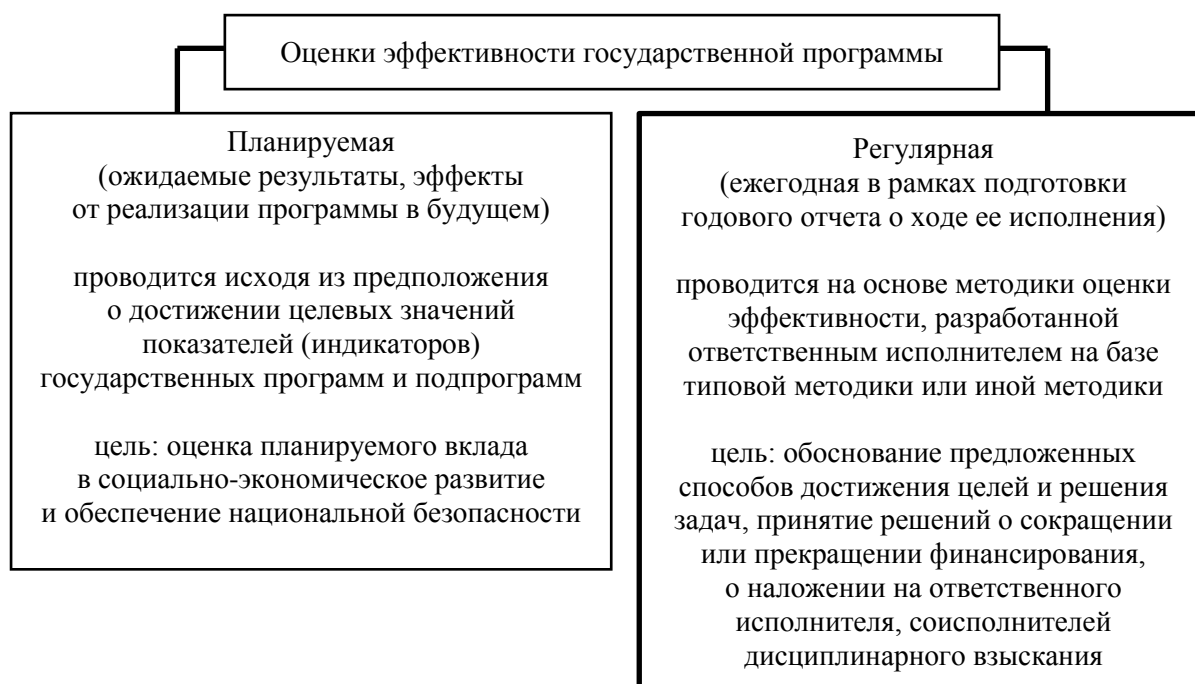

Рисунок 1 – Планируемая и регулярная оценки эффективности государственных программ

Методическими указаниями по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации утверждена типовая методика оценки эффективности бюджетных расходов, представляющая собой алгоритм определения фактической эффективности реализованной государственной программы и базирующаяся на определении ее результативности с учетом объема выделенных и профинансированных бюджетных средств. Разработанная ответственным исполнителем методика эффективности используется в целях внутреннего контроля за исполнением хода реализации государственной программы.

Типовая методика оценки эффективности государственной программы, предполагает использование следующих критериев:

- степень достижения ее целей и решения задач;

- степень достижения показателей (индикаторов), входящих в нее подпрограмм;

- степень соответствия запланированному уровню затрат и эффективности использования средств федерального бюджета;

- иные направления оценки эффективности, учитывающие отраслевую специфику государственной программы [18].

На наш взгляд, недостатками типовой методики являются следующее. Во-первых, она основана на план-факторном анализе, характеризующим только исполнительскую дисциплину. Во-вторых, ответственные исполнители самостоятельно устанавливают показатели, которые могут быть занижены, необъективны. В-третьих, она не отражает оперативную (текущую) деятельность ответственного исполнителя и соисполнителей государственной программы,

которые в течение финансового года могут вносить в нее изменения, перенаправлять бюджетные средства (изменяя бюджетное законодательство), что оказывает влияние на целевые показатели (индикаторы). Изменение объемов финансирования без корректировки показателей может привести к отсутствию связи между ними, как следствие, снижается качество планирования государственной программы. В-четвертых, методика не отражает качество документа, в ней нет обоснования альтернативных вариантов используемых бюджетных ресурсов и форм государственной поддержки.

Анализ бюджетного законодательства показал, что программная часть федерального бюджета Российской Федерации в течение последних бюджетных циклов представлена в виде совокупности государственных программ, сгруппированных в 5 основных блоков:

- «Инновационное развитие и модернизация экономики» (18 государственных программ), целью которого является создание конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий, а также создание разветвленной транспортной сети, обеспечивающей высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения;

- «Новое качество жизни» (14 государственных программ), целью которого является обеспечение доступности услуг образования и здравоохранения, достижение необходимого уровня обеспеченности жильем, развитие физической культуры и спорта, обеспече-

ние личной и экологической безопасности населения;

- «Сбалансированное региональное развитие» (6 государственных программ), целью которого является обеспечение сбалансированного территориального развития Российской Федерации, ориентированного на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов и развитие геополитически приоритетных территорий;

- «Эффективное государство» (4 государственных программы), целью которого является повышение эффективности управления государственным имуществом и государственными финансами, развитие и повышение устойчивости функционирования финансовых и страховых рынков, создание условий для формирования в России международного финансового центра;

- «Обеспечение национальной безопасности» (2 государственных программы), целью которого является поддержание высокого уровня государственной безопасности и обороноспособности страны [19].

С учетом группировки всех госпрограмм по вышеуказанным направлениям деятельности в таблице 1 представим структуру расходов федерального бюджета по государственным программам за 2011–2017 гг.

Таблица 1 – Программная структура расходов федерального бюджета за 2011–2017 гг., млрд руб.*

Направление госпрограмм	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	33,0	2 409,1	3 989,9	5 612,4	9 810,5	11 196,2	12 935,8
Новое качество жизни	33,0	2 123,9	2 514,1	3 005,0	6 767,9	6 994,3	8 775,1
Инновационное развитие и модернизация экономики	0,0	270,5	728,3	1 298,7	1 925,5	2 065,5	1 787,2
Эффективное государство	0,0	0,0	136,8	495,8	305,5	1 196,4	1 319,9
Сбалансированное региональное развитие	0,0	14,6	610,6	812,8	811,5	939,9	1 053,7

*Составлена по данным Портала государственных программ

Направление «Обеспечение национальной безопасности» содержит сведения ограниченного доступа, не подлежащее раскрытию, по этой причине в нашей работе мы не представляем никаких данных по деятельности в рамках данного направления государственных программ.

Изучив данные таблицы 1, можно заметить, что на 2011 г. все программные расходы федерального бюджета приходились на единственное направление «Новое качество жизни». Но, с 2012 г. начинается финансирование и других направлений: «Инновационное развитие и модернизация экономики» и «Сбалансированное региональное раз-

витие», на которое приходилось лишь 12% всех расходов бюджета. С 2013 года финансируется новое направление – «Эффективное государство». Однако, проследив структурные изменения в программных расходах федерального бюджета, можно отметить, что больше 50% бюджетных средств, выделяемых на госпрограммы, приходится на направление «Новое качество жизни».

В таблицах 2 и 3 представлены результаты оценки эффективности реализации главных мероприятий госпрограмм за 2014–2015 гг., проведенной Министерством экономического развития РФ.

Таблица 2 – Оценка эффективности реализации госпрограмм направления «Новое качество жизни»*

Наименование государственной программы	Ответственный исполнитель	Оценка эффективности (%)		Уровень кассового исполнения расходов федерального бюджета (%)	
		2014	2015	2014	2015
Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности	МВД России	94,8	98,2	99,90	92,5
Социальная поддержка граждан	Минтруд России	96,8	97,3	97,48	92,6
Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах	МЧС России	90,7	96,7	96,00	91,5
«Развитие образования» на 2013-2020 годы	Минобрнауки России	98,3	96,5	99,70	97,9
Развитие здравоохранения	Минздрав России	98,5	93,8	98,60	96,7
«Доступная среда» на 2011-2020 годы	Минтруд России	94,4	83,9	99,53	80,4
Содействие занятости населения	Минтруд России	92,1	80,3	95,20	88,5
Развитие физической культуры и спорта	Минспорт России	97,8	80,0	99,50	91,4
Противодействие незаконному обороту наркотиков	ФСКН России	91,6	74,1	100	100
«Развитие культуры и туризма» 2013-2020 годы	Минкультуры России	97,2	69,3	99,40	98,4
Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан	Минстрой России	88,5	62,3	97,58	81,0
«Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы	Минприроды России	94,9	58,5	97,65	93,9

* Составлена по данным Портала государственных программ

**Таблица 3 – Оценка эффективности реализации госпрограмм направления
«Инновационное развитие и модернизация экономики»***

Наименование государственной программы	Ответственный исполнитель	Оценка эффективности (%)		% финансирования	
		2014	2015	2014	2015
Развитие рыбохозяйственного комплекса	Минсельхоз России	97,0	96,4	99,55	81,7
Развитие транспортной системы	Минтранс России	91,3	96,2	98,15	96,0
«Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг.	Минприроды России	74,4	94,4	99,16	88,5
Воспроизводство и использование природных ресурсов	Минприроды России	93,2	84,5	99,85	93,9
Развитие внешнеэкономической деятельности	Минэкономразвития России	97,0	82,4	99,36	88,4
Энергоэффективность и развитие энергетики	Минэнерго России	91,0	81,5	93,92	94,5
Информационное общество (2011–2020 гг.)	Минкомсвязь России	87,9	81,3	99,83	95,6
Развитие авиационной промышленности	Минпромторг России	87,6	79,8	99,50	98,0
Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.	Минсельхоз России	97,2	78,8	98,87	92,5
Экономическое развитие и инновационная экономика	Минэкономразвития России	92,9	75,0	99,28	94,2
«Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг.	Минобрнауки России	85,5	64,2	99,47	97,0
Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности	Минпромторг России	93,3	49,3	99,94	93,0
Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2030 гг.	Минпромторг России	97,0	46,0	93,95	41,0

* Составлена по данным Портала государственных программ

Таблица 2 содержит информацию о распределении 12 госпрограмм, включенных в направление «Новое качество жизни». Следует обратить внимание на то, что в 2015 г. только 4 государственные программы получили высокую оценку эффективности реализации своих основных мероприятий. К ним относятся: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» – 98,2 %; «Социальная поддержка граждан» – 97,3 %; «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» – 96,7 %; «Развитие образования» на 2013–2020 гг. – 96,5 %. Следует отметить, что доля указанных госпрограмм, которые получили высокую оценку эффективности, в общем числе государственных программ, достаточно значительная и составляет 66,7 %. При

дан» – 97,3 %; «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» – 96,7 %; «Развитие образования» на 2013–2020 гг. – 96,5 %. Следует отметить, что доля указанных госпрограмм, которые получили высокую оценку эффективности, в общем числе государственных программ, достаточно значительная и составляет 66,7 %. При

этом показатели финансирования оказались ниже Низкую оценку эффективности реализации основных мероприятий получали такие 3 государственные программы: «Развитие культуры и туризма» 2013–2020 гг – 69,3 %; «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» – 62,3 %; и на последнем месте по эффективности реализации стоит «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. – 58,5 % запланированных.

В таблице 3 представлена информация о распределении 13 госпрограмм, включенных в направление «Инновационное развитие и модернизация экономики» (открытая часть), по результатам анализа оценки их эффективности. Высокую оценку эффективности реализации основных мероприятий получили 2 государственные программы. К ним относятся: «Развитие рыбохозяйственного комплекса» – 96,4 %; «Развитие транспортной системы» – 96,2 %. Аналогичное количество государственных программ получило низкую оценку эффективности: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» – 49,3 %; «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2030 гг.» – 46,0 %.

Низкая оценка эффективности указанных государственных программ связана с неисполнением значительного числа контрольных событий, либо с исполнением, но с нарушением планового срока. При этом в большинстве случаев, в качестве пояснения причин указано, что контрольные события не состоялись в связи с доведением до ответственных исполнителей лимитов бюджетных обязательств в размере 90 % от ранее запланированных объемов. Вместе с тем проведенный анализ показал, что некоторые государственные программы, получившие низкие оценки по критерию эффективности, согласно расчетам Минэкономразвития России, имели высокую оценку достижения плановых значений показателей. Данный факт указывает на то, что ряд требований

нормативной методологической базы при формировании контрольных событий ответственными исполнителями не соблюдается.

Нам представляется, что для повышения эффективности управления государственными программами следует:

- доработать типовую методику оценки эффективности государственной программы, устранив указанные недостатки;
- запретить корректировку элементов государственной программы в течение финансового года, что снижает качество ее планирования и не стимулирует ведомства к повышению эффективности использования бюджетных средств;
- предусмотреть закрепление промежуточных результатов подпрограмм (с поквартальной или полугодовой разбивкой), что позволит проводить мониторинг реализации государственной программы и учитывать его результаты при формировании федерального бюджета на следующий бюджетный цикл, а также повысит открытость исследуемого бюджетного инструмента для широкой общественности.

Библиографический список

1. Чулков А.С. Программно-целевое бюджетирование на региональном и местном уровнях// Финансы. – 2014. – № 3. – С. 17-24.
2. Рукина С.Н., Самодурова В.Н. Инструменты программного бюджетирования в системе управления общественными финансами/Сб. статей Международного научно-практического конкурса «Лучшая научная статья 2016». Пенза, 2016. – С. 54-63.
3. Аветисян И.А. Об эффективности государственного бюджета и бюджетных расходов // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2005. – № 29. – С. 9-19.
4. Аландаров Р.А., Тархановский К.О. Оценка эффективности бюджетных расходов на реализацию государствен-

ных сельскохозяйственных программ (на примере Краснодарского края) // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 9. – С. 38-46.

5. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2014 года. Портал государственных программ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.programs.gov.ru/Portal/

6. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 г. Портал государственных программ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.programs.gov.ru/Portal/

7. *Рукина С.Н., Самодурова В. Н.* Роль государственных программ в реализации бюджетной политики / Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VII Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 12 февр. 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. – № 1 (7). – С. 285–286.

8. *Мастеров А.И.* Развитие методологии программного анализа как инструмент повышения эффективности бюджетного планирования // Вестник финансового университета. – 2015. – № 2. – С. 76-83.

9. *Подъяблонская Л.М.* Проблемы повышения эффективности государственных расходов в России: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 111 с.

10. *Сенчагов В.К.* Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности: монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 384 с.

11. *Смирнов М.А.* Использование проектного подхода при реализации государственных программ // Финансовый журнал. – 2016. – № 1. – С. 79-88.

12. *Соколов И.А., Бегчин Н.А., Беленчук А.А.* Направления развития программно-целевого управления бюджет-

ными средствами в России // Финансы. – 2015. – № 4. – С. 8-15.

13. *Соколов И.А., Тищенко Т.В., Хрусталева А.А.* Программно-целевое управление бюджетом: опыт и перспективы в России: монография. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2013.

14. *Чулков А.С.* Проблемы применения программно-целевого бюджетирования в регионах Российской Федерации и пути их решения // Финансы и кредит. – 2016. – № 34. – С. 26-36.

15. *Шап Н.Н.* Управление эффективностью государственных программ: методологические основы разработки программного бюджета // Управленец. – 2015. – № 1 (53). – С. 4-15.

16. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 N 588 (в актуальной редакции) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации». Электронный ресурс. [Режим доступа]: www.base.consultant.ru

17. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 N 2593-р (в актуальной редакции) «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года». Электронный ресурс. [Режим доступа] // www.base.consultant.ru.

18. Приказ Минэкономразвития России от 16.09.2016 N 582 (в актуальной редакции) «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации». Электронный ресурс. [Режим доступа] // www.base.consultant.ru/

19. Портал государственных программ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.programs.gov.ru/Portal

Bibliographic list

1. *Chulkov A.S.* Program-targeted budgeting at the regional and local levels // *Finance*. – 2014. – № 3. – pp. 17-24.

2. *Rukina S.N., Samodurova V.N.* Tools of program budgeting in the system of public finance management // In the collection of articles of the International Scientific and Practical Competition Best scientific article 2016. Penza, 2016. pp. 54-63.

3. *Avetisyan I.A.* On the effectiveness of the state budget and budget expenditures // *Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast*. – 2005. – No. 29. – P. 9-19.

4. *Alandarov R.A., Tarkhanovsky K.O.* Estimation of the effectiveness of budget expenditures for the implementation of state agricultural programs (on the example of the Krasnodar Territory) // *Financial analytics: problems and solutions*. – 2016. – No. 9. – P. 38-46.

5. Consolidated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state programs of the Russian Federation in 2014. Portal of state programs [Electronic resource]. – Access Mode: www.programs.gov.ru/Portal/

6. Consolidated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state programs of the Russian Federation by the end of 2015. Portal of state programs. [Electronic resource]. – Access Mode: www.programs.gov.ru/Portal/

7. *Rukina S.N., Samodurova V.N.* The role of state programs in the implementation of budgetary policy // *Actual directions of scientific research: from theory to practice: materials VII Intern. Scientific-practical. Conf.* (Cheboksary, Feb. 12,

2016) / Ed. O. N. Shirokov et al. – Cheboksary: CNS Interactive Plus, 2016. – No. 1 (7). – pp. 285-286.

8. *Masterov A.I.* Development of the methodology of program analysis as a tool to improve the efficiency of budget planning // *Bulletin of the Financial University*. – 2015. – No. 2. – pp. 76-83.

9. *Podyablonskaya L.M.* Problems of increasing the efficiency of public expenditure in Russia: a monograph. Moscow: UNITY-DANA, 2010. – 111 p.

10. *Senchagov V.K.* Russia's budget: development and ensuring economic security: a monograph. Moscow: INFRA-M, 2015. – 384 p.

11. Smirnov M.A. The use of the project approach in the implementation of government programs // *Financial Journal*. – 2016. – No. 1. – pp. 79-88.

12. *Sokolov I.A., Begchin N.A., Belenchuk A.A.* Directions of development of program-target management of budgetary funds in Russia // *Finance*. – 2015. – No. 4. – pp. 8-15

13. *Sokolov I.A., Tishchenko T.V., Khrustalev A.A.* Programmatic target management of the budget: experience and prospects in Russia: a monograph. M.: Publishing house «Delo» RANH and GS, 2013. – 246 p.

14. *Chulkov A.S.* Problems of application of program-target budgeting in the regions of the Russian Federation and ways of their solution // *Finance and credit*. – 2016. – No. 34. – P. 26-36.

15. *Shash N.N.* Managing the effectiveness of state programs: the methodological basis for the development of a program budget // *The manager*. – 2015. – No. 1 (53). – pp. 4-15.

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Аннотация

Автор статьи на основе экономико-статистической характеристики структуры и деятельности банков в отдельно взятом регионе предлагает меры по лучшему использованию банковского потенциала и банковского обслуживания.

Ключевые слова

Банк, банковская система региона, банковские услуги, рентабельность активов банка, рентабельность капитала, банковский пул.

JEL: C10, G21

Oveyan E. S.

ECONOMICAL AND STATISTICAL ASSESSMENT OF BANKING SYSTEM OF REGION

Annotation

Author of article on basis of economical and statistical characteristic of structure and activity of banks in separately taken region proposes measures for the best use of bank potential and bank service.

Keywords

Bank, banking system of region, banking services, profitability of assets of bank, profitability of capital, bank pool.

Банковское посредничество представляет собой неотъемлемую часть процессов взаимодействия всех субъектов экономики. Его развитие стимулирует их активность за счет увеличения рациональности распределения ресурсов, повышения качества корпоративного контроля, мобилизации капитала и оптимизации управления рисками. Низкая эффективность деятельности коммерческих банков может стать причиной снижения деловой активности в стране и ее регионах, замедления темпов экономического роста, нарушения пропорций процесса воспроизводства. В силу этих причин уровень развития банковской системы во многом предопределяет рост экономики страны с опорой на полное использова-

ние внутренних ресурсов, что особенно важно в условиях продолжающегося глобального экономического кризиса, резкого обострения политической ситуации в мире, введения экономических санкций против России. В связи с этим совершенствование отечественной банковской системы и ее региональной составляющей является важным условием социально-экономического развития всей страны и отдельных ее регионов.

Банковская система регионов сравнительно недавно стала объектом анализа отечественной науки и практики. На сегодняшний день основными трудами в этой области являются работы С. О. Алехновича, С. А. Андриюшина, В. В. Кузнецовой, М. А. Пономаревой, Н. П. Пепеловой,

А. М. Полянцева, А. Ф. Рогачева, Ю. В. Самойлова, И. В. Скопина и др. Однако публикаций, посвященных комплексному анализу состояния банковского дела и перспектив его развития в отдельно взятом регионе, явно недостаточно, что не способствует развитию инно-

вационной активности и укреплению взаимодействия региональных банков с реальной экономикой региона.

В Южном федеральном округе сформировалась и функционирует разноканальная банковская структура (табл. 1).

Таблица 1 – Количество действующих кредитных организаций и их филиалов по состоянию на 01.01.2016 (ед.)

Регион	Количество кредитных организаций в регионе	Количество филиалов в регионе		
		всего	кредитные организации, головная организация которых находится в данном регионе	кредитные организации, головная организация которых находится в другом регионе
Российская Федерация	733	1398	176	1222
Южный федеральный округ	37	163	12	151
Республика Адыгея	4	4	0	4
Республика Калмыкия	0	2	0	2
Краснодарский край	13	52	1	51
Астраханская область	3	9	0	9
Волгоградская область	4	23	0	23
Ростовская область	13	73	11	62

Количество региональных кредитных организаций в Ростовской области составляет 1,8 % от общего числа кредитных организаций в стране и 35,1 % – от общего числа кредитных организаций в Южном федеральном округе. При

этом число банков сократилось в последние годы, что явилось результатом политики санации, проводимой Центральным Банком России. В результате обеспеченность банковскими услугами снизилась (табл. 2).

Таблица 2 – Обеспеченность экономики банковскими услугами [10]

Показатели	Ростовская область				Российская Федерация			
	01.01. 2013	01.01. 2014	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2013	01.01. 2014	01.01. 2015	01.01. 2016
Совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами	1,04	1,04	0,99	0,97	1	1	1	1
Институциональная насыщенность банковскими услугами (по численности населения)	1,17	1,21	1,14	1,15	1	1	1	1
Финансовая насыщенность банковскими услугами (по объему кредитов)	1,27	1,24	1,17	1,13	1	1	1	1
Индекс развития сберегательного дела (депозиты на душу населения к доходам)	0,76	0,74	0,73	0,71	1	1	1	1

В Ростовской области практически все показатели (за исключением показателя институциональной насыщенности банковскими услугами, который незначительно увеличился за 2015 г.) имеют тенденцию к снижению, что повлекло за собой уменьшение активности на рынке банковских услуг Ростовской области. Для обеспечения потребностей региона

услугами коммерческих банков требуется большая институциональная насыщенность банковских услуг и их доступность.

Оценка эффективности деятельности региональных банков вскрыла следующую картину показателей рентабельности активов-нетто *ROA* и рентабельности капитала (*ROE*) (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика рентабельности активов-нетто (*ROA*) региональных банков Ростовской области*

Название банка	Январь 2016 г., %	Январь 2015 г., %	Изменение, процентные пункты
Русский национальный банк	4,25	3,84	0,41
Сельмашбанк	2,65	3,07	-0,42
Земкомбанк	2,65	2,37	0,28
Кредит Экспресс	2,34	2,19	0,15
Южный региональный банк	2,31	1,88	0,43
Таганрогбанк	1,9	-2,65	4,55
Центр-инвест	1,42	1,53	-0,11
Стелла-Банк	0,8	0,72	0,08
Донхлеббанк	0,63	0,77	-0,14
Донкомбанк	0,57	0,6	-0,03
Дон-Тексбанк	0,52	0,71	-0,19
Капиталбанк	0,09	0,2	-0,11
Ростфинанс	0,07	7,06	-6,99

* Составлена автором по данным [10].

Показатель рентабельности активов-нетто (*ROA*) характеризует эффективность размещений банка. За 2015 г. у региональных банков Ростовской области динамика этого показателя свидетельствует об их неравномерном развитии.

Наименьшую рентабельность активов-нетто из ныне действующих региональных банков Ростовской области демонстрирует банк «Ростфинанс»: рентабельность его активов сократилась за анализируемый период до 0,07 %. В целом значение рентабельности активов-нетто рассматриваемых банков оказалось значительно ниже норматива мировой практики (нижний уровень 4 %).

Важным показателем, характеризующим эффективность деятельности банков, является рентабельность капитала (*ROE*) (табл. 4). Рентабельность

собственного капитала, характеризующая эффективность работы банка, является одним из наиболее важных показателей для его собственников. За 5 месяцев 2016 г. наибольшую величину этого показателя демонстрировал «Сельмашбанк», рентабельность капитала которого составляла 20,97 %. Такое значение соответствует нормативному уровню, который составляет 15–40 %. Однако у большинства других региональных банков Ростовской области ситуация изменилась в худшую сторону, и рентабельность собственного капитала снизилась до 3–5 %. Прежде всего это связано с тем, что в течение рассматриваемого периода наблюдались снижение чистой прибыли банка и рост его собственного капитала.

**Таблица 4 – Динамика рентабельности капитала (ROE)
региональных банков Ростовской области***

Название банка	Май 2016 г., %	Январь 2016 г., %	Изменение, процентные пункты
Сельмашбанк	20,97	10,83	10,14
Земкомбанк	8,69	10,98	-2,29
Русский национальный банк	4,74	20,86	-16,12
Центр-инвест	4,38	12,65	-8,27
Донкомбанк	3,06	5,18	-2,12
Кредит Экспресс	2,17	8,16	-5,99
Таганрогбанк	1	2,69	-1,69
Южный региональный банк	0,29	4,95	-4,66
Ростфинанс	-1,58	0,38	-1,96
Дон-Тексбанк	-13,65	1,7	-15,35
Донхлеббанк	-37,89	5,48	-43,36

* Составлена автором по данным [11].

В основном систему банков региона представляют малые и средние банки (исключение составляет крупный региональный коммерческий банк «Центр-инвест»). Капиталы и активы отдельных банков не позволяют им усилить инвестиционную активность. Региональные банки независимо от их мощности выполняют универсальные функции, присущие крупным банкам, в то время как требуется специализация их услуг, исходя из возможностей.

Результаты деятельности банковской системы Ростовской области свидетельствуют о необходимости ее трансформации в направлении улучшения использования потенциала на основе задействования общесистемных свойств на основе интеграции их усилий.

Во-первых, требуется обоснование количественного состава банков и их пространственного размещения в регионе, достаточного для обеспечения кредитования и других банковских операций и услуг. Жесткая надзорная политика Банка России, направленная порой на механическое сокращение числа малых банков, может породить тенденцию чрезмерной монополизации банковской деятельности, снизить конкуренцию, приведет к недоучету местных условий и потребностей, снизить финансовую грамотность бизнеса и населения.

Во-вторых, необходима интеграция и объединение усилий банков в та-

ких формах, как: банковские пулы, развитие синдицированного кредитования, вовлечение банков в разработку и реализацию регионально значимых социально-экономических программ и т. п.

В-третьих, нужно взаимодействие в различных формах между кредитными организациями и небанковскими структурами, участвующими в инвестиционной деятельности в регионе. Банковская система региона не может эффективно развиваться вне связи не только с реальной экономикой, но и всей финансово-кредитной системой. Необходимо совершенствование форм и механизмов взаимодополняющего действия всего видового разнообразия кредитных организаций. Это направление развития облегчается тем обстоятельством, что ЦБ России, включая его региональные подразделения, становится мегарегулятором практически всей финансово-кредитной деятельности как в стране в целом, так и в административно-территориальных образованиях.

Таким образом, можно выделить два императива модернизации банковской системы Ростовской области: институциональный и структурный. К институциональным императивам модернизации банковской системы Ростовской области можно отнести достижение целостности институционально-правовых основ функционирования и непрерывный процесс количественно-

качественных изменений и преобразований институтов. К структурным императивам можно отнести обновление технологий банковской деятельности, структурную перестройку механизма кредитования на основе аккумуляции внутренних инвестиционных ресурсов, стимулирование потребительского спроса, расширение кредитования малого предпринимательства.

Библиографический список

1. Золотарев, В. С., Баско, О. В., Рыбчинская, И. В. Региональный банковский сектор и его роль в развитии экономики Ростовской области // Деньги и кредит. – 2013. – № 3.

2. Борисова, О. В., Маклакова, Т. Р. Риски банковской деятельности на современном этапе развития экономики // Финансовый менеджмент. – 2015. – № 1.

3. Игонина, Л. Л. Роль банков в финансовом обеспечении инвестиций в основной капитал // Финансы и кредит. – 2015. – № 2.

4. Мануйленко, В. В. Инновационные модели оценки экономического капитала коммерческого банка // Финансы и кредит. – 2012. – № 16 (496).

5. Мамонов, М. Е. Влияние кризиса на прибыльность российского банковского сектора // Банковское дело. – 2011. – № 12.

6. Рыкова, И. Н., Фисенко, Н. В. Комплексная оценка уровня развития банковских систем регионов // Банковское дело. – 2012. – № 4.

7. Садков, В. Г., Овчинникова, О. П. Стратегические направления развития и перспективная модель региональных банковских систем // Финансы и кредит. – 2006. – № 5 (209).

8. Счастливая, Т. В. Стратегия развития банковского сектора и модернизация российской экономики // Вестник ТГУ. – 2011. – № 3.

9. Овеян, Е. С. Направления развития банковской системы в условиях совершенствования экономической политики регионов // Инновации и инвестиции. – 2017. – № 2.

10. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.cbr.ru.

11. Официальный сайт Информационного агентства «Банки.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.banki.ru.

Bibliographic list

1. Zolotariov, V. S., Basco, O. V., Rybchinskaya, I. V. Regional banking sector and its role in development of economy of Rostov region // Money and credit. – 2013. – № 3.

2. Borisov, O. V., Maklakov, T. R. Risks of bank activity at the present stage of development of economy // Financial management. – 2015. – № 1.

3. Igonina, L. L. Role of banks in financial security of investments into fixed capital // Finance and the credit. – 2015. – № 2.

4. Manuylenko, V. V. Innovative models of an assessment of economic capital of commercial bank // Finance and credit. – 2012. – № 16 (496).

5. Mamonov, M. E. Influence of crisis on profitability of Russian banking sector // Banking. – 2011. – № 12.

6. Rykova, I. N., Fisenko, N. V. Complex assessment of level of development of banking systems of regions // Banking. – 2012. – № 4.

7. Sadkov, V. G., Ovchinnikov, O. P. Strategic directions of development and perspective model of regional banking systems // Finance and credit. – 2006. – № 5 (209).

8. Schastnaya, T. V. Strategy of development of banking sector and modernization of Russian economy // Bulletin of TGU. – 2011. – № 3.

9. Oveyan, E. S. Directions of development of banking system in conditions of improvement of economic policy of regions // Innovations and investments. – 2017. – № 2.

10. Official site of Central bank of Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access : www.cbr.ru.

11. Official site of Banki.ru News agency [Electronic resource]. – Mode of access : www.banki.ru.

НАШИ АВТОРЫ

Азнабаева Гульназ Ринатовна – магистрант Высшей школы экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Алпатова Екатерина Александровна – к. э. н., старший преподаватель кафедры «Управление и экономика таможенного дела» Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».

E-mail: katrin.alpatova@mail.ru.

Арженовский Сергей Валентинович – д. э. н., профессор кафедры «Математическая статистика, эконометрика и актуарные расчеты» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: sarzhenov@gmail.com.

Бахтеев Андрей Владимирович – к. э. н., доцент кафедры «Анализ хозяйственной деятельности и прогнозирование» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: a_bakhteev@mail.ru.

Бегачева Юлия Ивановна – магистрант кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет».

E-mail: beg.jul.september@yandex.ru.

Иванов Алексей Вячеславович – к. э. н., доцент кафедры «Финансы» Владимирского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

E-mail: iav@bk.ru.

Коновалов А. А. – к. э. н., доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: tornade@mail.ru.

Макаренко Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры «Бухгалтерский учет» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: lettresdaffaires@mail.ru.

Меликов Юрий Иосифович – к. э. н., профессор кафедры «Банковское дело» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: yumelikov@mail.ru.

Митрофанова Инна Алексеевна – к. э. н., доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет».

E-mail: mia05011986@yandex.ru.

Михайлова Евгения Борисовна – аспирант кафедры «Статистика и эконометрика» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

E-mail: brinkengoff567@mail.ru.

Ниворожкина Людмила Ивановна – д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Математическая статистика, эконометрика и актуарные расчеты» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: lin45@mail.ru.

Овеян Елена Сергеевна – руководитель проекта, представительство Агентства стратегических инициатив в Южном федеральном округе.

E-mail: oveyan.elena@yandex.ru.

Полякова Ирина Абрамовна – д. э. н., профессор кафедры «Социально-экономическая и региональная статистика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: mirgan@rambler.ru.

Рудяга Анна Альбертовна – к. э. н., доцент кафедры «Математическая статистика, эконометрика и актуарные расчеты» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: a_rudyaga@mail.ru.

Рукина Светлана Николаевна – к. э. н., доцент кафедры «Финансы» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: ya.svetlana-41@ya.ru.

Русских Татьяна Николаевна – к. э. н., доцент кафедры «Алгебра и математические методы в экономике» ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева».

E-mail: trusskih@rambler.ru.

Самодурова Виктория Николаева – магистрант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: tori-123@mail.ru.

Строев Сергей Павлович – к. э. н., доцент кафедры «Алгебра и математические методы в экономике» ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

E-mail: stroewsp@mail.ru.

Тинякова Виктория Ивановна – д. э. н., профессор кафедры «Прикладная математика» ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

E-mail: tviktoria@yandex.ru.

Черняков Михаил Константинович – д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Информатика» ЧОУ ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации».

E-mail: ch_ivs@sibupk.nsk.su.

Чернякова Мария Михайловна – к. э. н., доцент кафедры «Экономическая теория» Сибирского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».

E-mail: mariamix@mail.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УЧЕТ И СТАТИСТИКА

Научно-практический журнал

№ 1 (45) 2017

**Главный редактор
УСЕНКО ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА**

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77–26807

выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследования

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес редакции журнала

344002, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 69, к. 414.

Тел.: (863) 261–38–93.

E-mail: sarzhenov@gmail.com

Адрес издателя

Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)

344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 152.

Тел. (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

**РЕДАКТИРОВАНИЕ, КОРРЕКТУРА,
ВЕРСТКА И МАКЕТИРОВАНИЕ**

ШМЫГЛЯ Э. В.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

АКИМОВА Л. И.

Изд. № 20/2933. Подписано в печать 03.04.2017. Дата выхода 11.05.2017.

Объем 8,5 уч.-изд. л., 16,0 усл. печ. л.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×84/8. Гарнитура «Times New Roman».

Заказ № 60. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано

Издательско-полиграфическим комплексом РГЭУ (РИНХ)

344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, РГЭУ (РИНХ), к. 152.

Тел. (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

SCIENTIFIC EDITION

ACCOUNTING AND STATISTICS

Scientific and practical journal

№ 1 (45) 2017

Editor-in-Chief
USENKO LUDMILA NIKOLAEVNA

Certificate on registration

ПН № ФС 77–26171

is granted by Federal service for supervision of legislation in mass communication
and protection of cultural heritage

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education
«Rostov State University of Economics (RINH)»

Address of Editorial Board of Journal

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 414

Tel.: (863) 261–38–93.

E-mail: sarzhenov@gmail.com

Publisher

Publishing and printing complex of RSUE (RINH).

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152

Tel.: (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

EDITING AND PROOFREADING,

LAYOUT by

SHMYGLYA E. V.

ISSUER EDITOR

AKIMOVA L. I.

Ed. № 20/2933. Signed in print 03.04.2017. Date of print 11.05.2017.

Volume of accounting and publishing sheets 8,5, conditionally printed sheets 16,0.

Offset paper. Digital printing. Format 60×84/8. Font «Times New Roman».

Order № 60. Printing 1000 copies. Free price.

Printing by

Publishing and printing complex of RSUE (RINH).

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152

Tel.: (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com